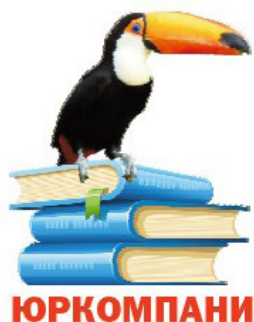

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научно-правовой журнал

№ 2
(апрель-июнь)
2026 г.

Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «ЮРКОМПАНИ»

Журнал основан в 2009 году.

Выходит один раз в 3 месяца.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-37807 от 15октября 2009 г.)

ISSN: 3034-2422.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

Журнал является площадкой для публикации материалов участников международных научно-практических конференций и круглых столов, научных статей магистрантов, аспирантов и адъюнктов из России, стран СНГ и зарубежных государств.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научно-правовой журнал

Ежеквартальный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам теории права и государства, конституционного (государственного) права, а также гражданского и уголовного права и законодательства в России и зарубежных странах.

Председатель редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Главный редактор: Усанов Владимир Евгеньевич

Заместитель главного редактора: Марат Шайхуллин

Корректор: Вера Козлова

Компьютерная верстка: Екатерина Ерошина

Дизайн: Роман Ерцев

Офис редакции: г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Помещ. 2, ком. 31Г.

WhatsApp: +7-903-672-55-88.

Сайт: www.legal.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

Почтовый адрес редакции (для корреспонденции):

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Помещ. 2, ком. 31Г.

При использовании опубликованных материалов ссылка на научно-правовой журнал «Юридическая наука и практика» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ:

Ари Палениус – проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.

Безерра Феликс Валуа Гуара – Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсал оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич – доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан – проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – Juris Doctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг – проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка – проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене – проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

INTERNATIONAL COUNCIL:

Ari Palenius – prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena Rosyo Karnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.

Veliyev Isakhon Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan – prof., Deputy. Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng – prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka – prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene – prof., University. Mykolas Romeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

Терпан Леонид Наумович – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель: **С.А. Иванова**, доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.Н. Жуков – доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

И.А. Конюхова – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

А.В. Рагулин – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Б.С. Эбзеев – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

Н.Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD:

Chairman: **S.A. Ivanova**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Financial University under the Government of the Russian Federation”

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.N. Zhukov - Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)

I.A. Konyukhova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor, Department of Constitutional Law, Russian Academy of Justice

A.V. Ragulin - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers

B.S. Ebzeev - Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: *Усанов Владимир Евгеньевич*, академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Заместитель главного редактора: *Шайхуллин Марат Селирович*, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России», руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, главный научный сотрудник отдела теории права и междотраслевых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор Московского городского педагогического университета и Университета Правительства Москвы, руководитель центра развития просветительской деятельности для сельских территорий Российского государственного университета народного хозяйства имени В.И. Вернадского.

Усанов Владимир Евгеньевич — академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Шайхуллин Марат Селирович — профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России», руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»

Булаков Олег Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного университета, член Экспертного совета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Грудцына Людмила Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН.

Миронов Василий Олегович — профессор кафедры государственного права и управления таможенной деятельностью ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» (ВлГУ).

Садовникова Галина Дмитриевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).

Специальность: 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки»

Белов Валерий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Иванова Светлана Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Стригунова Дина Павловна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-chief: *Usanov Vladimir Evgenievich*, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

Deputy Editor-in-Chief: *Shaikhullin Marat Selirovich*, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law.

Specialty: 5.1.1. «Theoretical and historical legal sciences»

Dorskaya Alexandra Andreevna - Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Research, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

Pashentsev Dmitry Alekseevich - Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Theory of Law and Intersectoral Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of Moscow City Pedagogical University and Moscow Government University, Head of the Center for the Development of Educational Activities for Rural Areas of the Russian State University of National Economy named after V.I. Vernadsky.

Usanov Vladimir Evgenievich - Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

Shaikhullin Marat Selirovich - professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law.

Specialty: 5.1.2. «Public Law (State Law) Sciences»

Bulakov Oleg Nikolaevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University for the Humanities, member of the Expert Council of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation.

Grudtsyna Lyudmila Yuryevna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Professor of the Russian State Academy of Intellectual Property, Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.

Mironov Vasily Olegovich - Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs" (VISU).

Sadovnikova Galina Dmitrievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow State Law University named after O.E. Kutafin" (MSLA).

Specialty: 5.1.3. «Private Law (Civil) Sciences»

Belov Valery Evgenievich - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Legal Support of Market Economics, Higher School of Law, Institute of Public Administration and Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation".

Ivanova Svetlana Anatolyevna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation".

Strigunova Dina Pavlovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation."

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Озова М.К. * Вербовка граждан Российской Федерации украинскими силовиками для совершения диверсий в условиях специальной военной операции 9

Лупанова В.В. * Основные принципы международного права, как гарантии обеспечения государственного суверенитета 16

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Алтаяков Ф.Н. * Актуальные проблемы правоприменения Каирской декларации в условиях современных геополитических трансформаций 20

Денисов С.И., Опонасенко А.В. * Юридические аспекты Вестфальского мира 1648 года и его значение для развития международного права 23

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Балашов И.В. * Категория юридического интереса в работах Р. Иеринга 26

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Федоренко М.И. * Особенности наследования цифровых активов 31

Комаров В.М. * К вопросу о некоторых проблемных аспектах отмены дарения 35

Рукина В.С. * Конструкция опциона в наследственном планировании участника общества с ограниченной ответственностью 41

Шевченко Е.С. * Правовая судьба доли участника общества с ограниченной ответственностью при расторжении брака 45

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Савицкий С.В. * Права на произведения фанатского творчества 50

ПРАВСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Черкашина Н.В., Шарапова Д.Д. * Особенности судебного доказывания и доказательства в гражданском процессе 54

Посоленик С.В. * Особенности судебного доказывания по административным делам о признании незаконными решений и действий органов государственного контроля (надзора) 58

Балагуровская М.М. * «Методы предприимчивости и процессуальное состязание сторон в гражданском деле: суд первой инстанции, Верховный суд Республики Марий Эл и кассационный суд» в научно-исследовательской работе 62

Иванов М.Р. * Возможные риски злоупотребления процессуальными правами при использовании судебной медиации в гражданском и арбитражном судопроизводстве 69

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Тюрина Д.В. * Теории конкурсного оспаривания и их влияние на имущественную массу должника . . . 76

Фролова А.О. * Влияние качества и источника изображения на результаты судебно-портретной экспертизы 81

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Гельдибаев М.Х. , Губарь Д.С., Линев А.Н. * Уголовно-правовое обеспечение антитеррористической защищенности в России и зарубежных странах 85

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Явочкин А.В. * Понятие и признаки видеоигры в юридической науке и практике 99

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Жоголев Е.А. * О направлениях унификации законодательства союзного государства о некоммерческих организациях 104

CONTENT:

POLITICS AND LAW

- Ozova M.K. * Recruitment of citizens of the Russian Federation by Ukrainian security forces to commit acts of sabotage during a special military operation 9
- Lupanova V.V. * The Basic Principles of International Law as Guarantees of State Sovereignty 16

HISTORY OF THE STATE AND LAW OF FOREIGN COUNTRIES

- Altayakov F.N. * Actual problems of law enforcement of the Cairo declaration in the context of modern geopolitical transformations 20
- Denisov S.I., Oponasenko A.V. * The legal aspects of the Peace of Westphalia in 1648 and its significance for the development of international law 23

METHODOLOGY AND HISTORY OF LEGAL SCIENCE

- Balashov I.V. * The category of legal interest in the works of R. Ihering 26

CIVIL LAW

- Fedorenko M.I. * Features of digital asset inheritance 31
- Komarov V.M. * On the issue of some problematic aspects of the cancellation of the donation agreement 35
- Rukina V.S. * The design of an option in the succession planning of a participant in a limited liability company 41
- Shevchenko E.S. * Legal fate of the share of a participant in a limited liability company upon divorce 45

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

- Savitskiy S.V. * Rights to fan-created works 50

JUSTICE AND COURT PRACTICE

- Cherkashina N.V., Sharapova D.D. * Features of judicial proof and evidence in civil proceedings 54
- Posolenik S.V. * Peculiarities of judicial proof in administrative cases on recognizing decisions and actions of state control (supervision) bodies as illegal 58
- Balagurovskaya M.M. * «Methods of Entrepreneurship and Procedural Competition of the Parties in a Civil Case: the Primary Court, the Supreme Court of the Republic of Mari El, and the Court of Cassation» in research work 62
- Ivanov M.R. * Possible risks of abuse of procedural rights when using judicial mediation in civil and arbitration proceedings 69

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

- Tyurina D.V. * Theories of competitive challenging and their impact on the debtor's property 76
- Frolova A.O. * The influence of image quality and source on the results 81

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- Geldibaev M.Kh., Gubar D.S., Linev A.N. * Criminal law framework for ensuring anti-terrorist protection in Russia and foreign states 85

INTERPRETATION OF LAW

- Yavochkin A.V. * The concept and features of a video game in legal science and practice 99

LEGAL ARCHIVE

- Zhogolev E.A. * On the directions of unification of the legislation of the union state on non-profit organizations 104

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-2-9-15

ОЗОВА Мадина Казбековна,
студентка 3 курса Юридического института
Северо-Кавказской Государственной Академии,
Черкесск, Россия,
e-mail: madika09_92@mail.ru

Научный руководитель:
ШИМКИН Виктор Николаевич,
Старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
юридического института,
Северо-Кавказская государственная академия,
Черкесск, Россия,
e-mail: shimkin09@bk.ru

ВЕРБОВКА ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ УКРАИНСКИМИ СИЛОВИКАМИ ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ ДИВЕРСИЙ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Доклад рассматривает механизм вербовки граждан Российской Федерации украинскими военными и спецслужбами для совершения диверсионных актов на территории России в условиях специальной военной операции. Анализируются методы привлечения завербованных лиц, размеры предполагаемых вознаграждений и способы контроля за выполнением заданий, а также оценивается достоверность информации о выплатах. В работе сделан вывод о сомнительной эффективности подобных вербовочных кампаний из-за отсутствия подтверждений реальных выплат и успешных диверсий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вербовка, граждане Российской Федерации, Украинские силовики, диверсии, Специальная военная операция.

OZOVA Madina Kazbekovna,
third-year student, Law Institute,
North Caucasus State Academy,
Cherkessk, Russia

Academic Supervisor:
SHIMKIN Viktor Nikolaevich,
Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Procedure,
Law Institute,
North Caucasus State Academy,
Cherkessk, Russia

RECRUITMENT OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION BY UKRAINIAN SECURITY FORCES TO COMMIT ACTS OF SABOTAGE DURING A SPECIAL MILITARY OPERATION

ANNOTATION. This report examines the recruitment of Russian citizens by Ukrainian military and intelligence agencies to commit acts of sabotage on Russian territory during a special military operation. It analyzes the methods used to recruit recruits, the amounts of expected rewards, and the methods used to monitor the completion of tasks, and also assesses the reliability of information regarding payments. The study concludes that the effectiveness of such recruitment campaigns is questionable due to the lack of evidence of actual payments and successful sabotage operations.

KEY WORDS: recruitment, citizens of the Russian Federation, Ukrainian security forces, sabotage, special military operation.

Специальная военная операция, начавшаяся в 2022 году создала исключительные условия для применения не только традиционных методов ведения боевых действий, но и нетрадиционных — включая использование вербовки среди граждан Российской Федерации с целью организации диверсионных актов на территории России. Актуальность исследования обусловлена возросшим числом сообщений в СМИ и социальных сетях о попытках проникновения украинских силовиков в Российскую Федерацию для вовлечения граждан в разведывательно-подрывные мероприятия.

Специальная военная операция, начавшаяся с 24 февраля 2022 года, внесла значимые изменения в жизни России и ее граждан. Основной задачей операции заявлено обеспечение защиты жителей Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Запорожской и Херсонской областей, интеграция которых в состав Российской Федерации предвещает комплекс мер по демилитаризации и денацификации Украины. Внутриполитический контекст сопровождается высокой поддержкой населения — по данным статистики февраля 2025 года, более двух третей граждан России одобряют СВО и готовы оказывать помощь военнослужащим и новым территориям. [1]

На международной арене СВО становится фактором глобального геополитического кризиса, выступая проявлением противостояния России с НАТО и США. Для Вашингтона операция символизирует утрату влияния в эпоху ослабления экономической и политической мощи, тогда как Россия объединяет рядом с собой новые союзы, включая БРИКС, ШОС, СНГ и ЕАЭС. Военные действия способствуют формированию изменённого мирового порядка и реальному перераспределению сил между ведущими центрами влияния — Россией, США, Китаем и Индией. [2]

В рамках российских внутренних изменений СВО усиливает роль силовых структур и выступает катализатором социальной трансформации, направленной на возврат к традиционным политическим ценностям — безопасности, справедливости, национальной консолидации. Экономика становится более интегрированной в новые механизмы мировой торговли, что способствует устойчивости в условиях международных санкций и изоляции. [3]

С точки зрения национальной безопасности операция служит средством противодействия угрозам на западных рубежах России, предотвращая превращение Украины в ядерную державу и обеспечивая контроль на вновь присоединённых территориях. В таких условиях вопросы внутренней стабильности и безопасности граждан — особенно в свете возможных диверсий и угроз со стороны противника — выходят на первый план. [4]

Украинские силы организовали активную работу через цифровые платформы для вербов-

ки граждан Российской Федерации, используя популярные мессенджеры и социальные сети в качестве основных инструментов коммуникации. Наиболее распространёнными каналами выступают Telegram и WhatsApp, где выявлено не менее девятнадцати специализированных сообществ, занимающихся привлечением россиян к диверсионной деятельности, преимущественно созданных в конце апреля и сентябре 2022 года. Изначально эти сообщества публиковали националистические послания, постепенно развивая тематику в сторону прямых призывов к нарушению территориальной целостности РФ и выполнению конкретных диверсионных заданий. [5]

Служба безопасности Украины (СБУ) активно использует фейковые аккаунты, создаваемые с помощью искусственного интеллекта, генерирующего реалистичные фото и видео, подменяя ими подлинные профили, чтобы замаскироваться под сверстников и друзей потенциальных жертв. Нередко такие аккаунты функционируют в игровых чатах и социальных сетях, где используют психологическое давление, шантаж и угрозы для вовлечения в экстремистские действия. Значительная часть контактов приходится на подростков, которые либо добровольно вступают в переписку с украинскими кураторами, заинтересованные в финансах, либо становятся объектами психологического воздействия и манипуляций. [6; 7]

Коммуникация строится в режиме длительных переписок, часто с элементами социальной инженерии. Примером служит случай, когда военнослужащий вступал в переписку с фейковой «девушкой», за время общения которой постепенно убеждался в необходимости сотрудничества, после чего получал конкретные инструкции по диверсиям. Такой подход позволяет не только установить доверие, но и выявить наиболее устойчивых агентов влияния среди граждан РФ, готовых к активным действиям против национальной безопасности. [7; 8]

Узкоспециализированные задания, выданные через цифровые каналы, варьируются от создания и продвижения экстремистских интернет-ресурсов до активных диверсионных операций — поджогов, отравлений, покушений на российских военнослужащих и силовиков. Важным аспектом является адаптация коммуникации под возраст и социальное положение потенциального завербованного: подростков привлекают через игровые сообщества и обещания «быстрого заработка», что зачастую маскирует более опасные действия. В числе известных случаев зафиксировано преступление, в котором агент Киева по указанию украинских кураторов в Киеве прошёл обучение по изготовлению и установке специального устройства. [9]

Для обеспечения скрытности и безопасности в ходе коммуникации украинские спецслужбы задействуют зарубежные мессенджеры, надёжно курируемые западными разведками, обеспечи-

вая надежную шифровку сообщений и анонимность участников. Такой подход создает условия для масштабной и трудно-отслеживаемой вербовочной деятельности на территории Российской Федерации. Российские правоохранительные органы неоднократно выявляли и пресекали деятельность подобных группировок, задерживая как исполнителей, так и кураторов из Украины, и предупреждают население о серьезных последствиях сотрудничества с иностранными спецслужбами. [5; 10; 11]

Механизмы убеждения, применяемые украинскими агентами, совмещают несколько методов — от идеологической агитации и отрицания государственной принадлежности жертвы, через выстраивание доверительных отношений до прямого шантажа и угроз разоблачения. Маскировка под мошенников используется также для вербовки жертв с целью вымогательства денежных средств и вовлечения в преступные схемы, что одновременно снижает уровень подозрительности и повышает вероятность успешного вовлечения в диверсионную деятельность. [11; 12]

При этом украинская сторона целенаправленно использует психологическую уязвимость отдельных групп, что становится возможным благодаря продуманным режимам коммуникации и адаптации сообщений к особенностям личности потенциального завербованного. Регулярная смена аккаунтов и каналов в социальных сетях обеспечивает сохранение и развитие сети агентов, несмотря на действия российских спецслужб по их выявлению и нейтрализации. [5; 7]

Предлагаемые суммы вознаграждений варьируются от нескольких десятков до тысяч долларов, но в подавляющем большинстве случаев остаются на уровне нескольких тысяч рублей или эквивалентных сумм в иностранной валюте. Так, по данным заместителя секретаря Совета безопасности России Александра Гребенкина, украинские спецслужбы и связанное с ними неонацистское подполье платили российским подросткам от 5 000 до 10 000 рублей (примерно 65–130 долларов) за диверсии на железных дорогах или объектах критической инфраструктуры. [13] В отдельных случаях, например за атаки на железнодорожных участках в Москве, вознаграждение доходило до 150 долларов, что отражает расценки на относительно несложные, но требующие физического присутствия действия. [8]

Вызывает беспокойство то, что многие из привлеченных к совершению диверсионных акций — это молодые люди и подростки, не осознающие масштабов ответственности. Российские правоохранительные органы зафиксировали более ста попыток проведения террористических акций с начала военной операции, в которых исполнителями выступали именно молодые граждане, зачастую вербованные через интернет-платформы, где их привлекали возможностью заработка, не раскрывая, что наказание за диверсии будет мак-

симальным по закону. [8; 13]

Нередко вербовщики сопровождают финансовые стимулы личными инструктажами, уделяя внимание техническим аспектам и порядок выполнения заданий, что дополнительно усиливает мотивацию к выполнению поставленных целей и снижает сомнения в успехе операции. При этом денежные выплаты нередко служат лишь одним из элементов психологического воздействия, завершающим цепочку убеждения, наряду с идеологическими призывами и социальным давлением. [8; 11]

Одним из методов манипуляции стала практика интернет-мошенничества, когда под видом возврата ранее выманных у жертв денег, их подталкивают осуществить диверсию, обещая вернуть средства при выполнении задания, что способствует вовлечению всё новых исполнителей, зачастую в состоянии финансового отчаяния. [12; 14]

Для обеспечения оплаты необходимы убедительные доказательства факта выполнения диверсионных действий. Украинские силовики требуют от завербованных предоставления фото- и видеоматериалов, подтверждающих нанесенный ущерб или совершённое действие на объектах транспортной инфраструктуры, особенно железнодорожных путях. Такая визуальная фиксация служит не только доказательством выполнения задания, но и средством контроля за исполнителями со стороны кураторов.

Особое значение приобретает организация специальных команд проверки, которые при необходимости выезжают на место происшествия или дистанционно анализируют полученные материалы на предмет соответствия заявленной диверсионной задаче. Они оценивают качество и достоверность предоставленной информации, выявляют попытки имитации действий или фальсификации доказательств. Часто к оценке подключаются эксперты, компетентные в областях взрывотехники, химии или инженерного дела для подтверждения характера повреждений и причин, их вызвавших. [15]

При расследовании диверсионных преступлений, в частности тех, что совершаются несовершеннолетними в составе организованных групп, учитывается специфика вовлечения такой категории исполнителей. Следствие обязано установить не только факт самого противоправного действия, но и условия, при которых дети или подростки были привлечены к совершению диверсии, включая наличие психологического или материального принуждения. Немаловажна роль выявления финансирования и материального обеспечения диверсионной деятельности, что по Уголовному кодексу РФ квалифицируется отдельной статьёй и требует специального расследования. [16]

Все доказательства должны быть собраны и оценены в строгом соответствии с требованиями

ми уголовно-процессуального законодательства России. Согласно статьям 87 и 88 УПК РФ, проверка и оценка доказательств входит в компетенцию суда. При этом недопустимы материалы, полученные с нарушением процедурных норм, а также неполноценные виды экспертиз, например некачественная лингвистическая экспертиза, не могут служить единственным основанием для обвинения. [17] Конституционный Суд РФ в постановлении № 2587-О подтвердил необходимость соблюдения строгости процедур в доказательственном процессе, что повышает легитимность судебных решений по делам о диверсиях. [18]

Согласно Российскому законодательству, противодействие вербовке регулируется следующими актами:

- Уголовный кодекс РФ в статье 205.1 предусматривает ответственность за содействие террористической деятельности, включая склонение, вербовку, вооружение или подготовку лица к совершению террористических и связанных с ними преступлений. Наказания за эти деяния варьируются от лишения свободы на срок от семи до пятнадцати лет вплоть до пожизненного заключения в особо тяжких случаях с возможным крупным штрафом. Аналогичная уголовная ответственность предусмотрена за финансирование терроризма, что нередко сопряжено с вербовочной деятельностью. [19; 20]

Основной канал вербовки — интернет, соцсети и мессенджеры, где злоумышленники тщательно анализируют аккаунты, посты и комментарии пользователей для выявления потенциальных кандидатов. В числе объектов вербовки преимущественно молодые люди без устойчивой жизненной позиции, а также лица, находящиеся в кризисных ситуациях и нуждающиеся в материальной поддержке. Используемые техники включают сложные психологические манипуляции, пропагандистские воздействия, а также угрозы и шантаж. Важной задачей является информирование подростков и их родителей о рисках вовлечения через цифровые каналы, что является частью комплексной профилактической работы. [21]

Российские правоохранительные органы обладают всей необходимой законодательной базой для выявления и пресечения попыток вербовки, что подчёркивается официальными заявлениями представителей власти. Региональные и федеральные структуры координируют действия по противодействию экстремизму и терроризму на всей территории страны, что особенно актуально ввиду расширяющейся географии данных угроз. Для оперативного информирования населения работает бесплатная горячая линия ФСБ России (8-800-224-22-22), через которую можно сообщать о подозрительной активности. [22; 23]

Законодательство постоянно совершенствуется, включая внедрение мер контроля за распространением экстремистских материалов в

интернете и социальных сетях, что значительно снижает возможности вербовщиков использовать цифровое пространство для незаконной деятельности. Профилактический блок предусматривает просветительскую работу, проведение координационных мероприятий с участием различных ведомств и активное вовлечение общественности для повышения устойчивости граждан к таким воздействиям. [21; 22]

Первым приоритетом является интенсивное применение точечных военных ударов по организаторам диверсионных операций и лицам, принимающим решения на стороне противника. Эксперт Прохвятилов подчёркивает, что эффективность защиты от пролёта беспилотников и подобных угроз прямым образом зависит от нейтрализации именно этих целей, информации о которых располагает российское руководство. [24]

Вторым ключевым направлением является восстановление и модернизация системы военизированной охраны стратегически важных объектов, в первую очередь мостов, транспортных узлов и энергетической инфраструктуры. Виталий Киселев предлагает возродить опыт советских подразделений ВОХРа и создать специализированные профессиональные структуры, способные обеспечить постоянную защиту этих объектов. Полный переход к решительным мерам противодействия диверсиям позволит существенно снизить риски нанесения разрушительного ущерба. [25]

Опергруппы и спецслужбы должны продолжать активную работу по выявлению и нейтрализации террористов, диверсантов и их пособников. Достижения 2025 года, с ликвидацией 24 боевиков и задержанием более 2000 участников преступных группировок, демонстрируют эффективность координированных действий правоохранительных органов. Усиление этих мероприятий должно стать системным и неоднократно проверяемым элементом защиты внутренней безопасности. [26]

Учитывая ограниченные возможности по контролю всего воздушного пространства, в частности в сфере противодействия беспилотным аппаратам, приоритет следует отдавать именно охране стратегических объектов, таких как мосты и крупные транспортные узлы. Создание усиленной, технически оснащённой и выученной системы охраны минимизирует риски успешных диверсий, одновременно концентрируя ресурсы на наиболее критичных направлениях.

Таким образом, эффективное противодействие угрозам диверсионной деятельности требует скоординированного сочетания точечных военных ударов по руководству диверсионных групп, реанимации советских практик военизированной охраны критической инфраструктуры, активной работы спецслужб и согласованной дипломатии.

Список литературы:

- [1] «Клуб социологов» - Электронный журнал. URL: <https://sociologyclub.ru/news/obshchestvo/trigoda-svo/> (дата обращения: 09.12.2025).
- [2] Никонов В. А. Специальная военная операция и новый миропорядок». // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. №99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnaya-voennaya-operatsiya-i-novyy-miroporyadok/viewer> (дата обращения: 09.12.2025).
- [3] Статья: Место и роль России в современной мировой торговле (2025) [Электронный ресурс] // scinetwork.ru. URL: <https://scinetwork.ru/articles/45613> (дата обращения: 10.12.2025)
- [4] Актуальные вопросы законодательного обеспечения безопасности и защиты суверенитета Российской Федерации. – М.: Издание Государственной Думы, 2025. – 80 с.
- [5] Метод вербовки Россиян украинскими спецслужбами // Электронный журнал Life.ru. URL: <https://life.ru/p/1782713> (дата обращения: 10.10.2025)
- [6] Быстрый заработок и угрозы убийством: как СБУ вербует... [Электронный ресурс] // dzen.ru. URL: <https://dzen.ru/a/aJRDlb7lkyo3ilSI> (дата обращения: 10.10.2025)
- [7] ФСБ: спецслужбы Украины вербуют россиян через фейковые аккаунты в Telegram. // vesti.ru URL: <https://www.vesti.ru/article/4789329> (дата обращения: 07.12.2025)
- [8] Заместитель секретаря Совбеза РФ назвал сумму, которую... // topwar.ru URL: <https://topwar.ru/216675-zamestitel-sekretarja-sovbeza-rf-nazval-summu-kotoruju-specsluzhby-ukrainy-platjat-rossijskim-podrostkam-za-diversii-na-zheleznyh-dorogah.html> (дата обращения: 09.12.2025).
- [9] Сообщество «Жизнь Екатеринбурга» Агент Киева, пытавшийся подорвать железную дорогу под Екатеринбургом... // VK. URL: https://vk.com/@zhizn_ekaterinburga-rss-270903884-1817550812 (дата обращения: 08.12.2025)
- [10] ФСБ предупредила о вербовке россиян спецслужбами Украины... // vz.ru URL: <https://vz.ru/news/2025/7/8/1343933.html> (дата обращения: 08.12.2025)
- [11] Вражеские спецслужбы вербуют россиян через иностранные... [Электронный ресурс] // ren.tv URL: <https://ren.tv/news/kriminal/1355682-verbuiut-cherez-inostrannye-messendzhery-vrazheskie-spetssluzhby-okhotiatsia-na-rossii> (дата обращения: 08.12.2025)
- [12] Новости. Украинские спецслужбы привлекают россиян... // smotrim.ru URL: <https://smotrim.ru/video/2671221> (дата обращения: 09.12.2025).
- [13] Совбез: Украина платит российским подросткам по 5–10 тыс.... // www.kommersant.ru URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5978282> (дата обращения: 10.10.2025)
- [14] Совбез: Киев платит российским подросткам до 10 тысяч рублей... // newizv.ru URL: <https://newizv.ru/news/2023-05-10/sovbez-kiev-platit-rossijskim-podrostkam-do-10-tysyach-rublej-za-diversii-406863> (дата обращения: 10.10.2025)
- [15] Милованова М. М. Особенности установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в процессе расследования диверсий на железнодорожных объектах, совершенных несовершеннолетними // Правовое государство: теория и практика. 2024. №2 (76). // Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ustanovleniya-obstoyatelstv-podlezhaschih-dokazyvaniyu-v-protsesse-rassledovaniya-diversiy-na-zheleznodorozhnyh-obektah> (дата обращения: 07.12.2025)
- [16] Ответственность за совершение действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью [Электронный ресурс] // Управа района Марьино. URL: <https://marino.mos.ru/law-and-order-and-safety/the-prosecutor-s-office/novosti-prokuratury-yuvaio/> (дата обращения: 07.12.2025)
- [17] . УПК РФ Статья 87. Проверка доказательств // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34481/de2aa2ccf29e49df201a34c5fb2162544683a3f4/ (дата обращения: 09.12.2025).
- [18] Определение Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 N 2587-О // Норматив.Контур. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=483278> (дата обращения: 09.12.2025).
- [19] УК РФ Статья 205.1. Содействие террористической деятельности... // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/23e558e632eb102b26427dffe3575b4e87f7067b/ (дата обращения: 09.12.2025).
- [20] О мерах по противодействию вербовке граждан с целью... // shkolapetrin-r11.gosweb.gosuslugi.ru URL: <https://shkolapetrin-r11.gosweb.gosuslugi.ru/roditelyam-i-uchenikam/o-merah-po-protivodeystviyu-verbovke/> (дата обращения: 09.12.2025).
- [21] О признаках вербовки в сети интернет граждан российской... [Электронный ресурс] // atnya.tatarstan.ru URL: https://atnya.tatarstan.ru/informatsiya.htm?pub_id=4176196.htm (дата обращения: 09.12.2025).
- [22] А. Клишас: Правоохранительные органы обладают необходимой... [Электронный ресурс] // legislation.council.gov.ru URL: <http://legislation.council.gov.ru/events/news/95593/> (дата обращения: 09.12.2025).

09.12.2025).

[23] Противодействие террористической вербовке: Как защитить... // *zan.donland.ru* URL: <https://zan.donland.ru/presscenter/news/368909/> (дата обращения: 09.12.2025).

[24] Прохвятилов назвал способы предотвращения диверсий... // *Дзен*. URL: https://dzen.ru/a/za7_6ldfviqgvv0l (дата обращения: 09.12.2025).

[25] Рубеж в обороне: РФ усилит защиту критических объектов от... // *iz.ru* URL: <https://iz.ru/1980682/kirill-fenin/rubezh-v-oborone-rf-usilit-zashchitu-kriticheskikh-obektov-ot-diversij-kieva> (дата обращения: 09.12.2025).

[26] Российские спецслужбы предотвратили почти 300 терактов... // *crimea.ria.ru* URL: <https://crimea.ria.ru/20251209/rossiyskie-spetssluzhby-predotvratili-pochti-300-teraktov-v-2025-godu--1151516765.html> (дата обращения: 09.12.2025).

References:

[1] «Sociologists' Club» - Electronic Journal. URL: <https://sociologyclub.ru/news/obshchestvo/tri-goda-svo/> (date accessed: 09.12.2025).

[2] Nikonov V. A. Special Military Operation and the New World Order. // *Public Administration. Electronic Bulletin*. 2023. No. 99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnaya-voennaya-operatsiya-i-novyy-miroponyatiye/viewer> (date accessed: 09.12.2025).

[3] Article: Russia's Place and Role in Modern World Trade (2025) [Electronic resource] // *scinetwork.ru*. URL: <https://scinetwork.ru/articles/45613> (accessed: 10.12.2025)

[4] Current Issues of Legislative Support for Security and Protection of the Sovereignty of the Russian Federation. – Moscow: State Duma Publication, 2025. – 80 p.

[5] Method of Recruiting Russians by Ukrainian Special Services // *Electronic Journal Life.ru*. URL: <https://life.ru/p/1782713> (accessed: 10.10.2025)

[6] Quick Money and Death Threats: How the SBU Recruits... [Electronic Resource] // *dzen.ru*. URL: <https://dzen.ru/a/aJRD1b7lkY03iISl> (accessed: 10.10.2025)

[7] FSB: Ukrainian Special Services Recruit Russians Through Fake Telegram Accounts. // *vesti.ru* URL: <https://www.vesti.ru/article/4789329> (date accessed: 07.12.2025)

[8] Deputy Secretary of the Security Council of the Russian Federation named the amount that... // *topwar.ru* URL: <https://topwar.ru/216675-zamestitel-sekretarja-sovbeza-rf-nazval-summu-kotoruju-specsluzhby-ukrainy-platjat-rossijskim-podrostkam-za-diversii-na-zheleznyh-dorogah.html> (date accessed: 09.12.2025).

[9] Community «Life of Yekaterinburg» Agent of Kyiv, who tried to blow up the railway near Yekaterinburg... // *VK*. URL: https://vk.com/@zhizn_ekaterinburga-rss-270903884-1817550812 (accessed: 08.12.2025)

[10] The FSB warned about the recruitment of Russians by Ukrainian special services... // *vz.ru* URL: <https://vz.ru/news/2025/7/8/1343933.html> (accessed: 08.12.2025)

[11] Enemy special services are recruiting Russians through foreign... [Electronic resource] // *ren.tv* URL: <https://ren.tv/news/kriminal/1355682-verbuiut-cherez-inostrannye-messendzhery-vrazheskie-spetssluzhby-okhotiatsia-na-rossiian> (accessed: December 8, 2025)

[12] News. Ukrainian intelligence agencies are targeting Russians... // *smotrim.ru* URL: <https://smotrim.ru/video/2671221> (accessed: December 9, 2025).

[13] Security Council: Ukraine pays Russian teenagers 5-10 thousand... // *www.kommersant.ru* URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5978282> (date of access: 10.10.2025)

[14] Security Council: Kyiv pays Russian teenagers up to 10 thousand rubles... // *newizv.ru* URL: <https://newizv.ru/news/2023-05-10/sovbez-kiev-platit-rossijskim-podrostkam-do-10-tysyach-rublej-za-diversii-406863> (date of access: 10.10.2025)

[15] Milovanova M. M. Features of establishing circumstances subject to proof in the process of investigating sabotage on railway facilities committed by minors // *The rule of law: theory and practice*. 2024. No. 2 (76). // *Cyberleninka*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ustanovleniya-obstoyatelstv-podlezhaschih-dokazyvaniyu-v-protssesse-rassledovaniya-diversiy-na-zheleznodorozhnyh-obektah> (date of access: 07.12.2025)

[16] Liability for committing actions aimed at the destruction of or damage to enterprises, structures, transport infrastructure facilities and vehicles, communications equipment, vital infrastructure facilities for the population, or causing harm to health [Electronic resource] // *Maryino District Administration*. URL: <https://marino.mos.ru/law-and-order-and-safety/the-prosecutor-s-office/novosti-prokuratury-yuvao/> (date accessed: 07.12.2025)

[17] . Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Article 87. Verification of evidence // *SPS ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34481/de2aa2ccf29e49df201a34c5fb2162544683a3f4/ (date accessed: 09.12.2025).

[18] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 26.09.2024 N 2587-O // *Normative.Kontur*. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=483278> (accessed: 09.12.2025).

[19] Criminal Code of the Russian Federation, Article 205.1. Assistance to terrorist activity... // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/23e558e632eb102b26427dffe3575b4e87f7067b/ (accessed: 09.12.2025).

[20] On measures to counter the recruitment of citizens for the purpose of... // shkolapetr-r11.gosweb.gosuslugi.ru URL: <https://shkolapetr-r11.gosweb.gosuslugi.ru/roditelyam-i-uchenikam/o-merah-po-protivodeystviyu-verbovke/> (date of access: 09.12.2025).

[21] On signs of recruitment of citizens of the Russian Federation on the Internet... [Electronic resource] // atnya.tatarstan.ru URL: https://atnya.tatarstan.ru/informatsiya.htm?pub_id=4176196.htm (date of access: 09.12.2025).

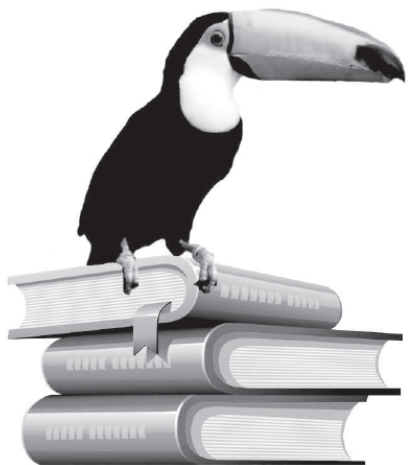
[22] A. Klishas: Law enforcement agencies have the necessary... [Electronic resource] // legislation.council.gov.ru URL: <http://legislation.council.gov.ru/events/news/95593/> (date of access: 09.12.2025).

[23] Counteracting terrorist recruitment: How to protect... // zan.donland.ru URL: <https://zan.donland.ru/presscenter/news/368909/> (date of access: 09.12.2025).

[24] Prokhvatilov named ways to prevent sabotage th... // Zen. URL: https://dzen.ru/a/za7_6ldfviqgvv0l (date accessed: 09.12.2025).

[25] Defense Line: Russia to Strengthen Protection of Critical Facilities from... // iz.ru URL: <https://iz.ru/1980682/kirill-fenin/rubezh-v-oborone-rf-usilit-zashchitu-kriticheskikh-obektov-ot-diversij-kieva> (date accessed: 09.12.2025).

[26] Russian special services prevented almost 300 terrorist attacks... // crimea.ria.ru URL: <https://crimea.ria.ru/20251209/rossiyskie-spetssluzhby-predotvratili-pochti-300-teraktov-v-2025-godu--1151516765.html> (date accessed: 09.12.2025).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЛУПАНОВА Валерия Викторовна,
студентка, Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»,
Крымский филиал,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, КАК ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

АННОТАЦИЯ. В настоящей работе на основе анализа международно-правовых актов, практики их применения, доктринальных источников, рассматриваются основные принципы международного права, как гарантии обеспечения государственного суверенитета. Автор приходит к выводу о необходимости должного обеспечения на надгосударственном уровне таких механизмов, которые содействовали бы надлежащему соблюдению установленных на международном уровне принципов суверенитета и защищали бы государства от произвольного вмешательства извне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное право, принципы права, международно-правовые принципы, государственный суверенитет, принципы суверенитета.

LUPANOVA Valeria Viktorovna,
student, Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Crimean branch

THE BASIC PRINCIPLES OF INTERNATIONAL LAW AS GUARANTEES OF STATE SOVEREIGNTY

ANNOTATION. In this work, based on the analysis of international legal acts, the practice of their application, and doctrinal sources, the basic principles of international law are examined as guarantees of state sovereignty. The author concludes that it is necessary to ensure at the supranational level such mechanisms that would promote the proper observance of the principles of sovereignty established at the international level and protect states from arbitrary interference from outside.

KEY WORDS: International law, principles of law, international legal principles, state sovereignty, principles of sovereignty.

Актуальность рассмотрения основных принципов международного права в контексте обеспечения государственного суверенитета трудно переоценить. Она заключается в том, что суверенитет государства является основополагающим принципом отличающим его от других территориальных организаций, это важнейший признак государства, заключающийся в его независимости на международной арене и верховенстве государственной власти на своей территории. В условиях сложившейся геополитической нестабильности вопросы суверенности государств сталкиваются с новыми вызовами, в этой связи международное право регулирующие отношения между государствами выступает важнейшим инструментом защиты прав на суверенитет.

Из положений Конституции Российской Федерации следует, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской

Федерации является ее многонациональный народ. Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию. Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности» [6].

Гарантом суверенитета является Глава государства.

Так, в послании Президента Российской Федерации В.В. Путина от 29 февраля 2024 г. вопросам укрепления суверенитета уделено особое внимание, что связано со сложившейся международной политической обстановкой. Президентом отмечена важность Специальной военной операции в защите суверенитета, указано на необходимость дальнейшего развития демократии и недопущения вмешательства во внутренние дела России, достижения наших предков и уважение к ним со стороны молодого поколения названы важнейшим залогом и гарантией суверенитета России [7].

Из Постановления Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» следует, что суверенитет предполагает «верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус» [8].

В силу ч.4 ст.15 Конституции РФ международно-правовые принципы признаются приоритетной составляющей правовой системы государства, в том числе, принципы относительно государственного суверенитета.

Как справедливо отмечено И.А. Конюховой, «одним из основополагающих принципов признания и соблюдения государственного суверенитета является невмешательство во внутренние дела государств. «Под невмешательством во внутренние дела государств понимается соблюдение другими государствами требования воздерживаться от любого вмешательства, прямого или косвенного, индивидуального или коллективного, во внутренние или внешние дела, входящие во внутреннюю компетенцию другого государства, независимо от их взаимоотношений» [2].

По мнению авторов, «действенность этого принципа проявляется в признании независимого статуса национальных государств по отношению друг к другу, а внутренне характеризуется полнотой и верховенством власти внутри страны» [1].

Принцип невмешательства получил свое отражение в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г.; Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограничении их независимости и суверенитета от 20 декабря 1965 г.; Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г.; Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств от 9 декабря 1981 г. и ряде других международных документов.

Вышеназванной Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г. провозглашены также следующие принципы суверенитета:

1. Принцип суверенного равенства государств, в силу которого, «все государства пользуются су-

веренным равенством. Они имеют одинаковые права и обязанности и являются равноправными членами международного сообщества, независимо от различий экономического, социального, политического или иного характера» [9].

2. Принцип, касающийся обязанности в соответствии с Уставом не вмешиваться в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого другого государства, которым предусмотрено, что «ни одно государство или группа государств не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела любого другого государства. Вследствие этого вооруженное вмешательство и все другие формы вмешательства или всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных основ, являются нарушением международного права» [9].

Хельсинский заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. также содержит важные принципы, в частности:

- принцип неприменения силы или угрозы силой, означающем, что «государства-участники будут воздерживаться в их взаимных, как и вообще в их международных отношениях от применения силы или угрозы силой как против территориальной целостности, или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций и с настоящей Декларацией. Никакие соображения не могут использоваться для того, чтобы обосновывать обращение к угрозе силой или к ее применению в нарушение этого принципа» [10];

- принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву.

Несмотря на официальное закрепление принципов государственного суверенитета в международном законодательстве, что, безусловно, значимо на международной арене, остается актуальным вопрос об их фактическом исполнении. В первую очередь, в связи со стремлением западноевропейских государств к созданию однополярного мира при их господстве и попытками посредством введения санкций против России повлиять на принятие внутригосударственных решений.

Как справедливо отмечено Е.В. Виноградовой, санкции стали инструментом политического давления на суверенную Россию. Односторонние меры, введенные США в связи с присоединением Крыма к Российской Федерации в 2014 г. применялись в несколько этапов. Первое введение санкций произошло в марте и апреле указом Барака Обамы, со ссылкой на законы США «О международных чрезвычайных экономических полномочиях» и «О чрезвычайных ситуациях». Санкционный список включал обширный перечень лиц, связанных с предпринимательской де-

тельностью. Помимо США, санкции были введены со стороны Европейского Союза, Австралии, Албании, Черногории, Исландии, Украины и Молдовы. Второй этап начался в апреле 2014 года и охватывал запрет на ведение финансовой деятельности на территории США 7 российских чиновникам и 17 российским компаниям» [11].

Перечисленные санкции со стороны европейских государств и США являются неоправданными и незаконными, так как они противоречат фундаментальному принципу международного права – принципу межгосударственного сотрудничества, и добросовестного исполнения международных обязательств, способствуют возникновению глобальной напряженной ситуации, грозящей международной безопасности.

Российская реакция на финансовые санкции, демонстрирует, по мнению аналитиков решительность. Анализ санкций, применявшихся в отношении России в разные периоды времени, позволяет говорить, что, вынужденно отказываясь от импорта, страна находила новые ресурсы и рынки сбыта, что укрепляло ее самостоятельность.

Рассматривая проблемы государственного суверенитета в международном праве, авторы отмечают, что «государства сталкиваются с проблемой исчезновения понятия государственного суверенитета, который становится менее юридически строгим, вследствие чего государства находятся в поиске своей национальной самоидентичности, что способствует обострению проблем на международной арене. Важной проблемой является также вопрос о частичной передаче государственного суверенитета в ведение международных организаций» [3].

Аналогичной позиции придерживаются Росенко М.И., Старцева С.В., по мнению которых «становясь членом международных организаций, суверен добровольно возлагает на себя круг обязанностей и параллельно передает сегмент своих полномочий международным альянсам, в связи с чем, нарушается привилегия государства на самостоятельное принятие решений» [4].

В данном контексте нельзя не согласиться с

мнением В.А. Чиркина, Н.В. Зин, указывающих, что «суверенитет, как один из основополагающих признаков любого государства, не может быть относительной категорией. Суверенитет государства является неделимым его атрибутом и заканчивается там, где начинается суверенитет другого государства. Это не говорит о его ограниченности, а лишь подразумевает определенные рамки его абсолютности» [5].

Таким образом, руководствуясь принципами международного права, государствам необходимо строго очерчивать границы суверенитета, в целях обеспечения невмешательства во внутренние вопросы страны извне и незамедлительно пресекать попытки посягательств на независимость и неприкосновенность этих границ. В этой связи представляется обоснованным и целесообразным дополнение конституционных предписаний положениями о неисполнении противоречащих Конституции России решений международных организаций (ст.79) [12].

Резюмируя изложенное, следует отметить, что несмотря на официальное закрепление принципов государственного суверенитета в международном законодательстве, в частности, принципа невмешательства во внутригосударственные дела, равенства государств, недопустимости изменения границ государств военным путем, мирного урегулирования конфликтов, остается актуальным вопрос об их фактическом исполнении. В частности, на сегодняшний день в международном сообществе наблюдаются попытки групп государств повлиять на внутригосударственные решения других стран, посредством применения экономических и политических мер. В этой связи, представляется необходимым внедрение (а главное – обеспечение должного функционирования) на надгосударственном уровне таких механизмов, которые содействовали бы надлежащему соблюдению установленных на международном уровне принципов суверенитета и защищали бы государства от произвольного вмешательства извне, в том числе, путем применения санкционных мер.

Список литературы:

- [1] Алексеева Л.А., Майорова С.А. К вопросу о государственном суверенитете в условиях глобализации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. №3 (59). С. 39 – 44.
- [2] Конюхова И.А. Принцип государственного суверенитета в международном и конституционном праве // Международно-правовые стандарты в конституционном праве. 2007. №2. С. 9 – 38.
- [3] Муртузалиев Р.Р., Алиева М.Н. Проблема государственного суверенитета в международном праве // Государственная служба и кадры. 2022. №2. С. 247 – 249.
- [4] Росенко М.И., Старцева С.В. Понятие государственного суверенитета в условиях глобализации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7(223). С. 176-178.
- [5] Чиркин В.А., Зин Н.В. К вопросу об особенностях государственного суверенитета России // Аграрное и земельное право. 2024. №11 (239). С. 11 – 12.
- [6] Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 10.11.2025).
- [7] Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Россий-

ской Федерации от 29 февраля 2024 г. // Российская газета. 2024. № 46.

[8] Российская газета. 2000. № 118.

[9] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года) // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16044> (дата обращения: 20.11.2025).

[10] Хельсинский заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе: официальный сайт. URL: <http://www.osce.org/> (дата обращения: 12.02.2026).

[11] Виноградова Е. В. Влияние международных экономических санкций на конституционное пространство современной России // Образование и право. 2022. №2. – С. 87.

[12] Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. 2020. № 55.

References:

[1] Alekseeva L.A., Mayorova S.A. On the Issue of State Sovereignty in the Context of Globalization// Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (59). Pp. 39–44.

[2] Konyukhova I.A. The Principle of State Sovereignty in International and Constitutional Law // International Legal Standards in Constitutional Law. 2007. No. 2. Pp. 9–38.

[3] Murtuzaliev R.R., Alieva M.N. The Problem of State Sovereignty in International Law // Civil Service and Personnel. 2022. No. 2. Pp. 247–249.

[4] Rosenko M.I., Startseva S.V. The Concept of State Sovereignty in the Context of Globalization // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 7 (223). Pp. 176–178.

[5] Chirikin V.A., Zin N.V. On the Peculiarities of State Sovereignty of Russia // Agrarian and Land Law. 2024. No. 11 (239). Pp. 11–12.

[6] The Constitution of the Russian Federation was adopted by popular vote on December 12, 1993 [as amended] // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (date accessed: 10.11.2025).

[7] Address of the President of the Russian Federation V.V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation dated February 29, 2024 // Rossiyskaya Gazeta. 2024. No. 46.

[8] Rossiyskaya Gazeta. 2000. No. 118.

[9] Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations (Adopted by UN General Assembly resolution 2625 (XXV) of 24 October 1970) // SPS «Consultant Plus». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16044> (date of access: 20.11.2025).

[10] Helsinki Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe of 1 August 1975 // Organization for Security and Cooperation in Europe: official website. URL: <http://www.osce.org/> (date of access: 12.02.2026).

[11] Vinogradova E. V. The Impact of International Economic Sanctions on the Constitutional Space of Modern Russia // Education and Law. 2022. No. 2. – P. 87.

[12] Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ “On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority” // Rossiyskaya Gazeta. 2020. No. 55.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-2-20-22

АЛТАЯКОВ Фаиль Наилевич,
*аспирант кафедры международного и европейского права
юридического факультета Казанского (Приволжского)
Федерального Университета,
Казань, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ КАИРСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема системных противоречий между Каирской декларацией прав человека и универсальными международно-правовыми стандартами. Исследуются проблемы имплементации данного документа в контексте геополитического соперничества, фрагментации международного права и кризиса правозащитных институтов Организации объединенных наций (далее по тексту – ООН).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Каирская декларация, ООН, Организация исламского сотрудничества (ОИС), шариат.

ALTAYAKOV Fail Nailevich,
*Postgraduate student
at the Department of International and European Law,
Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia*

ACTUAL PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT OF THE CAIRO DECLARATION IN THE CONTEXT OF MODERN GEOPOLITICAL TRANSFORMATIONS

ANNOTATION. The article examines the problem of systemic contradictions between the Cairo Declaration of Human Rights and universal international legal standards. The article examines the problems of the implementation of this document in the context of geopolitical rivalry, fragmentation of international law and the crisis of the United Nations human rights institutions (hereinafter referred to as the UN).

KEY WORDS: Cairo Declaration, UN, Organization of Islamic Cooperation (OIC), Sharia.

На фоне кризиса либерального миропорядка в настоящее время наблюдается усиление влияния региональных систем правозащиты, альтернативных западной модели. Организация исламского сотрудничества последовательно продвигает собственную нормативную базу, краеугольным камнем которой остается Каирская декларация прав человека в исламе [1].

Каирская декларация принята в 1994 году и является одним из ключевых документов, которая определяет международно-правовые рамки в сфере защиты прав человека. Однако, в условиях современных стремительных геополитических трансформаций, таких как: изменения баланса сил на международной арене, рост национализма, усиление межгосударственных конфликтов,

применение данной декларации сталкивается с рядом трудностей.

Каирская декларация состоит из 25 статей, охватывающих широкий спектр прав: право на жизнь (ст. 2), право на неприкосновенность частной жизни (ст. 4, 18(b)), право на семью и брак (ст. 5), равенство мужчины и женщины в человеческом достоинстве (ст. 6), право на образование (ст. 9), свободу передвижения (ст. 12), право на труд (ст. 13), презумпцию невиновности (ст. 19(e)) и запрет пыток (ст. 20) и принята как ответ на растущее осознание необходимости согласования универсальных прав и свобод человека с учетом особенностей исламского мира. Декларация выделяет о неделимости и взаимозависимости прав человека с учетом культурных и религиозных

особенностей народов исповедующих ислам.

Однако, как справедливо отмечают С. Рехман и Гулалайгул, «Декларация представляет собой культурно-контекстуальный подход к правам, но ее ограничения в решении современных проблем, таких как права женщин, законы об отступничестве и защита меньшинств, указывают на необходимость реформ»[5].

Настоящие геополитические реалии создают комплексные вызовы для имплементации положений Каирской декларации.

Главным юридическим камнем преткновения является ст. 24 Каирской декларации, предписывающая, что все права и свободы, предусмотренные документом, «подчиняются исламскому шариату». В отличие от универсальных договоров, где ограничения прав возможны только в строго установленных законом целях (безопасность, здоровье, права других), шариат, согласно комментариям Независимой постоянной комиссии ОИС по правам человека (IPHRC), трактуется как всеобъемлющая система, включающая религиозные запреты на апостасию и богохульство [2].

Как верно отмечает исследователь Майкл Палмер, такая субординация переводит права человека из категории абсолютных ценностей в разряд «дарованных привилегий», отзываемых при нарушении религиозных догматов [3]. На практике это приводит к коллизии: если Устав ООН призывает защищать право менять религию, то уголовные кодексы Ирана, Саудовской Аравии и Йемена, ссылаясь на ст. 10 Декларации (запрет «посягательств на честь пророков»), предусматривают за это деяние высшую меру наказания [4].

Множество конфликтов на Ближнем Востоке и в других регионах, где преобладает исламское население, как например в Сирии, Йемене, Афганистане, ставят под угрозу базовые права человека, которые гарантированы декларацией, поскольку в ходе таких конфликтов погибают тысячи мирных жителей. Хотя согласно статье второй Каирской декларации гарантируется право на жизнь, которое является основополагающим. Вооруженные столкновения в рядах стран напрямую нарушают это право, делая его осуществление невозможным для значительного числа людей. Также, нарушается и статья 12, которая касается права на свободу передвижения и выбора места жительства. В ходе боевых действий миллионы людей вынуждены покидать свои дома, становясь беженцами.

Более того, на фоне происходящего в последнее время в Афганистане необходимо отметить о невозможности применения статьи 19 Каирской декларации, которая выделяет право на справедливое судебное разбирательство, а также статьи 6 «женщина равна с мужчиной в человеческом достоинстве и имеет права, которыми она пользуется, и обязанности, которые она выполняет»

[6].

Каирская декларация, будучи документом, основанным на исламских принципах, призвана обеспечить уважение и защиту прав человека. Однако, когда эти правила систематически нарушаются в результате вооруженных конфликтов, эффективность такого документа снижается.

В марте 2026 года на 61-й сессии Совета ООН по правам человека в Женеве представитель Центра по исследованию проблем (Center for Inquiry) К. Эль-Газзали выступил с жесткой критикой ОИС. В заявлении подчеркивается, что «организация, основополагающие документы которой подчиняют каждое право человека верховенству шариатского права, не имеет законных претензий на статус наблюдателя в органе, приверженном универсальным правам».

Особую озабоченность вызывает стратегия ОИС, которую CFI характеризует как «использование языка прав человека против самих прав человека, переупаковка теократической цензуры как «защиты от диффамации религии». В 2026 году данная стратегия продолжает реализовываться через лоббирование резолюций, фактически легитимирующих репрессивные нормы на международном уровне.

Усиление суверенитета и отказ от «либерального интервенционизма» позволили странам ОИС (Пакистан, Египет, Нигерия) игнорировать критические замечания договорных органов ООН. Профессор Дж. Хамфрис в своем исследовании 2025 года называет это явление «исламским правовым изоляционизмом», когда Каирская декларация используется не для защиты человека, а для иммунитета государства от внешней критики.

Современные геополитические трансформации создают благоприятную среду для укрепления альтернативных правозащитных систем. Как отмечается в научной литературе, ОИС представляет собой «вторую по величине межправительственную организацию в мире после самой ООН», а ее государства-члены образуют «самый мощный и сплоченный блок в системе ООН».

Парадокс ситуации 2026 года заключается в том, что, с одной стороны, критика Каирской декларации со стороны ПАСЕ и правозащитных организаций усиливается, а с другой – геополитический вес ОИС делает невозможным пересмотр статуса этой организации в правозащитных механизмах ООН.

Правоприменение Каирской декларации в 2026 году сталкивается с непреодолимым системным барьером: её нормы изначально не предназначены для интеграции с универсальным правом, а служат альтернативной правовой платформой для блока стран ОИС. Декларация остается не инструментом правоприменения, а геополитическим манифестом, дестабилизирующим единство международного права.

Список литературы:

- [1] Center for Inquiry (CFI). CFI Condemns the Organisation of Islamic Cooperation's Assault on Free Expression at the UN Human Rights Council. Прямая речь представителя на 61-й сессии СПЧ ООН. Женева, 17 марта 2026. [Электронный ресурс] // URL: centerforinquiry.org (дата обращения: 08.04.2026).
- [2] Independent Permanent Human Rights Commission (IPHRC) OIC. Заявление по случаю Международного дня мирного сосуществования. Джидда: UNA-OIC, 28 января 2026. [Электронный ресурс] // URL: una-oic.org (дата обращения: 08.04.2026).
- [3] Palmer, M. The Cairo Declaration and the Future of Universal Rights: A Critique of Legal Relativism. // Oxford Journal of Law and Religion. – 2025. – Vol. 14, Issue 2. – P. 145-167.
- [4] U.S. Commission on International Religious Freedom (USCIRF). Annual Report 2025: Level 1 Countries (Afghanistan, Iran, Pakistan, Saudi Arabia, Yemen). – Washington: USCIRF, 2025. P. 890.
- [5] Rehman S., Gulalaygul. The Cairo Declaration on Human Rights in Islam: Critique and Contemporary Relevance / S. Rehman, Gulalaygul // Policy Journal of Social Science Review (PJSSR). – 2025. – Vol. 3, No. 5. – P. 242-258.
- [6] Каирская декларация по правам человека в исламе // Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 2003. С. 522.
- [7] Аль Али Насер Абдель Рахим. Защита прав и свобод человека в арабских странах. М., 2015. С. 196.

References:

- [1] Center for Inquiry (CFI). CFI Condemns the Organization of Islamic Cooperation's Assault on Free Expression at the UN Human Rights Council. Direct Speech by the Representative at the 61st Session of the UNHRC. Geneva, March 17, 2026. [Electronic resource] // URL: centerforinquiry.org (date of access: April 8, 2026).
- [2] Independent Permanent Human Rights Commission (IPHRC) of the OIC. Statement on the occasion of the International Day of Living Together in Peace. Jeddah: UNA-OIC, January 28, 2026. [Electronic resource] // URL: una-oic.org (date of access: April 8, 2026).
- [3] Palmer, M. The Cairo Declaration and the Future of Universal Rights: A Critique of Legal Relativism. // Oxford Journal of Law and Religion. – 2025. – Vol. 14, Issue 2. – P. 145-167.
- [4] U.S. Commission on International Religious Freedom (USCIRF). Annual Report 2025: Level 1 Countries (Afghanistan, Iran, Pakistan, Saudi Arabia, Yemen). – Washington: USCIRF, 2025. P. 890.
- [5] Rehman S., Gulalaygul. The Cairo Declaration on Human Rights in Islam: Critique and Contemporary Relevance / S. Rehman, Gulalaygul // Policy Journal of Social Science Review (PJSSR). – 2025. – Vol. 3, No. 5. – P. 242-258.
- [6] Cairo Declaration on Human Rights in Islam // Zhdanov N.V. Islamic Concept of World Order. Moscow, 2003. P. 522.
- [7] Al Ali Nasser Abdel Rahim. Protection of human rights and freedoms in Arab countries. Moscow, 2015. P. 196.

ДЕНИСОВ Сергей Иванович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»,
e-mail: tigip@inbox.ru

ОПОНАСЕНКО Александра Васильевна,
студент 2 курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет и
мени академика И.Г. Петровского»,
e-mail: mail@law-books.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЕСТФАЛЬСКОГО МИРА 1648 ГОДА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются юридические нормы и принципы, закрепленные в Вестфальских договорах 1648 года, а также их влияние на формирование норм современного международного права. Актуальность исследования определяется необходимостью глубокого анализа истоков современной международно-правовой системы, основанной на принципах суверенитета, равенства государств и невмешательства. Проблематика заключается в том, что несмотря на формальное признание вестфальских принципов в международной практике, их реализация часто сталкивается с нарушениями, что требует дополнительного теоретико-правового осмысления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Вестфальский мир, Тридцатилетняя война, государственный суверенитет, принцип взаимности, принцип равенства государств, принцип равенства конфессий.

DENISOV Sergey Ivanovich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Department of Criminal Law,
Theory and History of State and Law, Bryansk State University
named after Academician I.G. Petrovsky

OPONASENKO Alexandra Vasilyevna,
Second-year student, Faculty of Law, Bryansk State University
named after Academician I.G. Petrovsky

THE LEGAL ASPECTS OF THE PEACE OF WESTPHALIA IN 1648 AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW

ANNOTATION. The article examines the legal norms and principles enshrined in the Westphalian Treaties of 1648, as well as their impact on the formation of modern international law. The relevance of the study lies in the need for a thorough analysis of the origins of the modern international legal system, which is based on the principles of sovereignty, equality of states, and non-interference. However, despite the formal recognition of the Westphalian principles in international practice, their implementation often faces challenges, requiring additional theoretical and legal considerations.

KEY WORDS: Peace of Westphalia, Thirty Years' War, state sovereignty, principle of reciprocity, principle of equality of states, principle of equality of religions.

Заключение Вестфальского мира в 1648 году ознаменовало собой окончание Тридцатилетней войны, охватившей значительную часть Европы, и стало важнейшей вехой в истории международных отношений и права. Предпосылки заключения Вестфальского мира 1648 года были чрезвычайно сложными и многоу-

невыми, охватывая широкий спектр религиозных, политических, экономических и международных факторов, каждый из которых способствовал формированию необходимости в установлении всеобъемлющего и устойчивого европейского миропорядка.

Одна из ключевых причин возникновения

затяжного конфликта, завершившегося Вестфальским миром, стал религиозный раскол. Реформация XVI века, начатая Мартином Лютером, расколола европейское христианство на католическую и протестантскую ветви [1, с. 409]. Однако, религиозное противостояние быстро приобрело общеевропейский масштаб, а религиозный компонент был дополнен политическими противоречиями и борьбой за баланс сил в Европе.

Следующий важный фактор - экономическое истощение, возникшее вследствие Тридцатилетней войны, которая привела к масштабным разрушениям сельского хозяйства, ремесел и торговли. Экономическое истощение способствовало росту давления со стороны населения, торговцев, землевладельцев и местных администраций, требовавших заключения мира и восстановления правопорядка [2, с. 497].

Наконец, существенную роль сыграло международное давление, обусловленное втягиванием в конфликт большинства европейских держав. Масштаб конфликта потребовал новых дипломатических механизмов. Фактически, сложилась уникальная ситуация, в которой не только стороны конфликта, но и третьи государства имели законный интерес в его прекращении.

Процесс подготовки и заключения Вестфальского мира проходил с 1644 по 1648 год и охватывал два главных переговорных центра — Мюнстер и Оснабрюк. Участники выступали в качестве формальных представителей государств и конфессий, включая императора, германских князей, Папу Римского, короля Франции, короля Швеции, а также представителей Нидерландов и Швейцарии. Таким образом, впервые в истории был реализован принцип полноправного участия различных политических и конфессиональных субъектов в разработке и подписании международных договоров. Это способствовало закреплению принципов представительства, равноправия сторон и согласованности условий [3].

Правовая уникальность Вестфальского процесса заключалась в том, что стороны начали воспринимать заключение мира как юридическую процедуру, требующую кодификации новых принципов межгосударственного сосуществования, которые стали бы обязательными к соблюдению всеми участниками [4, с.98]

Стоит отметить, что религиозные вопросы обсуждались наравне с территориальными и политическими, что свидетельствовало о правовом равенстве религиозной и государственной компетенции в международных делах.

Основные положения Вестфальского мира 1648 года стали поворотным моментом в развитии международного права, заложив основы современного понимания государственного суверенитета, равенства конфессий и территориального устройства Европы.

Говоря о государственном суверенитете, Вестфальский мир признал право каждого госу-

дарства самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю политику без вмешательства извне. В частности, это касалось германских князей, которые получили право заключать союзы и вести внешнюю политику, при условии, что это не направлено против императора и империи.

Касательно признания равенства конфессий, договоры закрепили равные права для католиков, кальвинистов и лютеран, что способствовало снижению религиозной напряженности и укреплению веротерпимости в Европе. Был отменен принцип «*cuius regio, eius religio*» (чья власть, того и вера), введенный Аугсбургским миром 1555 года. Провозглашалась веротерпимость.

В рамках территориальных изменений была существенно изменена политическая карта Европы. Швеция превратилась в европейскую сверхдержаву, получив западную часть Померании, Висмар, епископства Бременское и Ферденское в качестве имперских ленов. Под фактический контроль Швеции перешли устья крупнейших рек северной Германии, что обеспечило ей господство на Балтике. Франция получила Эльзас и закрепила свои права на епископства Мец, Туль и Верден, что укрепило её позиции на Рейне и ослабило влияние Габсбургов. Вестфальский мир также признал независимость Швейцарии и Нидерландов. Швейцарская конфедерация была официально признана всеми участниками конгресса как независимое государство, не входящее в Священную Римскую империю. Республика Соединённых провинций (Нидерланды) была признана суверенным государством, не входящим ни в Священную Римскую империю, ни в состав Испанской короны. Это закрепило их суверенитет и изменило баланс сил в Европе [5, с.49].

Вестфальский мир оказал значительное влияние на развитие международного права, особенно в контексте становления и формирования системы международных договоров. Вестфальские договоры заложили основы, на которых позднее строились многие нормы международного права и механизмы, регулирующие взаимодействие между государствами. Вестфальский мир существенно изменил саму природу межгосударственных отношений, установив новые дипломатические и правовые рамки для урегулирования конфликтов и споров.

Важнейшим элементом системы международных договоров, созданной Вестфальским миром, стал принцип взаимности. Государства начали восприниматься как самостоятельные субъекты международного права, обладающие равными правами на установление союзов, заключение договоров и участие в решении международных проблем.

Именно Вестфальским миром был заложен принцип, по которому договоры стали обязательными для сторон, а их нарушение могло повлечь за собой санкции или международное осуждение [6].

Значительное влияние Вестфальского мира на систему международных договоров также заключалось в укреплении принципа равенства государств в международной правосубъектности. Этот принцип равенства стал основой для всех последующих международных соглашений, в том числе и для формирования международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций, где каждый государственный субъект имеет равное право голоса и участие в принятии решений.

В заключение следует отметить, что Вестфальский мир не только положил конец многочисленным вооруженным столкновениям, но и открыл новую эпоху в международных отношениях, заложив принципы, которые остаются незыблемыми по сей день.

Структура Вестфальских договоров, включающая несколько отдельных соглашений и определяющая права и обязательства участников, стала образцом многостороннего международного договора.

Договоры, заключенные в Вестфалии, стали первым систематизированным подходом к мирному регулированию международных споров, что отличало их от прежних временных соглашений, которые часто основывались на личных или частных интересах правителей, а также на авторитарных решениях, навязываемых через силу.

Вестфальский мир способствовал созданию эффективных механизмов урегулирования международных споров, закрепил статус государственных суверенитетов как основы международной правосубъектности.

Список литературы:

- [1] Кунина И. А. Вестфальская система международных отношений: особенности формирования и предпосылки распада // Научный диалог. - 2024. - Т. 13, №8. - С.406-425.
- [2] Ишемгулов М. Н. Тридцатилетняя война и ее последствия в истории Европы// Молодой ученый. - 2017. - №3 (137). // [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/137/38568/> (дата обращения: 18.11.2025).
- [3] Вестфальский мир 1648 // Большая Российская Энциклопедия: [сайт]. URL: https://bigenc.ru/c/vestfal-skii-mir-1648-4df2bd?utm_source (дата обращения: 19.11.2025).
- [4] Саямов Ю.Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. - 2018. - №3. - С.95-105.
- [5] Лазарева А. В. Вестфальский мир 1648 г. и европейская безопасность// История и обществознание для школьников. - 2024. - №1.-С.9-20.
- [6] Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Соционауки: [сайт]. - URL: <https://www.socionauki.ru/ijournalarticles/1678001/> (дата обращения: 25.11.2025).

References:

- [1] Kunina I. A. The Westphalian System of International Relations: Features of Formation and Prerequisites for Collapse // Scientific Dialogue. - 2024. - Vol. 13, No. 8. - Pp. 406-425.
- [2] Ishemgulov M. N. The Thirty Years' War and its Consequences in the History of Europe // Young Scientist. - 2017. - No. 3 (137). // [Electronic resource] URL: <https://moluch.ru/archive/137/38568/> (date of access: 11/18/2025).
- [3] The Peace of Westphalia of 1648 // The Great Russian Encyclopedia: [website]. URL: http://bigenc.ru/c/vestfal-skii-mir-1648-4df2bd?utm_source (date of access: 19.11.2025).
- [4] Sayamov Yu.N. The Peace of Westphalia and its principles yesterday and today // The Age of Globalization. - 2018. - No. 3. - pp. 95-105.
- [5] Lazareva A.V. The Peace of Westphalia of 1648 and European security // History and Social Science for Schoolchildren. - 2024. - No. 1. - pp. 9-20.
- [6] The Peace of Westphalia and its principles yesterday and today // Socionology: [website]. - URL: <https://www.socionauki.ru/ijournalarticles/1678001/> (date of access: 25.11.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-2-26-30

БАЛАШОВ Иван Владимирович,
соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин
Института технологий управления РТУ МИРЭА,
e-mail: mail@law-books.ru

КАТЕГОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА В РАБОТАХ Р. ИЕРИНГА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена вопросам эволюции категории юридического интереса в трудах Р. Иеринга. Особое внимание уделяется возможностям применения юриспруденции интересов к потребностям современной правовой системы. Актуальность, заявленной тематики, обусловлена потребностью в теоретических инструментах, способных преодолеть разрыв между доктринальным пониманием юридического интереса и его реализацией в судебных решениях, что особенно значимо для правовых систем, переживающих трансформацию под влиянием социально-экономических изменений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридический интерес, юриспруденция интересов, столкновение интересов, разграничение интересов, Р. Иеринг.

BALASHOV Ivan Vladimirovich,
Candidate of the Department of State and Legal Disciplines at the
Institute of Management Technologies of RTU MIREA

THE CATEGORY OF LEGAL INTEREST IN THE WORKS OF R. IERING

ANNOTATION. The article is devoted to the evolution of the category of legal interest in the works of R. Iering. Special attention is paid to the possibilities of applying jurisprudence and the needs of the modern legal system. The relevance of the stated topic is due to the need for theoretical tools capable of bridging the gap between the doctrinal understanding of legal interest and its implementation in court decisions, which is especially important for legal systems undergoing transformation under the influence of socio-economic changes.

KEY WORDS: legal interest, jurisprudence of interests, clash of interests, differentiation of interests, R. Iering.

Правовая мысль XIX века характеризовалась противостоянием двух основных направлений - исторической школы права и рационалистических концепций. Историческая школа (Ф.К. Савиньи и Г.Ф. Пухта) акцентировала внимание на органическом развитии права как продукта народного духа [1], тогда как рационалистические подходы (И. Канта и Ф. Гегеля) подчеркивали роль разума в создании правовых систем [2]. Рудольф фон Иеринг занял особое место в этом дискурсе, предложив оригинальный подход к пониманию природы права. Центральным элементом его теории стало понимание права как динамической системы, отражающей столкновение и баланс интересов.

Как известно, в ранних работах XIX века право рассматривалось преимущественно как совокупность формальных норм и догматических установлений [3]. Р. Иеринг подверг критике этот подход, подчеркивая его неспособность отразить динамические процессы общественной жизни. Р.

Иеринг соотнес право с живой социально-психологической реальностью, что обусловило переход к анализу интересов как движущей силы правовых явлений. Право начинает рассматриваться не как статический свод правил, а как система отношений, обусловленных соперничающими интересами и их разрешением [4; 5]. При этом такая трансформация методологии позволила выделить процессуальную, а не только материальную природу правовой регуляции.

Концепция «борьбы за право» у Р. Иеринга предстает как способ, посредством которого субъективные притязания превращаются в общественно признанные юридические положения [6]. Борьба включает в себя не только индивидуальное отстаивание интереса, но и коллективные усилия по закреплению новых норм и механизмов их защиты. В результате появляются институциональные формы, регулирующие конфликт интересов и способствующие легитимации правовых установлений. Право в этой модели функциони-

рует как механизм гармонизации конфликтов; «правовой порядок – это попытка гармонизировать или урегулировать эти пересекающиеся, часто противоречивые требования путем их непосредственного обеспечения, либо установления определенных границ, в которых они признаются, либо нахождения компромисса» [7, с. 24]. Такая характеристика подтверждает, что правовые нормы возникают как результат борьбы за признание определённых интересов. Именно через эту борьбу интересы получают юридическое выражение и институциональную защиту.

Интерес в теории Р. Иеринга выступает как системообразующий элемент, объединяющий отдельные притязания в единую правовую реальность. Индивидуальные требования придают социальное значение в процессе их институционализации и признания обществом. Таким образом интерес служит связующим звеном между частными нуждами и общественными функциями права. Системообразующая роль интереса проявляется также в функциональной направленности правовых институтов, которые ориентированы на удовлетворение и балансирование этих интересов. В трактовке Р. Иеринга правовая система организуется вокруг целей, вытекающих из общественных и индивидуальных интересов, что определяет и содержание, и структуру правовых норм. Следовательно, понимание интереса как центра правовой динамики остается ключевым для анализа правовых явлений в исторической и методологической перспективе [8, с. 154-157].

В работе «Дух римского права» Р. Иеринг заложил теоретические основания категории юридического интереса через историко-генетический анализ. Автор рассматривал право как продукт борьбы интересов, где нормы формируются под влиянием социальных потребностей, когда «право достигает своей цели лишь потому, что привлекает на свою сторону интерес человека» [8, с. 159]. Представляется, что этот тезис стал методологической основой для понимания динамики правообразования. Анализируя римское право, Р. Иеринг выявил диалектическую взаимосвязь между формальными нормами и материальными интересами общества и продемонстрировал, как юридические конструкции адаптируются к изменяющимся социальным запросам. Данный подход позволил преодолеть догматические ограничения исторической школы права, сместив акцент с текстуального толкования на функциональное назначение правовых институтов. Полагаем, что именно в «духе римского права» были сформулированы ключевые предпосылки для последующей разработки категории юридического интереса.

Телеологическая концепция права, представленная в труде «Цель в праве», стала методологической базой для системного понимания юридического интереса. Здесь Р. Иеринг определяет право как систему целей, где интерес выступает движущей силой правотворчества и правоприменения

и обосновывает необходимость баланса между индивидуальными и коллективными потребностями в процессе правореализации. «Суть социального интереса состоит как раз в том, чтобы обеспечить баланс между публичными и индивидуальными интересами» [5, с. 86], — отмечал он, подчеркивая инструментальный характер правовых норм. Телеологический подход позволил Р. Иерингу интерпретировать право как динамическую систему, направленную на удовлетворение актуальных социальных запросов. Он рассматривал юридические конструкции в качестве средств достижения общественно значимых целей, где интерес выполняет функцию критерия оценки эффективности правового регулирования. Эта методология заложила основы для понимания права не как статичного набора догм, а как живого организма, развивающегося под влиянием меняющихся общественных потребностей.

Сравнительный анализ ранних и поздних работ Р. Иеринга выявляет эволюцию его взглядов на природу юридического интереса. Если в начальный период творчества ученый акцентировал внимание на индивидуальных аспектах интереса, то в поздних трудах усиливается социальная составляющая. В частности, Р. Иеринг отмечает, что «если в XVIII–XIX веках на первом плане была жизнь индивида, его свобода, то в XX веке превалирует общая безопасность» [7, с. 24]. Эта динамика отражает методологическое развитие его концепции от исторического анализа к социальной телеологии. Эволюция взглядов Р. Иеринга демонстрирует универсальность категории юридического интереса как инструмента правового анализа. Ученый пришел к пониманию относительности приоритетов различных интересов в разные исторические периоды, сохраняя при этом системный подход к их изучению. Его поздние работы закрепили представление о праве как механизме гармонизации конфликтующих интересов, что предвосхитило современные теории социального компромисса. Данная трансформация подтверждает гибкость и методологическую ценность разработанной им категории [10].

В трудах Р. Иеринга идея «борьбы за право» выступала как двигатель юридической активности, ориентированной на реализацию частных притязаний и на изменение общественных условий. Этот переход отражает смещение фокуса от чисто реститутивной функции права к его инструментальной роли в регулировании общественных отношений. В европейских правовых порядках такой сдвиг выразился в усилении механизмов, призванных согласовывать частные претензии и коллективные потребности общества. Практика и законодательство стали включать принципы, ориентированные на достижение баланса между индивидуальными правами и публичными задачами. Сопоставительный анализ показывает, что при сохранении уважения к правам личности происходит интенсификация нормативных кон-

струкций, призванных учитывать общественные интересы [11, с. 18-21].

Рецепция тезиса о борьбе за право в современных доктринах проявляется в оправдании ограничений частных прав ради публичных интересов и общественной безопасности. В частности, Р. Паунд уделял особое внимание именно изучению социальных интересов, отводя первое место требованиям, заявленным социальной группой и вызванным условиями жизни общества, которое необходимо обезопасить от угрожающих ему действий. По его мнению, «это и есть интерес общей безопасности, имеющий различные формы» [7, с. 23]. Сказанное иллюстрирует, как акцент на социальных интересах интегрируется в аргументацию в пользу подобных ограничений. Современные доктрины ограничения прав опираются на нормативные и процедурные гарантии, которые допускают вмешательство в частные сферы ради общественных целей при условии пропорциональности и необходимости. В этой связи, мысль Р. Иеринга о целенаправленной правовой борьбе способствует пониманию того, что ограничения могут быть инструментом достижения коллективной безопасности лишь при наличии системных механизмов защиты базовых прав [11, с. 21]. Такая рецепция подчеркивает адаптивность идей и необходимость их соотношения с принципами правового государства.

Понимание защиты интересов у Р. Иеринга сопровождалось акцентом на активных «юридических средствах» как способах реализации притязаний субъектов права. Первоначальные инструменты включали индивидуальные средства защиты, направленные на восстановление нарушенного положения субъекта и воздействие на правовые отношения через судебную практику. В теоретическом ключе это означало признание права как поля для интенсивной политико-правовой борьбы, где средства защищают не только частные интересы, но и формируют правовой порядок. В дальнейшем инструментарий защиты интересов эволюционировал в сторону комплексных механизмов процессуального права, объединяющих институциональные и процедурные способы обеспечения баланса интересов. Например, современные механизмы включают процессуальные гарантии, а также средства превентивной защиты, направленные на согласование частных и публичных интересов [11, с. 21].

Таким образом, методология Р. Иеринга акцентирует внимание на юридическом интересе как центральной категории для толкования правовых норм, что позволяет выявлять и систематизировать защищаемые интересы субъектов в ситуациях отсутствия правовой нормы. В условиях правовых пробелов анализ интересов сторон служит инструментом для обоснования интерпретаций, соотнося правовые предписания с функциями права и ожиданиями правоприменения. Практическое применение этой методологии

возможно через институциональные механизмы судопроизводства и толковательно-правотворческой практики. Судебное соотнесение норм с охраняемыми интересами способствует гибкому восполнению нормативных пробелов без прямого введения новых предписаний. Представляется, что такой подход повышает согласованность правоприменения и уменьшает нормативную неопределённость, сохраняя границы правовых предписаний.

Кроме того, что теория интересов дает критерии для конкретизации оценочных понятий, таких как добросовестность, разумность и справедливость [12]. А именно, интерпретация этих терминов через призму защищаемых интересов позволяет увязать поведенческие стандарты с социально-правовыми целями и балансом противоположных благ. В результате чего оценочные понятия перестают быть абстрактными ориентирами и становятся инструментом соразмерной защиты правовых благ. В этой связи применение подхода Р. Иеринга способствует повышению предсказуемости правоприменения и позволяет суду аргументировать выводы на основе идентификации сопутствующих интересов. При этом следует учитывать риск избыточной субъективизации критериев, при которой понятия утратят четкость и станут зависеть от политико-правовых установок, для снижения которого необходима «методологическая дисциплина», сочетающая анализ интересов с традиционными методами толкования.

Представляется, что критерии оценки юридического интереса должны включать существование реальной и формальной правовой связи между субъектом и спорным благом, экономическую значимость защищаемого интереса и его влияние на свободу экономической деятельности. Дополнительными критериями являются соразмерность охраняемого интереса последствиям его защиты, возможность прогнозируемого правового регулирования и соответствие принципам добросовестности и деловой этики, их применение позволяет отличать подлинные правовые интересы от тактических заявлений и способствует более объективному разрешению коллизий.

Предлагаемый, алгоритм применения концепции Р. Иеринга начинается с идентификации и классификации конкурирующих юридических интересов по критериям значимости, срочности и легитимности. Далее выполняется оценка интересов с использованием принципов пропорциональности и минимально необходимого вмешательства, при котором учитывается общественное благо и последствия для предпринимательской среды. Завершающий этап предусматривает формулирование конкретного правового решения, а также выбор механизмов его реализации.

Представляется, что современная право-

вая доктрина требует переосмысления категории юридического интереса, разработанной Р. Иерингом. В этой связи перспективным направлением развития категории юридического интереса выступают междисциплинарные исследования на стыке философии права и социологии. Комплексный анализ позволяет выявить новые аспекты взаимодействия индивидуальных и общественных интересов в условиях трансформации правовых систем. При этом, социолого-правовые методы способны обогатить понимание механизмов реализации юридического интереса в различных социальных контекстах.

Адаптация концепции юридического интереса к вызовам цифровой эпохи требует сохранения ее методологического ядра при одновременном учете новых форм правовых отношений. Развитие технологий искусственного интеллекта и цифровых платформ создает потребность в переосмыслении механизмов защиты интересов. При этом базовые принципы Р. Иеринга о диалектике интересов как движущей силе права сохраняют свою эвристическую ценность. Такая стратегия обеспечивает как преемственность правовой традиции, так и ее актуальность в современных условиях.

Список литературы:

- [1] Корчагина О.А., Лезина Е.П. Историческая школа права в трудах Ф.К. Савиньи и Г.Ф. Пухты // *Контентус*. 2018. № 4 (69). С. 37-44.
- [2] Асламов Н.Е. Письма Г.Ф. Пухты Ф.К. Савиньи как источник немецкой классической философии права // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2011. № 1. С. 66-68.
- [3] Соломко З.В. На кругах юридического неокантианства: к вопросу о феномене рецепции кантовской философии права в российском правопонимании // *Пробелы в российском законодательстве*. 2012. №1. С. 45-49; Коротких В.И. «Русский Гегель»: очерк истории восприятия философии Гегеля в России // *История: факты и символы*. 2014. №1-2. С. 69-76.
- [4] Иванов А.Е. О «религии» морали: рассуждения о нормативной природе божественного права в концепции Джона Остина // *Lex Russica (Русский закон)*. 2024. Т. 77. № 10 (215). С. 102-119.
- [5] Иеринг Р. Интерес и право. – Ярославль: Типография Яросл. губ. зем. управы, 1880. 268 с.
- [6] Иеринг Р. Цель в праве / Пер. В.Р. Лицкого [и др.]; под ред. В. Р. Лицкого. – СПб.: Н.В. Муравьев, 1881. 412 с.
- [7] Алёминская Г.М. Правовое чувство и борьба за право в трудах Р. Иеринга // *Право и государство: теория и практика*. 2025. № 5. С. 78-80.
- [8] Адыгезалова Г.Э. Правообразующий интерес в социолого-правовой теории Р. Паунда // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. №3. С. 24.
- [9] Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1875. С. 154-157.
- [10] Горбань В.С. О характере правовых взглядов Р. Иеринга // *Правосудие*. 2021. Т. 3. № 4. С. 30-41.
- [11] Левшук В.В. Право на защиту в трудах Р.Иеринга и Р. Паунда // *Юридический мир*. 2025. № 10. С. 18-21.
- [12] Левшук В.В. Право на защиту в трудах Р.Иеринга и Р. Паунда. С. 21.
- [13] Харт Г.Л.А. Небеса понятий Иеринга и современная аналитическая юриспруденция // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2021. № 63. С. 247-257.

References:

- [1] Korchagina O.A., Lezina E.P. Historical School of Law in the Works of F.K. Savigny and G.F. Pukhta // *Contentus*. 2018. No. 4 (69). Pp. 37-44.
- [2] Aslamov N.E. Letters from G.F. Pukhta to F.K. Savigny as a Source of Classical German Philosophy of Law // *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy*. 2011. No. 1. Pp. 66-68.
- [3] Solomko Z.V. In the Circles of Legal Neo-Kantianism: On the Phenomenon of the Reception of Kant's Philosophy of Law in Russian Legal Understanding // *Gaps in Russian Legislation*. 2012. No. 1. Pp. 45-49; Korotkikh V.I. «The Russian Hegel»: An Essay on the History of the Reception of Hegel's Philosophy in Russia // *History: Facts and Symbols*. 2014. No. 1-2. Pp. 69-76.
- [4] Ivanov A.E. On the «Religion» of Morality: Reasoning about the Normative Nature of Divine Right in John Austin's Concept // *Lex Russica (Russian Law)*. 2024. Vol. 77. No. 10 (215). Pp. 102-119.
- [5] Ihering R. Interest and Law. - Yaroslavl: Printing House of the Yaroslavl Provincial Land Council, 1880. 268 p.
- [6] Ihering R. Goal in Law / Translated by V.R. Litsky [and others]; edited by V.R. Litsky. - St. Petersburg: N.V. Muravyov, 1881. 412 p.

[7] Alekminskaya G.M. *Legal Sense and the Struggle for Law in the Works of R. Ihering* // *Law and State: Theory and Practice*. 2025. No. 5. pp. 78-80.

[8] Adygezalova G.E. *Law-Forming Interest in the Sociological and Legal Theory of R. Pound* // *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*. 2012. No. 3. p. 24.

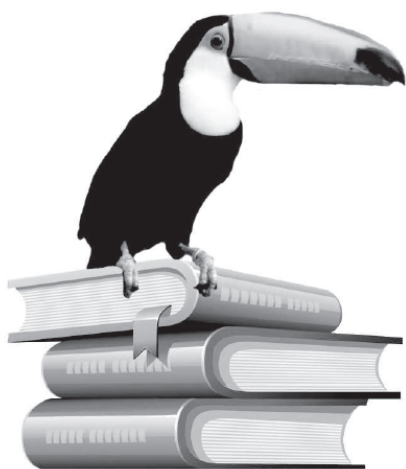
[9] Ihering R. *The Spirit of Roman Law at Various Stages of Its Development*. - St. Petersburg: Type. V. Bezobrazova and Co., 1875. pp. 154-157.

[10] Gorban V.S. *On the Nature of R. Ihering's Legal Views* // *Justice*. 2021. Vol. 3. No. 4. pp. 30-41.

[11] Levshuk V.V. *The Right to Defense in the Works of R. Ihering and R. Pound* // *Legal World*. 2025. No. 10. pp. 18-21.

[12] Levshuk V.V. *The Right to Defense in the Works of R. Ihering and R. Pound*. P. 21.

[13] Hart G.L.A. *The Heaven of Ihering's Concepts and Modern Analytical Jurisprudence* // *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2021. No. 63. pp. 247-257.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-2-31-34

ФЕДОРЕНКО Мария Игоревна,
студентка 2 курса магистратуры,
ФГБОУ ВО Государственный академический
университет гуманитарных наук,
e-mail: fmi2001@yandex.ru

Научный руководитель:
ВЕНГЕРОВСКИЙ Евгений Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

АННОТАЦИЯ. В статье автор проводит анализ различных научных подходов к вопросу наследования цифровых активов, выявляет способы наследования, от которых стоит воздержаться при завещании цифровых активов, а также анализирует положения проекта Федерального закона «О цифровых активах и цифровых правах», который сможет разрешить некоторые проблемы, связанные с наследованием цифровых активов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровые активы, цифровой рубль, наследство, Центральный банк Российской Федерации, цифровизация, криптовалюта, завещание.

FEDORENKO Maria Igorevna,
2nd year master's student at the
State Academic University of Humanities

Scientific supervisor:
VENGEROVSKY Evgeny Leonidovich,
Candidate of Law, Associate Professor

FEATURES OF DIGITAL ASSET INHERITANCE

ANNOTATION. In this article, the author analyzes various scientific approaches to the issue of digital asset inheritance, identifies the methods of inheritance that should be avoided when leaving digital assets in a will, and analyzes the provisions of the draft Federal Law «On Digital Assets and Digital Rights,» which could resolve some of the issues related to the inheritance of digital assets.

KEY WORDS: digital assets, digital ruble, inheritance, Central Bank, digitalization, cryptocurrency, will.

В современном мире цифровизация проникает в каждую сферу жизни общества. Появление цифровых активов, в том числе цифровой валюты, социальных сетей, аккаунтов и иных активов активно стало развиваться в период XXI века. Ученые К. Шваб и Н. Дэвис называют такой период «четвертой промышленной революцией». На государственном уровне данный период приобрел название «цифровая экономика». Сам термин «цифровая экономика» был введен американским архитектором, специализирующимся в области высоких технологий Николасом Негропonte в 1995 году [8].

Цифровой мир выражается в электронной форме в виде криптографических знаков. Средства цифровых активов, в большей части, являются виртуальными или искусственными, их не-

возможно ощутить, существование таких активов возможно исключительно в цифровом пространстве.

Проблема наследования цифровых активов сущность, которых в настоящее время окончательно не определена, но при этом активно используется обществом, является актуальным и требующим внимания.

Л.В. Санникова и С.В. Харитоновна выделяют такой важный признак цифровых активов, как «двоичная» форма, представляющая собой двойное существование, реальное наличие объекта и его примерно определенную стоимостную оценку [2].

Понятие цифрового актива в российском законодательстве закреплено в Федеральном законе от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых

финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА). В части 2 статьи 1 этого закона дано определение цифровых финансовых активов (ЦФА): «Цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учёт и обращение которых возможны только путём внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределённого реестра, а также в иные информационные системы».

Таким образом, ЦФА – это цифровые права, которые:

- включают определенные финансовые возможности (денежные требования, права по ценным бумагам и т. д.);
- выпускаются, учитываются и обращаются только через внесение записей в информационную систему (часто на основе технологии блокчейна).

Кроме того, в части 3 статьи 1 Закона о ЦФА введено понятие цифровой валюты.

Таким образом, законодательство различает несколько категорий цифровых активов, каждая из которых имеет свои особенности регулирования.

Е.С. Цветкова отметила, что законодатель квалифицировал цифровые права на цифровые активы, как объекты гражданских прав [3]. Десятый арбитражный апелляционный суд, в свою очередь, отнес цифровые активы к иному имуществу [4]. Кроме того, о регулировании цифровых активов, как объекте гражданского оборота, высказывался А.Г. Гузнов, статс-секретарь – заместитель Председателя Банка России. Он отметил, что сам по себе цифровой актив схож с бездокументарной ценной бумагой и отметил, что можно внести дополнение в статью 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а для основного регулирования издать специальный закон [5]. Реализация данного предложения выразилась в принятии Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Федерации».

Цифровой актив включает в себя также и цифровую валюту. В 20-е годы XXI века был внедрен в оборот цифровой рубль. Он представляет собой цифровую валюту Центрального банка Российской Федерации, и ученые-экономисты остановились на мнении, что это – электронное фидуциарное (фиатное) обязательство¹ Банка России [7].

Для определения цифрового рубля, как актива выделяют его характеристики:

1) Обязательственный характер, выражающийся в цифровой форме, определенной Центральным банком;

2) Деноминация² в национальной валюте, соединяет в себе одновременно свойства наличных денежных средств и счетов, открытых в Центральном банке [7].

Отметим, что процесс работы цифрового рубля представляет собой открытие цифровых кошельков Центральным банком Российской Федерации.

Цифровое пространство и его внедрение на государственном уровне также развивается, о чем свидетельствует информация, опубликованная на официальном сайте Центрального банка Российской Федерации о возможности с сентября 2026 года выплаты заработной платы с помощью цифрового рубля, а в дальнейшем оплаты различных товаров и услуг также с помощью инновационной национальной валюты.

В связи с этим денежные средства заработанные, но не полученные в виде цифровых активов могут перейти по наследству, в соответствии с положениями статьи 1183 ГК РФ. К таким видам средств существования относятся заработная плата, стипендии, социальные пособия, возмещение вреда.

В тоже время с введением цифровых кошельков, на которые заработная плата будет поступать как цифровой актив, а ключ доступа будет исключительно у наследодателя, присутствует риск утери доступа к нему, восстановление которого будет невозможно. Денежные средства при этом останутся и будут находиться в цифровом пространстве без дальнейшей их реализации.

В каждом случае, когда наследники пытаются получить денежные средства наследодателя (это может быть и цифровая заработная плата), доступ к его криптокошельку, который уже имеет большую востребованность и приличную денежную сумму, они приходят к нотариусу.

Вопрос наследования криптовалюты имеет алеаторный характер, учитывая, что завладеть

¹ Центральный банк Российской Федерации говорит об этом явлении так, что фиатные денежные средства (fiat money, outside money, от лат. fiat – декрет, указание) эмитировались государством в форме казначейских билетов. Основа – доверие к государству. С возникновением государственной монополии на эмиссию, кредитные деньги, создаваемые банками, были уравнены в правах с фиатными деньгами. На сегодняшний день фиатные и кредитные деньги неразличимы, хотя и могут появляться из разных источников. Надо отметить, что на сегодня все деньги являются фиатными. В основе их ценности – доверие к денежной системе в целом.

² Деноминация от латинского слова denomination – «переименование». Процесс, при котором Правительство и Центральный банк изменяют стоимость валюты.

денежными средствами, а именно криптовалютой возможно лишь с получением логина и пароля от крипто кошелька или же ключа для входа на платформу. При указании ключей доступа в завещании или наследственном договоре, они могут стать известны неопределенному кругу лиц, что несет риск утраты данного наследственного имущества. Выходом из данной ситуации может послужить закрытое завещание и четко определенное назначение наследника именно цифрового актива [3].

Существует еще такой вид завещания, как совместное завещание супругов. Если супруги примут решение о его создании, возникает вопрос о судьбе криптокошелька, который был образован супругами в период брака и для наследования которого составлено совместное завещание с описанием логина и пароля в нем. В этом случае наблюдается нарушение тайны завещания. Денежные средства, хранящиеся на криптокошельке супругов, будут переданы по наследству еще до смерти второго. Кроме того, раскрытие логина и пароля от криптокошелька неопределенному кругу лиц, при открытии данного совместного завещания, может привести к хищению денежных средств с криптокошелька и иным негативным последствиям.

В России и Республике Беларусь нотариусами предлагается создать базу данных, в которой будут привязаны все криптокошельки и вместе с ними ключи доступа для входа в них. Нотариусы оставляют за биржей право установления порядка по распоряжению криптокошельками умершего [6].

С одной стороны, можно поддержать данную идею и сказать, что такое решение позволит снизить мошеннические действия в цифровой сфере и завладения цифровыми активами третьими лицами. В тоже время создание базы данных может повлечь и внедрение органов публичной власти в гражданско-правовые отношения, что не будет соответствовать частноправовым интересам. Кроме того, есть риск взлома указываемой базы данных и, в таком случае, есть риск утраты персональных данных клиента данной цифровой платформы. Если предположить, что сами захишированные коды, в которых содержатся персональные данные клиента, будут невозможны к полному распознаванию, утрата доверия к цифровой системе, появление ущерба и убытков у клиентов и в дальнейшем судебные дела.

Коснемся международного опыта и отметим, что в Каталонии активно используются электронные завещания в части наследования виртуального имущества [6]. Также есть мнение, что составление смарт-контрактов будет актуально для данных виртуальных активов. Сам по себе смарт-контракт является электронным, основывается на блокчейне и не дает иным третьим лицам вмешиваться в процесс управления цифровыми активами. При этом появляется возможность сохранить анонимность владельца крипто-

кошелька и невмешательство публичных органов в процесс осуществления гражданско-правовых отношений.

Л.В. Стародубова, А.А. Соколова, В.В. Петренко предлагают настроить взаимодействие нотариусов и администраторов крипто-биржи для получения свидетельства о смерти держателя криптокошелька [6]. Данное предложение является релевантным и на сегодняшний день самым реализуемым. Надо отметить, что предоставление доступа к данному свидетельству не должно давать право или обязанность на передачу или открытие сведений о криптокошельке третьим лицам, исключением может быть суд и иные органы, которым законодательно будет предусмотрено право на получение данной информации.

Государство реагирует на решение тех или иных проблем в разрешении конфликтов. Так, 30.03.2026 года Правительство Российской Федерации внесло проект Федерального закона «О цифровой валюте и цифровых правах» № 1194918-8 (далее - проект Федерального закона № 1194918-8) в Государственную Думу Федерального Собрания РФ.

В статье 21 данного проекта начинается обсуждение вопроса наследования цифровых активов, а значит косвенно упоминается взаимодействие нотариусов и цифровых депозитариев, о котором говорили Л.В. Стародубова, А.А. Соколова, В.В. Петренко в упомянутой работе.

Цифровой депозитарий в свою очередь, согласно положениям проекта Федерального закона № 1194918-8, будет выполнять административные функции по ведению учета криптовалют на криптокошельках клиентов бирж. Согласно проекту Федерального закона № 1194918-8 по-является аналогичная кредитным организациям – цифровая кредитная организация, именуемая цифровой депозитарий.

В пункте 22 статьи 21 проекта Федерального закона № 1194918-8 упоминается о том, что цифровой депозитарий сможет осуществлять распоряжение адресами-идентификаторами для совершения тех или иных операций с цифровыми активами, только при наличии выданного наследнику свидетельства о праве на наследство, которое будет предусматривать универсальное правопреемство цифровых активов.

Возникает проблема, при которой наследник, оформив свидетельство о праве на наследство, получает адрес-идентификатор, но не ключ доступа к адресу-идентификатора. Согласно положениям проекта Федерального закона № 1194918-8 можно увидеть, что именно ключ доступа к адресу-идентификатору необходим для передачи цифровой валюты и (или) цифровых прав с адреса-идентификатора.

Кроме того, в проекте Федерального закона № 1194918-8 не содержится информация о возможности нотариуса запрашивать информацию у

цифрового депозитария относительно наличия у умершего цифровых кошельков – адресов-идентификаторов.

Подводя итог, стоит отметить, что вопрос наследования цифровых активов носит актуальный и требующий внимания характер. Государство активно занимается вопросом цифровых активов и их наследования. Это явно выражается в оперативном рассмотрении и внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона № 1194918-8, а также отражения в нем положений о наследовании.

Вместе с тем возможно предложить дополнение положений статьи 15 проекта Федерального закона № 1194918-8 нормами о том, что нотариус имеет право запрашивать у цифровых депозитариев информацию о цифровых активах (в том числе криптокошельках), и обязанность цифровых депозитариев предоставить нотариу-

су запрашиваемую информацию. Далее при составлении свидетельства о праве на наследство нотариус определяет необходимого наследника, который будет обладать правом на получение цифровых активов.

Кроме того, после внесения указанного дополнения будет релевантным дополнить статью 21 проекта Федерального закона № 1194918-8 в части того, что цифровой депозитарий при получении свидетельства о наследовании передаст наследнику не только адрес-идентификатор, но и ключ доступа к адресу-идентификатору.

Надо отметить, что с принятием этого Федерального закона «О цифровой валюте и цифровых правах» будет предоставлена возможность нотариусам и юристам разрешать правовые вопросы, связанные с наследованием цифровых активов. Вместе с тем данный проект может положить начало становления нового регулирования наследственных отношений.

Список литературы:

- [1] Сайфиева С.Н., Борщева А.В., Санталова М.С. Цифровая экономика: теоретические и практические аспекты: монография. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2026. 172 с.
- [2] Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. Москва: 4 Принт, 2020. 304 с.
- [3] Цветкова Е.С. Особенности оформления наследственных прав на цифровые активы. Наследственное право. 2023. № 3. С. 33 – 36
- [4] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу А40-214668/2017 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1444056> (дата обращения: 17.03.2026).
- [5] Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л., Авакян Е., Савельев А., Судец И., Чубурков А., Соколов А., Янковский Р., Сарбаш С. Цифровые активы в системе объектов гражданских прав. Закон. 2018. № 5. С. 16 – 30.
- [6] Стародубова Л.В., Соколова А.А., Петренко В.В. Актуальные вопросы наследования криптовалюты. Частно-правовые (цивилистические науки). Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2024 № 4, Том 2. С. 37-48.
- [7] Гогичаев Ч.А. Цифровые валюты центральных банков: ключевые характеристика и проблемы организации денежного обращения. Финансы и кредит. 2025 № 8, С. 140-152.
- [8] Бухтиярова Т.И. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития. Бизнес и общество. 2019. № 1 (21), С. 1-12.

References:

- [1] Saifieva S.N., Borshcheva A.V., Santalova M.S. Digital Economy: Theoretical and Practical Aspects: Monograph. Moscow: Dashkov i K Publishing and Trading Corporation, 2026. 172 p.
- [2] Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. Digital Assets: Legal Analysis: Monograph. Moscow: 4 Print, 2020. 304 p.
- [3] Tsvetkova E.S. Features of Registration of Inheritance Rights to Digital Assets. Inheritance Law. 2023. No. 3. Pp. 33–36
- [4] Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated May 15, 2018 No. 09AP-16416/2018 in case A40-214668/2017 // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1444056> (accessed: March 17, 2026).
- [5] Guznov A., Mikheeva L., Novoselova L., Avakyan E., Savelyev A., Sudets I., Chuburkov A., Sokolov A., Yankovsky R., Sarbash S. Digital assets in the system of civil rights objects. Law. 2018. No. 5. Pp. 16–30.
- [6] Starodubova L.V., Sokolova A.A., Petrenko V.V. Current Issues of Cryptocurrency Inheritance. Private Law (Civil Sciences). Bulletin of V.N. Tatishchev Volzhsky University. 2024, No. 4, Vol. 2, Pp. 37–48.
- [7] Gogichaev C.A. Central Bank Digital Currencies: Key Characteristics and Problems of Organizing Money Circulation. Finance and Credit. 2025, No. 8, Pp. 140–152.
- [8] Bukhtiyarova T.I. Digital Economy: Features and Development Trends. Business and Society. 2019. No. 1 (21), Pp. 1–12.

КОМАРОВ Владислав Михайлович,
студент 4 курса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия,
e-mail: kvladislav2004@yandex.ru

Научный руководитель:
ВАЛЕВСКАЯ А. А.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО СГЮА,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ОТМЕНЫ ДАРЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье исследуется отмена дарения, как особый гражданско-правовой институт. Руководствуясь положениями российского законодательства, судебной практикой и научными работами учёных-юристов, автор рассматривает каждое из установленных Гражданским кодексом РФ оснований отмены дарения. В рамках этого анализа, выявляются некоторые существующие пробелы, коллизии и проблемы правового характера, связанные с данным институтом, а также предлагаются варианты их решения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: договор дарения, отмена дарения, гражданское право.

KOMAROV Vladislav Mikhailovich,
fourth-year student,
Saratov State Law Academy

Academic Supervisor:
VALEVSKAYA A. A.,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Civil Law,
Saratov State Law Academy

ON THE ISSUE OF SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF THE CANCELLATION OF THE DONATION AGREEMENT

ANNOTATION. This article examines the abolition of donation as a special civil law institution. Guided by the provisions of Russian legislation, judicial practice, and the scientific work of legal scholars, the author examines each of the grounds established by the Civil Code of the Russian Federation for the cancellation of a donation. As part of this analysis, some existing gaps, conflicts and legal issues related to this institution are identified, and solutions are proposed.

KEY WORDS: donation agreement, cancellation of donation, civil law.

Е. А. Суханов, раскрывая содержание договора дарения, охарактеризовал его как «проявление щедрости в форме безвозмездного отчуждения вещи в пользу другого лица» [1]. Подобная интерпретация, несмотря на долю экстравагантности, достаточно точно характеризует суть данного гражданского правоотношения и, в некоторой степени, коррелирует с точкой зрения исследователей, выделяющих в качестве признака договора дарения «бесповоротный (необратимый) характер» [2].

Между тем, Российский законодатель всё-таки предусмотрел возможность для отмены «проявлений щедрости», а судебная практика позволяет

справедливо утверждать о достаточной распространенности подобных ситуаций. Ряд ученых, в частности А.А. Дарков, связывают это с тем, что: «дарение относится к тем видам договоров, которые зачастую используются без явного осознания всей полноты юридической регламентации этого действия» [3]. Сходной позиции придерживаются В.О. Пономаренко и Р.Н. Шалайкин, указывающие на «бытовое значение» [4] данного договора. О.Г. Алексеева, Е.Р. Аминов, М.В. Бандо считают, что проблема правового регулирования отмены дарения заключается в «необходимости учитывать моральные предпосылки возникновения отношений по одариванию, а также в том, что договор даре-

ния основан на личных отношениях сторон» [5].

Вышеназванные точки зрения, без сомнений, заслуживают внимания. Справедливо полагать, что незнание сторонами юридического смысла осуществляемого договора дарения, как и легкомысленное к нему отношение, нередко обусловленное родственными связями между субъектами, создают благодатную среду для возникновения потенциальных проблем. Однако представляется не совсем верным считать это главным и, тем более, единственным способом детерминации. Думается, первопричину следует искать именно в действующих нормативно-правовых актах.

Статьей 578 Гражданского кодекса закреплено право дарителя отменить дарение, в случаях, если «одаряемый совершил покушение на его жизнь, жизнь кого-либо из членов его семьи или близких родственников, умышленно причинил дарителю телесные повреждения» или если «обращение одаряемого с подаренной вещью, представляющей для дарителя большую неимущественную ценность, создает угрозу ее безвозвратной утраты» [6]. Кроме того, договор может оставить за дарителем право отмены дарения в случае, если он переживает одаряемого.

Критиковать законодателя, как известно, не принято. В то же время, не будет моветоном предложить альтернативную точку зрения на некоторые нюансы приведенных ранее положений Гражданского кодекса.

Первое основание, поначалу не вызывающее каких-либо противоречий, при более глубоком анализе обнажает скрытую правовую проблему. Сформулировать её возможно следующим образом: сохраняется существенный круг субъектов, которым одаряемый может причинить вред без последствий в виде отмены договора дарения. Так, анализируя, положения Семейного кодекса [7] (статья 2, статья 14) вместе с частью первой статьи 578 Гражданского кодекса, можно сделать вывод: отмена дарения возможна лишь при покушении непосредственно на жизнь дарителя, жизнь его супруги (супруга), родителей (усыновителей), детей, бабушки, дедушки, внуков, братьев и сестер. По мнению автора, данный перечень в недостаточной мере противодействует потенциальным незаконным действиям. Так, например, одаряемый может совершить покушение на жизнь дяди, тети, двоюродного брата или сестры, племянника, племянницы и других родственников дарителя, очевидно не относящихся к рассмотренным выше категориям. Более того, вполне возможна ситуация, когда даритель, не обладая близкими родственниками или членами семьи, имеет взаимоотношения с другими людьми, которые вообще не связаны с ним каким бы то ни было родством или свойством.

Прежде, чем автором будет предложен вариант решения выявленной проблемы, представляется необходимым обратиться к действующему уголовно-процессуальному законодательству, в

котором используется категория «близкие лица». В соответствии со статьей 5 УПК РФ к таковым относят: лиц, «жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений» [8]. Думается, что приведенная выше норма, после некоторой адаптации, в достаточной мере способна исправить ситуацию. В результате, новая редакция части 1 статьи 578 Гражданского кодекса могла бы выглядеть следующим образом: «Даритель вправе отменить дарение, если одаряемый умышленно причинил телесные повреждения или совершил покушение на жизнь дарителя, кого-либо из членов его семьи, близких родственников, а также иных лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги дарителю в силу сложившихся личных отношений».

Между тем, автор понимает - предложенное нововведение способно повлечь за собой и негативные последствия, связанные с появлением возможности для недобросовестного дарителя отменить дарение. Однако, справедливо утверждать, что уже сейчас выработаны меры по противодействию подобного рода злоупотреблениям. Так, Верховный суд устанавливает для нижестоящих инстанций необходимость приведения сведений, «на основании которых судом сделан вывод о том, что указанное лицо является близким» [9]. В свою очередь, суды общей юрисдикции активно реализуют это положение на практике. Например, в приговоре Нижегородского областного суда указано, как в ходе производства по делу было установлено, что потерпевшая и убитый «считали друг друга одной семьей», «поддерживали семейные отношения», а после преступления у потерпевшей наблюдалось «глубочайшее эмоциональное потрясение и состоянии шока» [10].

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время имеются необходимые условия для того, чтобы предложенная автором поправка к существующей норме права эффективно показала себя на практике, усилив тем самым защиту интересов дарителя от противоправных посягательств.

Рассмотрим следующее основание, предусмотренное частью второй статьи 578 Гражданского кодекса. Анализ данной нормы, по мнению А.С. Дудиной и Е.Н. Ялуниной, свидетельствует, что: «основанием применения такой санкции является не правонарушение как таковое, а именно нарушение норм морали, диктующих бережное обращение с подаренной вещью, которая представляет для дарителя большую неимущественную ценность, сохранение чувства благодарности и уважения к тому, кто ее подарил» [11]. С.П. Гришаев считает, что отмена дарения в этом случае может быть произведена при: «возникновении угрозы безвозвратной утраты предмета, особо ценного именно для дарителя, который, очевидно, рассчитывал обеспечить его сохранность после своей смерти в результате заключения договора

дарения» [12]. В качестве примера такой вещи, ученым приведен семейный фотоальбом, хранящийся у одаряемого неподобающим образом или выставленный им на продажу.

По мнению автора, в механизме применения рассматриваемого основания отмены дарения наблюдается некоторое противоречие. Так, статья 575 Гражданского кодекса ограничивает тремя тысячами рублей ценность обычного подарка небольшой стоимости. Однако вполне возможно, что ранее упомянутый фотоальбом стоит меньше установленной суммы. Данное обстоятельство, в соответствии с положениями статьи 579 Гражданского кодекса, сводит на нет возможность применения установленных законом оснований отмены договора дарения, включая анализируемое.

В качестве варианта разрешения выявленной коллизии, автор считает релевантным дополнить статью 579 Гражданского кодекса специальной оговоркой, не позволяющей применять данную норму в случаях, когда подаренная вещь «представляет для дарителя большую неимущественную ценность».

Однако объектом спора между субъектами договора дарения, очевидно, может выступать не только фотоальбом с семейными фотографиями. В этой связи, справедливо указать на существование иной проблемы, связанной с определением неимущественной ценности конкретной вещи и доказыванием «нарушения норм морали, диктующих бережное обращение с даром» [13]. На практике, данные обстоятельства нередко приводят к последующему пересмотру дела в апелляционном, кассационном порядке, в том числе, в Верховном суде РФ [14].

Между тем, в науке уже разработаны некоторые рекомендации, которые способны минимизировать риск неправильного правоприменения. Так, при отмене дарения по основанию, предусмотренному частью второй статьи 578 Гражданского кодекса, в первую очередь, по словам И.А. Минахиной: «необходимо определить, действительно ли дар представляет для дарителя именно неимущественную ценность» [15]. Данное обстоятельство приобретает особую актуальность в ситуации, когда объектом дарения выступает вещь, обладающая существенной стоимостью, поскольку в таком случае высока вероятность недобросовестных действий дарителя.

Наряду с вышеизложенным, необходимо также доказать, что обращение с вещью действительно создает угрозу её безвозвратной утраты. По мнению Ю.В. Салазниковой: «само понятие угроза предполагает, что процесс негативного воздействия на ту или иную вещь уже начат, но наступление его результата в будущем достаточно условно» [16]. Имея это в виду, следует установить степень риска возможного причинения вреда вещи и реальность наступления потенциальных неблагоприятных последствий.

Думается, что применение на практике этих

рекомендаций минимизирует возникающие проблемы и позволит правоприменителю защитить интересы сторон, обеспечив эффективное функционирование данной нормы права.

Перейдем к основанию отмены дарения, закреплённому в части четвёртой статьи 578 Гражданского кодекса. В соответствии с позицией Верховного суда РФ: «отмена дарения в случае смерти одаряемого является совершаемой пережившим дарителем односторонней сделкой, которая служит основанием прекращения права собственности одаряемого на подаренную вещь и возникновения права собственности на нее у дарителя» [17]. Как отмечал А.В. Копылов, данная норма, несмотря на некоторое сходство с классическим отменительным условием сделки, наделяет дарителя возможностью «самостоятельно инициировать процесс возврата подаренного имущества» [18]. По мнению К. Р. Симоняна: «правовое обоснование данного института можно усмотреть в стремлении законодателя обеспечить баланс интересов сторон договора, а также предоставить дарителю дополнительные гарантии сохранения контроля над судьбой подаренного имущества в случае преждевременной смерти одаряемого» [19]. При этом, отличительной чертой исследуемого основания является диспозитивный характер, который ставит возможность его применения в зависимость от волеизъявления сторон, предусмотревших такое условие в договоре.

Между тем, П.В. Крашенинников отмечал [20], что наличие подобного соглашения, наделяющего дарителя правом отменить дарение после смерти одаряемого, не лишает последнего возможности распоряжаться подаренной вещью по своему усмотрению. Данная позиция коррелирует с точкой зрения К.П. Победоносцева, который усматривал смысл дарения в «перенесении права собственности одним лицом на другое в момент достижения согласия сторонами» [21].

Таким образом, одаряемый, обладающий классическим набором прав собственника (владение, пользование, распоряжение) в отношении дара, может легально произвести отчуждение такого имущества в пользу третьих лиц. Более того, нетрудно представить ситуацию, когда он делает это незадолго до своей смерти, желая сохранить имущество или его денежный эквивалент для своих наследников. В таком случае защитить интересы дарителя, в соответствии с действующим законодательством, невозможно.

В этой связи, интересна позиция ряда исследователей, в том числе, В.В. Витрянского, К.Р. Симоняна, Э.О. Осадченко и А.З. Аджаловой, указывающих на необходимость предусмотреть «выплату дарителю стоимости вещи» [22] при невозможности возвратить дар в натуре. Цену, при этом, представляется возможным определять по правилам части третьей статьи 424 Гражданского кодекса РФ. По мнению автора, вышеизложенные предложения весьма релевантны и способны ис-

править сложившуюся ситуацию, гарантировав дарителю реализацию его права, предусмотренного законом и договором.

Подводя итог настоящей работе, справедливо сделать следующий вывод: отмена дарения, являясь институтом частного права, известным ещё со времён Юстиниана [23], несмотря на долгий период своего существования, сохраняет в себе проблемы, которые ещё только предстоит разрешить. Для этого, ввиду специфики договора, потребуется качественно новый подход к

формированию норм права, регулирующих данный вид общественных отношений. Думается, что обеспечить такую качественную модернизацию законодательства возможно исключительно объединёнными усилиями юристов-теоретиков и правоприменителей. Только в таком случае перспективные теоретические концепции, воплощённые в законодательстве будут соответствовать реальным условиям юридической практики, обеспечивать надёжную защиту интересов участников гражданского оборота.

Список литературы:

- [1] Суханов Е. А. Гражданское право / Е. А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2023. — 624 с.
- [2] Малеина М. Н. О договоре дарения / М. Н. Малеина. // Правоведение. — 1998. — № 4. — С. 129-133.
- [3] Дарков А. А. Анализ основных проблем, возникающих при применении правовых норм о договоре дарения / А. А. Дарков. // Закон и право. — 2019. — № 2. — С. 69-75.
- [4] Пономаренко В. О. Актуальные проблемы договора дарения / В. О. Пономаренко, Р. Н. Шалайкин. // Скиф. — 2023. — № 3 (79). — С. 12-16.
- [5] Алексеева О. Г. Гражданское право / О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2018. — 560 с.
- [6] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
- [7] Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ : [принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. : ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025] // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
- [8] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (редакция от 20 февраля 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
- [9] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2010. — № 9.
- [10] Приговор Нижегородского областного суда № 22-2866/2025 от 16 июля 2025 г. по делу № 1-110/2025. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RRU58qMv3Qrw/> (дата обращения: 13.03.2026).
- [11] Дудина А. С. Правовые проблемы договора дарения / А. С. Дудина, Е. Н. Ялунина. // Экономика, право и образование в условиях риска и неопределённости: тенденции и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции. — Нижний Тагил : Уральский гос. экономический ун-т, 2016. — С. 73-78.
- [12] Гришаев С. П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая / С. П. Гришаев, Ю. П. Свит, Т. В. Богачев. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18997&ysclid=moukkfe75l896964241> (дата обращения: 13.03.2026).
- [13] Новиков К. Б. Отмена дарения: направления совершенствования законодательства / К. Б. Новиков. // Современная наука. — 2016. — № 4. — С. 14-16.
- [14] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.03.2021 № 77-КГ21-1-К1 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. — URL: <http://www.vsrfl.ru> (дата обращения: 13.03.2026).
- [15] Минахина И. А. Наследование. Дарение. Пожизненная рента: вопросы правового регулирования / И. А. Минахина. — М. : Дашков и К°, 2007. — 217 с.
- [16] Салазникова Ю. В. Отмена дарения: понятие и содержание / Ю. В. Салазникова. // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. — 2010. — № №5 (181). — С. 64-68.
- [17] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) : [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017 : ред. от 26.04.2017] // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018. — № 1.
- [18] Копылов А. В. Дарение на случай смерти в современном российском гражданском праве / А. В. Копылов. // Законодательство. — 2019. — № 9. — С. 38.
- [19] Симонян К. Р. Отмена дарения в случае смерти одаряемого: теоретические и практические

аспекты / К. Р. Симонян. // *Власть Закона*. — 2024. — № 4(60). — С. 179-192.

[20] Крашенинников П. В. Гражданский кодекс РФ. Роль в обеспечении устойчивости и развития экономического оборота / П. В. Крашенинников. // *consultant.ru*: [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/law/interview/krashennnikov2/> (дата обращения: 26.03.2026).

[21] Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Права семейственные, наследственные и завещательные / К. П. Победоносцев. — СПб. : Печатня В. Головина, 1871. — 576 с.

[22] Осадченко Э. О. Отмена договора дарения / Э. О. Осадченко, А. З. Аджалова. // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. — 2023. — № 5-3 (80). — С. 57-60.

[23] Новицкий И. Б. Римское частное право / И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский. — М., 1996. — 500 с.

References:

[1] Sukhanov E. A. *Civil Law* / E. A. Sukhanov. - 3rd ed., revised and enlarged. - Moscow: Statut, 2023. - 624 p.

[2] Maleina M. N. On the Gift Agreement / M. N. Maleina. // *Jurisprudence*. - 1998. - No. 4. - Pp. 129-133.

[3] Darkov A. A. Analysis of the Main Problems Arising in the Application of Legal Norms on the Gift Agreement / A. A. Darkov. // *Law and Right*. - 2019. - No. 2. - Pp. 69-75.

[4] Ponomarenko V. O. Actual Problems of the Gift Agreement / V. O. Ponomarenko, R. N. Shalaykin. // *Skif*. - 2023. - No. 3 (79). — P. 12-16.

[5] Alekseeva O. G. *Civil Law* / O. G. Alekseeva, E. R. Aminov, M. V. Bando. — 3rd ed., revised and enlarged. — Moscow: Statut, 2018. — 560 p.

[6] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 No. 14-FZ // *Collected Legislation of the Russian Federation*. — 1996. — No. 5. — Art. 410.

[7] Family Code of the Russian Federation: Federal Law of December 29, 1995 No. 223-FZ: [adopted by the State Duma on December 8, 1995: as amended on November 23, 2024, as amended. [from 30.10.2025] // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. — 1996. — No. 1. — Art. 16.

[8] Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 December 2001 No. 174-FZ (as amended on 20 February 2026) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. — 2001. — No. 52 (Part I). — Art. 4921.

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29 June 2010 No. 17 «On the Practice of Applying the Rules Governing the Participation of the Victim in Criminal Proceedings by the Courts» // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. — 2010. — No. 9.

[10] Verdict of the Nizhny Novgorod Regional Court No. 22-2866/2025 dated July 16, 2025 in case No. 1-110/2025. // *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RRU58qMv3Qrw/> (date of access: March 13, 2026).

[11] Dudina A. S. Legal problems of a gift agreement / A. S. Dudina, E. N. Yalunina. // *Economy, law and education in conditions of risk and uncertainty: trends and development prospects: materials of the International scientific and practical conference*. — Nizhny Tagil: Ural State University of Economics, 2016. — P. 73-78.

[12] Grishaev S. P. Article-by-Article Commentary to the Civil Code of the Russian Federation. Part Two / S. P. Grishaev, Yu. P. Svit, T. V. Bogachev. // *SPS ConsultantPlus*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18997&ysclid=moukkfe75l896964241> (accessed: 13.03.2026).

[13] Novikov K. B. Cancellation of Gifts: Directions for Improving Legislation / K. B. Novikov. // *Modern Science*. - 2016. - No. 4. - P. 14-16.

[14] Definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 23, 2021, No. 77-KG21-1-K1 // *Official website of the Supreme Court of the Russian Federation*. — URL: <http://www.vsrp.ru> (date of access: March 13, 2026).

[15] Minakhina, I. A. Inheritance. Donation. Life annuity: issues of legal regulation / I. A. Minakhina. — Moscow: Dashkov i K^o, 2007. — 217 p.

[16] Salaznikova, Yu. V. Cancellation of a donation: concept and content / Yu. V. Salaznikova. // *Bulletin of SUSU. Series: Law*. — 2010. — No. 5 (181). — P. 64-68.

[17] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2017): [approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on February 16, 2017: as amended on April 26, 2017] // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. — 2018. — No. 1.

[18] Kopylov A. V. Donation in the Event of Death in Modern Russian Civil Law / A. V. Kopylov. // *Legislation*. — 2019. — No. 9. — P. 38.

[19] Simonyan K. R. Cancellation of a Donation in the Event of the Death of the Donee: Theoretical and Practical Aspects / K. R. Simonyan. // *The Power of Law*. — 2024. — No. 4 (60). — P. 179-192.

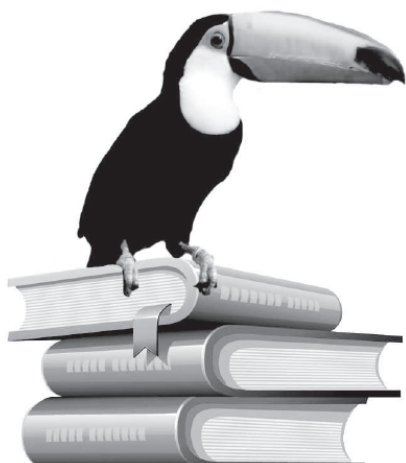
[20] Krashennnikov P. V. Civil Code of the Russian Federation. Role in Ensuring the Stability and

Development of Economic Turnover / P. V. Krasheninnikov. // consultant.ru: [website]. URL: <https://www.consultant.ru/law/interview/krasheninnikov2/> (date of access: 03/26/2026).

[21] Pobedonostsev K. P. Course in Civil Law. Family, Inheritance, and Testamentary Rights / K. P. Pobedonostsev. - St. Petersburg: V. Golovin's Press, 1871. - 576 p.

[22] Osadchenko E. O. Cancellation of a Gift Agreement / E. O. Osadchenko, A. Z. Adzhalova. // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2023. - No. 5-3 (80). - P. 57-60.

[23] Novitsky I. B. Roman private law / I. B. Novitsky, I. S. Peretersky. - M., 1996. - 500 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

РУКИНА Вероника Сергеевна,
студентка 2 курса магистратуры ФГБОУ ВО Государственного
академического университета гуманитарных наук,
e-mail: veronika21548@mail.ru

Научный руководитель:
ИВАНОВА Светлана Анатольевна,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНСТРУКЦИЯ ОПЦИОНА В НАСЛЕДСТВЕННОМ ПЛАНИРОВАНИИ УЧАСТНИКА ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

АННОТАЦИЯ. В условиях необходимости обеспечения преемственности корпоративного контроля при наследовании доли в обществах с ограниченной ответственностью (далее - ООО) и наличия неразрешенных коллизий между опционной конструкцией и нормами наследственного и корпоративного права особую значимость приобретает анализ альтернативных механизмов наследственного планирования. В статье исследуется опцион на заключение договора как инструмент перехода доли в ООО, рассматриваются правовые проблемы, возникающие вследствие секундарной природы опциона, необходимости получения согласия участников общества и трансформации обязательства в денежную форму при отказе в таком согласии. Обосновывается вывод, что эффективная реализация опционного механизма возможна лишь при условии комплексного учета уставных ограничений и закрепления в соглашении последствий, связанных с отказом в переходе доли.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: опцион, наследственное планирование, доля в ООО, секундарное право, универсальное правопреемство, согласие участников.

RUKINA Veronika Sergeevna,
Second-year Master's student at the
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education,
State Academic University for the Humanities

Academic Supervisor:
IVANOVA Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Law, Professor

THE DESIGN OF AN OPTION IN THE SUCCESSION PLANNING OF A PARTICIPANT IN A LIMITED LIABILITY COMPANY

ANNOTATION. In the context of the need to ensure continuity of corporate control when inheriting shares in limited liability companies (hereinafter referred to as LLC) and the presence of unresolved conflicts between the option structure and the norms of inheritance and corporate law, the analysis of alternative mechanisms of inheritance planning is of particular importance. The article examines the option to conclude a contract as a tool for transferring a share to an LLC, examines the legal problems arising from the second nature of the option, the need to obtain the consent of the company's participants and the transformation of the obligation into monetary form if such consent is refused. The conclusion is substantiated that the effective implementation of the option mechanism is possible only if the statutory restrictions are comprehensively taken into account and the consequences associated with the refusal to transfer the share are fixed in the agreement.

KEY WORDS: option, inheritance planning, share in LLC, second law, corporate conflict, universal succession, consent of participants.

Наследственное планирование представляет собой совокупность юридических механизмов, направленных на эффективный переход имущества наследодателя к наследникам в желаемом объеме и с минимальными рисками

корпоративных конфликтов.

Традиционно ключевым инструментом такого планирования выступает завещание, наследственный договор. Однако, в сфере наследования доли в ООО, где помимо имущественных

интересов критически важны вопросы сохранения корпоративного контроля и персонального состава участников, классических конструкций зачастую оказывается недостаточно.

Одним из альтернативных способов определения потенциальных наследников бизнеса является использование конструкции опциона на заключение договора (ст. 429.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)).

Данный механизм позволяет наследодателю участнику ООО посредством безотзывной оферты предоставить избранному им лицу право заключить договор купли-продажи доли на заранее определенных условиях, связав момент акцепта с наступлением его смерти.

С одной стороны, такой подход позволяет не допустить перехода бизнеса в неконтролируемые руки и обеспечивает преемственность управления. С другой стороны, применение опциона порождает сложный вопрос о разграничении его правовой природы и завещания как оснований наследования [1].

Ключевой особенностью опциона на заключение договора, отличающей его от традиционных обязательственных конструкций, является юридическая природа возникающего на его основе права. По своей сути право по опциону не носит имущественного характера в классическом понимании, поскольку не предоставляет его обладателю непосредственного права на вещь или иное имущество. Оно представляет собой лишь возможность заключить сделку в будущем, предметом которой такое имущество станет.

В данном случае речь идет о секундарном праве, которое предоставляет управомоченному лицу юридическую возможность одностороннего воздействия на правовую сферу другого лица. Применительно к опциону это выражается в том, что держатель опциона обладает правом на акцепт безотзывной оферты, тогда как для оферента (владельца доли) секундарная природа оборачивается связанностью, не позволяющей ему в одностороннем порядке отказаться от данного им обещания.

Однако, именно секундарная природа опциона порождает сложные коллизии в сфере наследования. Как отмечает Парилова Е.В., остается нерешенным вопрос о том, возникает ли юридическая связанность наследников оферента той безотзывной офертой, которая была сформулирована наследодателем, если по сути отсутствуют возникшие конкретные обязательства имущественного характера, могут ли наследники решать судьбу оферты, руководствуясь принципом свободы договора — принять на себя вытекающие из нее обязательства или отказаться от них [1].

Представляется, что в данном случае ключевое значение имеет принцип универсальности правопреемства (п. 1 ст. 1110 ГК РФ). Поскольку опцион на заключение договора купли-про-

дажи доли был предоставлен наследодателем при жизни и неразрывно связан с его личностью лишь в момент формирования воли, после его смерти в состав наследственной массы входит обязательство по ее исполнению при условии акцепта. Следовательно, наследники, принявшие наследство и получившие согласие на вступление в состав участников ООО, в случае акцепта оферты управомоченным лицом (потенциальным наследником бизнеса) обязаны совершить действия по купле-продаже доли. Иное толкование, допускающее возможность свободного выбора наследниками судьбы оферты, вступало бы в противоречие с принципом универсального правопреемства, предполагающим переход прав и обязанностей наследодателя в неизменном виде как единого целого.

Дополнительную сложность в рассматриваемую конструкцию вносит специфика правового режима наследования доли в ООО, предусмотренная п. 8 ст. 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Переход доли к наследникам возможен только при условии получения согласия остальных участников общества, если такое согласие предусмотрено уставом. В ситуации, когда наследники оферента (владельца доли) такое согласие не получили, они приобретают не корпоративные права участника, а лишь право на получение действительной стоимости доли. Это обстоятельство ставит под вопрос саму возможность реализации опциона. Поскольку акцепт безотзывной оферты по опционному соглашению предполагает заключение договора купли-продажи доли, объект такого договора - доля в ООО - может выбыть из наследственной массы в денежной форме еще до момента акцепта. Если наследники не становятся участниками общества, они утрачивают статус лица, способного передать долю по договору купли-продажи, заключенному посредством акцепта оферты. Если уставом предусмотрена необходимость получения согласия участников и в его предоставлении наследникам отказано, то доля переходит самому обществу.

С одной стороны, держатель опциона обладает правом на односторонний акцепт, с другой - исполнение обязательства, возникающего из такого акцепта, становится объективно невозможным ввиду отсутствия у наследников оферента самой доли как индивидуально-определенного имущества.

Представляется, что решение данного вопроса должно быть закреплено в самом опционном соглашении: стороны вправе предусмотреть, что акцепт оферты может быть осуществлен только при условии вступления наследников оферента в состав участников общества, либо, напротив, установить, что акцепт сохраняет силу независимо от такого вступления, с трансформацией обязательства из натурального в денежное (возмещение действительной стоимости доли держа-

телю опциона) [5].

Однако, существует мнение, что права и обязанности оферента, связанные с опционом, не прекращаются, а следуют судьбе самой доли как скрытое обременение, переходя к обществу [2].

Возникает ситуация, при которой держатель опциона, реализуя свое секундарное право на акцепт, оказывается в правоотношении не с наследниками оферента, а с обществом, к которому перешла доля. Следовательно, должна произойти трансформация объекта наследственного правопреемства: вместо доли в уставном капитале предметом исполнения по акцептованному опциону становится право наследников (либо общества, если доля перешла к нему) на получение встречного предоставления по договору об отчуждении доли.

Иной подход к разрешению данной ситуации предлагает Малетина Е.Е., высказывая сомнение в возможности автоматической трансформации предмета опциона при отказе участников общества в согласии на переход доли к наследникам, в этой ситуации акцептант (держатель опциона) не может совершить акцепт, но при этом у него отсутствуют и права на защиту от сложившегося положения [3]. При этом действующее законодательство не предоставляет держателю опциона механизмов принуждения ни к передаче доли (поскольку она более не принадлежит наследникам), ни к выплате денежной компенсации (если такая возможность не была прямо предусмотрена опционным соглашением).

Представляется, что в данном споре более обоснованной является позиция, согласно которой обязательство по опционному соглашению переходит к обществу. Иное толкование позволяло бы участникам общества путем отказа в согласии на вступление наследников нивелировать заранее принятые наследодателем обязательства перед держателем опциона, что, по сути, означало бы возможность одностороннего отказа от исполнения опционного соглашения без каких-либо правовых последствий. Кроме того, если наследники оферента вправе получить от общества действительную стоимость доли, то держатель опциона, своевременно реализовавший акцепт, может претендовать на удовлетворение своего интереса — пусть и в денежной форме.

Таким образом, конструкция трансформации объекта наследственного правопреемства с переходом обязательства к обществу представляется более соответствующей природе опциона как инструмента, обеспечивающего определенность правового положения сторон, и в большей степени отвечает принципам справедливости и стабильности гражданского оборота.

Дополнительную сложность в рассматриваемую конструкцию вносит вопрос о необходимости получения согласия участников общества на переход доли к держателю опциона (акцептанту) в случае реализации последним права на акцепт.

На первый взгляд, по мнению Наземцева Д.М., руководствуясь общей идеей универсального правопреемства, можно предположить, что перешедшие к наследнику от наследодателя права и обязанности по опционному соглашению должны опосредовать автоматическое предоставление согласия на последующий переход доли третьему лицу — держателю опциона [2].

Однако, представляется, что такой вывод был бы ошибочным. Согласие участников общества на переход доли к конкретному лицу является самостоятельным волеизъявлением. Наследодатель, предоставляя опцион при жизни, выражал свою волю на возможное отчуждение доли держателю опциона, однако его воля не подменяет собой воли других участников общества, право которых на дачу либо отказ в согласии закреплено уставом и законом. Следовательно, при реализации опциона держателем права на акцепт требуется получение самостоятельного согласия участников общества на переход доли к этому третьему лицу, если такое требование предусмотрено уставом. При этом отсутствие такого согласия влечет те же последствия, что и при отказе в согласии на вступление наследников: доля переходит к обществу, а обязательство по опциону трансформируется в денежное, что вновь ставит под сомнение возможность держателя опциона получить именно бизнес, а не его денежный эквивалент.

Однако, несмотря на имеющуюся возможность использования опциона как инструмента наследования бизнеса, существует мнение Батровой Т.А. заключающееся в том, что этот механизм потенциально может быть использован для предотвращения возможности наследования активов компании наследниками ее номинального владельца [4]. Иными словами, опцион способен работать не только на передачу бизнеса нужным наследникам, но и против них — исключая нежелательных правопреемников.

Рассматривая опцион как способ распоряжения активами на случай смерти, как указывает Батрова Т.А., следует учитывать и потенциальные риски признания таких сделок недействительными как совершенных с целью обхода закона. То есть суд может посчитать, что таким способом стороны пытались искусственно подменить наследственные отношения договорными.

При этом, действующее законодательство вовсе не запрещает сторонам регулировать вопросы перехода имущества на случай смерти с помощью договорных инструментов, в том числе наследственный договор является легальным способом распорядиться своим имуществом на будущее время на случай смерти.

Более того, опцион здесь выполняет прежде всего функцию фиксации воли сторон (номинального и фактического владельца бизнеса) и обеспечения последующей передачи актива, а не подмены наследственных прав. При этом данное соглашение может быть дополнено корпоратив-

ным договором (п. 9 ст. 67.2 ГК РФ), что придает ему дополнительную устойчивость и прозрачность.

Батрова Т.А. прямо указывает, что опционная конструкция наиболее оправдана именно в тех случаях, когда основатель компании юридически не закреплён в качестве владельца акций или долей. Поскольку такие активы невозможно включить в наследственную массу, обычное наследование оказывается бессильным. В этой ситуации, как поясняет исследователь, между номинальным участником и фактическим основателем может быть заключено соглашение о предоставлении опциона, дополненное корпоративным договором (п. 9 ст. 67.2 ГК РФ). Потенциальный наследник при этом вправе стать вторым акцептантом и реализовать свои права после смерти наследодателя - смерть такому соглашению не препятствует [4].

Батрова Т.А. допускает использование опциона только в узкой ситуации - когда у основателя нет юридических прав на доли, что делает обычное наследование невозможным.

Однако, представляется, что сфера применения данной конструкции может быть значительно шире. Опцион с включением наследника в качестве второго акцептанта способен работать и в

тех случаях, когда основатель является полноправным владельцем актива, но по разным причинам (минимизация споров, передача контроля конкретному лицу, отлагательные условия) предпочитает договорной механизм классическому наследованию.

Таким образом, следует признать, что наряду с традиционным наследственным договором опцион представляет собой альтернативный, легальный способ планирования перехода бизнеса на случай смерти. Риск оспаривания сохраняется, но он реален лишь в тех ситуациях, когда конструкция используется для заведомого нарушения прав обязательных наследников, а не для упорядочения передачи корпоративного контроля.

Опцион на заключение договора купли-продажи доли в ООО может быть эффективным инструментом наследственного планирования лишь при условии комплексного учета: положений устава о порядке перехода доли к наследникам и третьим лицам; включения в опционное соглашение условий о последствиях отказа в согласии участников; осознания наследодателем того, что при определенных корпоративных ограничениях опцион гарантирует держателю не получение бизнеса, а лишь его денежный эквивалент.

Список литературы:

- [1] Парилова Е.В. Коллизии наследственного и корпоративного права на примере опционных конструкций как инструмента наследования доли в обществе с ограниченной ответственностью // *Современное право*. 2025. № 6. С. 74-80.
- [2] Наземцев Д.М. Наследование прав и обязанностей из опциона на заключение договора об отчуждении доли в уставном капитале ООО // *Наследственное право*. 2022. № 3. С. 37-39.
- [3] Малетина Е.Е. Наследование в рамках соглашения о предоставлении опциона на заключение договора купли-продажи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью» // *«Нотариальный вестник»*, 2025. № 12.
- [4] Батрова Т.А. Проблемы сохранения бизнеса при наследовании // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2024. № 6. С. 51-55.
- [5] Севеева К.В. Правопреемство по опционным соглашениям в корпоративном праве при реорганизации и наследовании. М.: Статут, 2024.

References:

- [1] Parilova E.V. Conflicts of Inheritance and Corporate Law Using the Example of Option Structures as a Tool for Inheriting a Share in a Limited Liability Company // *Modern Law*. 2025. No. 6. pp. 74-80.
- [2] Nazemtsev D.M. Inheritance of Rights and Obligations from an Option to Conclude an Agreement on the Alienation of a Share in the Authorized Capital of an LLC // *Inheritance Law*. 2022. No. 3. pp. 37-39.
- [3] Maletina E.E. Inheritance within the Framework of an Agreement on Granting an Option to Conclude an Agreement on the Sale and Purchase of a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company // *Notarial Bulletin*, 2025. No. 12.
- [4] Batrova T.A. Problems of Preserving a Business During Inheritance // *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2024. No. 6. Pp. 51-55.
- [5] Seveeva K.V. Succession under option agreements in corporate law during reorganization and inheritance. Moscow: Statut, 2024.

ШЕВЧЕНКО Елизавета Сергеевна,
студентка 2 курса магистратуры,
ФГБОУ ВО Государственный академический
университет гуманитарных наук,
e-mail: lizashevch3ncko@yandex.ru

Научный руководитель:
РОМАШКОВА Ирина Ивановна
кандидат юридических наук, доцент кафедры
частного права Юридического факультета
ФГБОУ ВО Государственного академического
университета гуманитарных наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВАЯ СУДЬБА ДОЛИ УЧАСТНИКА ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ПРИ РАСТОРЖЕНИИ БРАКА

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется правовая судьба доли участника ООО при расторжении брака. Рассмотрены сложившиеся точки зрения по данному вопросу, а также судебная практика. Сделан вывод о необходимости баланса между защитой имущественных прав супругов и стабильностью корпоративных отношений, достигаемого преимущественно через выплату компенсации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: доля в уставном капитале ООО, правовая судьба доли, расторжение брака, раздел совместно нажитого имущества, корпоративные права, судебная практика.

SHEVCHENKO Elizaveta Sergeevna,
second-year master's student,
State Academic
University for the Humanities

Academic Supervisor:
ROMASHKOVA Irina Ivanovna,
PhD in Law, Associate Professor, Department of
Private Law, Faculty of Law,
State Academic
University for the Humanities

LEGAL FATE OF THE SHARE OF A PARTICIPANT IN A LIMITED LIABILITY COMPANY UPON DIVORCE

ANNOTATION. The article analyzes the legal fate of the LLC member's share in the event of divorce. It examines the existing points of view on this issue, as well as court practice. The article concludes that there is a need for a balance between protecting the property rights of spouses and maintaining the stability of corporate relations, which can be achieved primarily through the payment of compensation.

KEY WORDS: share in the authorized capital of an LLC, legal fate of a share, divorce, division of jointly acquired property, corporate rights, and judicial practice.

Институт совместной собственности супругов традиционно является одним из наиболее сложных в семейном праве, а его пересечение с корпоративным правом порождает множество теоретических и практических коллизий. Особую остроту эти противоречия приобретают при разделе доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) в связи с расторжением брака.

Уставной капитал в ООО определяется как сумма номинальной стоимости долей его участников (п.1 ст. 14 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ «Об ООО»). Если для оплаты доли в уставном капитале ООО использовалось общее имущество супругов, то в силу теории трансформации (изменения правового режима имущества) такое имущество также является совместно нажитым.

При этом в вышеназванном определении отсутствует понятие или упоминание доли как таковой, что является правовой проблемой, так как отсутствие официальной закреплённой позиции даёт возможность для возникновения проблем в определении правовой природы, а значит и к разному подходу судов при разрешении правовых вопросов.

В правовой доктрине не сложилось единой точки зрения о правовой природе доли в ООО. Доля в уставном капитале ООО представляет собой сложный правовой феномен, сочетающий в себе имущественные и неимущественные корпоративные права. В настоящей статье доля рассматривается одновременно как объект гражданских правоотношений и предмет собственности супругов. В доктрине ведутся дискуссии о ее квалификации: является ли она объектом вещного права, обязательством или имуществом. Рассмотрим каждую из представленных концепций:

1. *Вещно-правовая концепция.* Доля в ООО в силу своей специфики находится в гражданском обороте и имеет экономическую ценность для общества. При этом каждая доля имеет определённый размер, выраженный в виде процентов или дроби, имеет фирменное наименование, связанное с хозяйственным обществом, в некоторых случаях имеет особенности правового режима определённого в уставе ООО. Все это говорит о доле в ООО как об индивидуально определённой вещи.

В. А. Лапач отмечает, что доля в уставном капитале – это идеальная квота в праве собственности на имущество общества [1]. Признание доли самостоятельным объектом гражданского оборота (особым имуществом) позволяет заключать сделки купли-продажи, мены, дарения, залога доли, что невозможно при рассмотрении доли исключительно как обязательственного права требования к обществу. Сама по себе доля способна к обороту и активно вовлекается в него. Но нормы гражданского законодательства противоречат данной концепции. При этом согласно П. 3, ст. 48 ГК РФ участники ООО не имеют вещного права на имущество самого ООО, значит доля в полной мере не может являться индивидуально определённой вещью.

2. *Имущественно-правовая концепция.* Согласно данной концепции, доля в ООО является имущественным правом, в связи со спецификой ее приобретения и отчуждения. Доля является имущественным правом, а не ограничивается только правом требования. Сторонниками данного подхода являются С. А. Бобков, Е. В. Тимохина, Р. С. Фатхутдинов и др.

Имущественно-правовая концепция позволяет напрямую применять к доле нормы семейного законодательства об общем имуществе супругов (ст. 34, 38 СК РФ) без необходимости доказывать сложную трансформацию вещных прав в обязательственные. Суд может оценить долю как объ-

ект, подлежащий разделу при разводе, по тем же правилам, что и квартира или автомобиль, с учётом, разумеется, корпоративной специфики (необходимости согласия других участников).

Доля — это совокупность имущественных прав участника или единое имущественное субъективное право, имущественный комплекс в состав которого входит комплекс правомочий [2]. Однако такие правомочия не порождаются из одного основания, и друг без друга эти правомочия существовать также не могут.

3. *Обязательно-правовая концепция.* С точки зрения данного подхода, передавая имущество в качестве вклада, учредители лишаются права собственности на него (оно становится имуществом общества), но вместо этого получают права требования к обществу. [3]. Таким образом, внося имущество супругов в качестве оплаты доли в ООО, вещные права на данное имущество трансформируются в обязательства общества перед участником, порождая имущественные и неимущественные права для одного из супругов как участника ООО.

Имущественным является право на часть чистых активов при выходе или ликвидации ООО (действительная стоимость доли), право на распределение прибыли - дивиденды. Именно это право составляет объект совместной собственности супругов (ст. 34 СК РФ), так как является доходами, получаемыми в браке.

К корпоративным неимущественным правам относится право на участие в управлении: право голоса на общих собраниях ООО, право на информацию. Эти права носят строго личный характер, связаны со статусом участника и не могут быть разделены в натуре между супругами при расторжении брака. Также к ним может относиться само право быть участником юридического лица [4]. Так как при расторжении брака многие супруги, которые не являлись участниками ООО, но чьи денежные средства, как общее имущество супругов вкладывались в деятельность ООО, хотя бы участниками этого ООО, не могут быть допущены в качестве таковых, что выявляет ещё одну проблему в обеспечении интересов супругов при разделе общего имущества супругов.

Законодательство предусматривает раздельность правового режима самого объекта владения и корпоративных правомочий, связанных с ним. Так, согласно ст. 34 СК РФ, имущество, нажитое супругами во время брака, является их общей собственностью независимо от способа приобретения. Следовательно, доля, приобретённая одним из супругов в период брака, автоматически становится объектом совместно нажитой собственности супругов вне зависимости от характера регистрации владельца этой доли.

Таким образом, обязательно-правовая природа доли позволяет квалифицировать её как право требования. Но тут имеется парадокс, потому что при совпадении в одном лице кредитора и долж-

ника, обязательство погашается, однако в случае выкупа доли самим ООО эта доля может быть передана обществом другим участникам, третьим лицам, либо на ее размер уменьшается уставный капитал.

Нельзя не пройти мимо положений, сформулированных Конституционным судом Российской Федерации в определении от 03.07.2014 № 1564-О. В данном определении Конституционный суд, рассматривая вопрос отчуждения доли третьим лицам, указал, что доля в уставном капитале, как объект гражданского оборота, не может рассматриваться как простой набор имущественных прав, поскольку наличие доли связывает ее обладателя определенными обязанностями по отношению к другим участникам и самому обществу.

На наш взгляд права участников, составляющие долю в ООО, являются правами корпоративными, доля в уставном капитале ООО как объект права является имуществом.

Судебной практикой сложилось устойчивое понимание, что в случае вступления одного из супругов в состав участников ООО и приобретение им за счет совместно нажитого имущества супругов доли в уставном капитале ООО, такая доля будет являться совместным имуществом супругов, как и дома, машины, квартиры и другое имущество (Определение Верховного Суда РФ от 15 декабря 2025 г. № 5-КГ25-138-К2; Определение Верховного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. № 305-ЭС20-22249 по делу № А40-324092/2019). При этом не является препятствием в таком случае отсутствие статуса участника ООО у одного из супругов, или запрет такому супругу на вступление в участники ООО.

Однако, какое решение будет принято в случае, если доля в уставном капитале ООО увеличивается за счет денежных средств внесенных из совместного бюджета супругов, или неимущественных вложений супруга, не являющегося участником ООО остается вопросом.

В деле № 2-14/2024, рассмотренном Ленинским районным судом Ярославля 28.05.2024, бывшая жена требовала раздела доли в уставном капитале ООО «Верхневолжская химическая компания», ссылаясь на то, что доля является общим совместным имуществом супругов. Она аргументировала это тем, что в браке контролировала финансы и управление обществом, привлекала персонал и контрагентов, лично участвовала в производственной деятельности. За счёт её трудового участия стоимость доли выросла в 4 565 раз.

Суд, однако, отказал в удовлетворении иска: истица не доказала, что её вклад в увеличение стоимости имущества был безвозмездным. Также суд принял во внимание, что она получала зарплату за работу в компании.

Таким образом, именно безвозмездность участия в деятельности ООО будет главным фактором при признании доли как общего имущества

супругов [5]. Если в период брака супруги тем или иным образом участвуют в предпринимательской деятельности друг друга, то именно отсутствие правовых оснований для таких действий, так сказать действия «во благо семьи», является важным в таких спорах.

Однако, в случае подтверждения факта расширения режима общего имущества супругов на долю в уставном капитале ООО, для супруга не участника ООО, существует еще одна преграда — это отсутствие разрешения на вступление в участники ООО.

Ключевая проблема раздела заключается в неделимости корпоративного статуса участника ООО. Раздел самой доли как объекта права собственности супругов возможен лишь путем выплаты одним супругом другому компенсации, соразмерной причитающейся доле в имущественной составляющей, либо передачи доли (ее части) одному из супругов с обязательной компенсацией другому, либо продажи доли третьему лицу с последующим разделом вырученных средств, либо преобразования доли в иное имущество с согласия участников общества.

При этом реализация этих механизмов сталкивается с ограничениями, установленными законом (ст. 21, 23 ФЗ «Об ООО»), и уставом общества (преимущественное право покупки других участников/самого общества, запрет на отчуждение третьим лицам без согласия и т.д.), что существенно усложняет раздел имущества супругов. Затягивание процесса раздела имущества супругов создает имущественную неопределённость доли в ООО, а также может препятствовать деятельности самого ООО.

Бывшему супругу по умолчанию не принадлежат корпоративные права, то есть он не является участником корпорации. Корпоративные права бывший супруг приобретает в силу факта решения общего собрания при этом участник общества, устав которого предусматривает соответствующие ограничения, в праве отказать во вступлении в корпорацию, и в этом случае бывший супруг вправе претендовать на получение действительной стоимости доли на основе п.5 ст. 23 Закона «Об ООО», применяемого по аналогии.

Итак, при наличии при уставе общества требования согласия на вступление в члены ООО бывший супруг при разделе имущества, получает только имущественные, но не корпоративные права (права участия).

При этом в судебной практике имеются случаи злоупотребления бывшего супруга своими корпоративными правами, как единственного участника ООО. Так в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 01.07.2024 N 306-ЭС23-26474 по делу N A12-26592/2022 рассмотрено дело о признании бывшей супруги, не приобретшей прав участника Общества.

Согласно фабуле дела в браке было созда-

но ООО, единственным участником которого являлся супруг. После расторжения брака между супругами возник спор о разделе совместно нажитого имущества – долей в уставном капитале общества, созданного путем реорганизации, где единственным участником изначально являлся один из супругов.

Суд первой инстанции признал доли супругов равными (по 50%) и внес соответствующие изменения в ЕГРЮЛ. Однако впоследствии после вступления решения в законную силу другой супруг, как единственный участник ООО, в одностороннем порядке изменил устав общества, установив правило о необходимости согласия всех участников на переход доли к третьим лицам.

На основании этого возник спор о том, приобрел ли второй супруг статус участника общества с долей 50%, несмотря на внесенные изменения в устав. Решениями судов нижестоящих инстанций требования были отклонены, бывшая супруга была признана не приобретшей право участника ООО.

Однако, с этой позицией не согласился Верховный суд Российской Федерации. Согласно его выводам, при разделе совместного имущества супруг, получивший долю в уставном капитале ООО, вправе войти в состав участников с корпоративными правами. Если устав запрещает вход третьим лицам или требует согласия других участников (и оно не получено), супруг может претендовать лишь на выплату действительной стоимости доли. Однако, такие ограничения должны быть явно и недвусмысленно прописаны в уставе; любые неясности толкуются в пользу их отсутствия. Недопустимо вносить изменения в устав в период раздела имущества или в преддверии его

только для того, чтобы помешать входу супруга, – это будет являться злоупотреблением правом (ст. 10 ГК РФ). В ранее рассмотренном деле суд уже признал за женой право на 50% доли, а бывший муж внёс правки в устав во время незавершённого спора исключительно для блокировки её входа, что является злоупотреблением. Выводы нижестоящих судов о невозможности совместного управления из-за конфликта не основаны на доказательствах.

Суд в такой ситуации не учитывает ограничения, внесённые «задним числом», и бывший супруг получает полноценный статус участника общества.

Таким образом, разрешение спора о разделе доли в уставном капитале ООО при расторжении брака требует баланса между защитой имущественных прав обоих супругов и обеспечением стабильности корпоративных отношений. С одной стороны, доля, приобретённая в браке, признаётся общим имуществом, и супруг, не являющийся участником, вправе претендовать на компенсацию её действительной стоимости. С другой стороны, законодательство и судебная практика последовательно охраняют автономию общества, не допуская автоматического вступления в состав участников постороннего лица без согласия других членов ООО или соблюдения уставных ограничений. Именно такой подход — выплата соразмерной компенсации, а не принудительное «расщепление» корпоративного статуса — позволяет сохранить управленческую целостность бизнеса, не допустить его дестабилизации и одновременно справедливо учесть вклад каждого из супругов в совместном имуществе.

Список литературы:

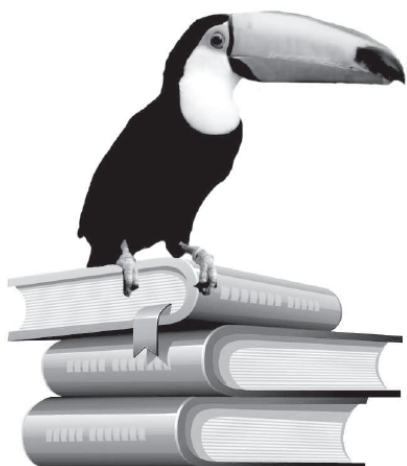
- [1] Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. СПб., 2002. С. 491.
- [2] Белов В. А. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под редакцией В. А. Белова. — 2-е изд., стер. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 552 с.
- [3] Ломакин Д. В. Корпоративные отношения и предмет гражданско-правового регулирования // Законодательство. 2004. № 5. С. 47.
- [4] Залесский В. Общество с ограниченной ответственностью в системе хозяйственных товариществ и обществ // Право и экономика. 1998. № 3. С. 14.
- [5] Евдокимова С. В. К вопросу о разделе доли в уставном капитале общества как совместно нажитого имущества / С. В. Евдокимова // Роль традиций и инноваций в устойчивом развитии современной науки : Сборник статей VII международной научной конференции, Тюмень, 30 июля 2025 года. — Санкт-Петербург: Гуманитарный национальный исследовательский институт НАЦРАЗВИТИЕ, 2025. — С. 122-125.

References:

- [1] Lapach V. A. The System of Civil Rights Objects: Theory and Judicial Practice. St. Petersburg, 2002. P. 491.
- [2] Belov V. A. Corporate Law. Current Issues of Theory and Practice / edited by V. A. Belov. — 2nd ed., reprinted — Moscow: Yurait Publishing House, 2026. — 552 p.
- [3] Lomakin D. V. Corporate Relations and the Subject of Civil Law Regulation // Legislation. 2004. No. 5. P. 47.
- [4] Zalessky V. Limited Liability Company in the System of Business Partnerships and Societies // Law

and Economics. 1998. No. 3. P. 14.

[5] Evdokimova S. V. On the issue of dividing a share in the authorized capital of a company as jointly acquired property / S. V. Evdokimova // The role of traditions and innovations in the sustainable development of modern science: Collection of articles from the VII international scientific conference, Tyumen, July 30, 2025. - St. Petersburg: Humanitarian National Research Institute NATSRAZVITIE, 2025. - P. 122-125.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-2-50-53

САВИЦКИЙ Сергей Вадимович,
магистрант 2 курса,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
e-mail: padretio2002@mail.ru

ПРАВА НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ФАНАТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена комплексному исследованию правового статуса произведений фанатского творчества в системе российского авторского права. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием этого масштабного социокультурного феномена в цифровую эпоху, который, с одной стороны, стал формой коллективного творчества и самовыражения миллионов поклонников, а с другой — вступил в системный конфликт с традиционными парадигмами интеллектуальной собственности. Автор отмечает, что существующее законодательство не содержит специального режима для регулирования данной области, что создает правовой вакуум и риски для создателей контента. В рамках исследования формулируется и детально обосновывается авторское определение понятия «произведение фанатского творчества», выделяются его ключевые критерии: объективная форма, творческий характер, специальный субъект (поклонник), некоммерческая цель создания и наличие охраняемых элементов оригинала. Центральное место в работе занимает анализ возможности применения к фанатскому творчеству режима свободного использования. Автор последовательно проверяет гипотезу на соответствие установленному п. 5 ст. 1229 ГК РФ «трехступенчатому тесту», аргументируя, что некоммерческое фанатское творчество не противоречит обычному использованию оригинала, а зачастую способствует поддержанию и росту его коммерческой ценности. На основе проведенного анализа разработаны и представлены конкретные предложения по совершенствованию гражданского законодательства Российской Федерации, а именно: внесение дефиниции в ст. 1260 ГК РФ и введение нового пункта в ст. 1274 ГК РФ, легализующего создание и использование произведений фанатского творчества без согласия правообладателя и выплаты вознаграждения. Данные меры направлены на устранение правовой неопределенности и установление справедливого баланса интересов между правообладателями и сообществом фанатов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фанатское творчество, авторское право, производное произведение, свободное использование, трехступенчатый тест, Гражданский кодекс РФ, правовое регулирование, цифровая культура, некоммерческое использование, баланс интересов.

SAVITSKIY Sergey Vadimovich,
2nd year Master's student,
National Research Tomsk State University

RIGHTS TO FAN-CREATED WORKS

ANNOTATION. This article provides a comprehensive study of the legal status of fan-created works within the framework of Russian copyright law. The relevance of the topic is driven by the rapid development of this large-scale sociocultural phenomenon in the digital age, which, on the one hand, has become a form of collective creativity and self-expression for millions of fans, and on the other hand, has entered into systemic conflict with traditional paradigms of intellectual property. The author notes that current legislation lacks a special regime for regulating this area, creating a legal vacuum and risks for content creators. As part of the study, the author formulates and substantiates a definition of the concept of «fan-created work,» identifying its key criteria: objective form, creative nature, specific subject (a fan), non-commercial purpose of creation, and the presence of protected elements of the original work. The central focus of the work is the analysis of the possibility of applying the regime of free use to fan creativity. The author sequentially tests the hypothesis for compliance with the «three-step test» established in clause 5 of Article 1229 of the Civil Code of the Russian Federation, arguing that non-commercial fan creativity does not conflict with the normal exploitation of the original work and often contributes to maintaining and even increasing its commercial value. Based

on the analysis, specific proposals for improving the civil legislation of the Russian Federation are developed and presented, namely: introducing a definition into Article 1260 of the Civil Code and adding a new clause to Article 1274 of the Civil Code, legalizing the creation and use of fan-created works without the copyright holder's consent and without remuneration. These measures aim to eliminate legal uncertainty and establish a fair balance of interests between copyright holders and the fan community.

KEY WORDS: fan creativity, copyright, derivative work, free use, three-step test, Civil Code of the Russian Federation, legal regulation, digital culture, non-commercial use, balance of interests.

В настоящее время активно развивается фанатское творчество, однако исследований, которые подробно анализировали бы данное явление с правовой точки зрения не так уж и много, в связи с чем, хотели бы устранить данный пробел и провести комплексный анализ прав на произведения фанатского творчества.

Современная цифровая эпоха, ознаменованная стремительным развитием информационно-телекоммуникационных технологий и глобализацией культурного пространства, породила уникальный и масштабный феномен — фанатское творчество. Из некогда маргинального увлечения небольших групп энтузиастов, выражавшегося в создании рукописных журналов — фэнзинов, оно трансформировалось в глобальное социокультурное движение. Такие платформы, как Archive of Our Own (AO3) [7] (насчитывающий миллионы произведений), DeviantArt [8], FanFiction.net [9], а также многочисленные сообщества в социальных сетях, стали местом, где миллионы пользователей со всего мира бесплатно создают и обмениваются производными произведениями, основанными на популярных медиапродуктах: от литературных произведений Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец» и Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер» до кинематографических вселенных Marvel и DC, аниме и видеоигр.

Этот культурный пласт не является однородным и проявляется в многообразных формах: это и фан-фикшн (продолжения, альтернативные развития сюжета), и фан-арт (изобразительные произведения с известными персонажами), и косплей (художественное перевоплощение в персонажей), и фанатские видео (музыкальные клипы, обзоры, анализ), и модификации для компьютерных игр, расширяющие их исходный контент. Подобная активность основана не на стремлении к извлечению прибыли, а на желании выразить преданность произведению автора оригинального произведения, творчески самореализоваться в рамках близкого культурного кода и укрепления социальных связей внутри сообщества поклонников чьего-либо творчества.

Однако бурное развитие этой новой формы творчества вступило в системный конфликт с традиционной парадигмой интеллектуальной собственности, сформировавшейся в аналоговую эпоху (монополистический характер исключительного права правообладателя). Подавляющее большинство объектов фанатского творчества по своей правовой природе являются производными произведениями, для создания которых,

согласно ст. 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), необходимо разрешение правообладателя. Поскольку такое разрешение фанатами, как правило, не получается, их деятельность *de jure* оказывается в правовом вакууме или, более того, в поле массового правонарушения [10].

В настоящее время в отечественной правовой доктрине и законодательстве отсутствует не только легальное определение произведения фанатского творчества, но и какой-либо специальный режим его использования. Существующие ограничения исключительного права, такие как свобода пародии или карикатуры (п. 4 ст. 1274 ГК РФ), охватывают лишь незначительную часть явления, поскольку фанатское творчество далеко не всегда преследует комические или сатирические цели. Это порождает правовую неопределенность, создает риски для самих создателей фанатского контента и, что важнее, нарушает баланс интересов между правообладателями оригинальных произведений и сообществом поклонников, чья деятельность зачастую способствует поддержанию и даже росту коммерческой ценности исходных медиапродуктов.

Для того, чтобы углубляться в исследование проблемы, поставленной в данном исследовании, необходимо определиться с терминами. В настоящее время в законодательстве и доктрине отсутствует сформулированное определение понятия «произведение фанатского творчества».

По нашему мнению, произведением фанатского творчества является результат творческой деятельности поклонника оригинального произведения, созданный не в коммерческих целях (не для извлечения прибыли) на основе и содержащий в себе охраняемые элементы [2, с. 85] первоначального произведения.

Данное определение содержит в себе критерии, которые позволяют отнести то или иное произведение к результату именно фанатского творчества. Разберем их подробно.

1) Объективная форма. Для того, чтобы подпадать под тот или иной правовой режим, результат интеллектуальной деятельности должен быть объективирован вовне (п. 3 ст. 1259 ГК РФ), с тем чтобы они могли восприниматься публикой через те или иные способы восприятия информации, например, для создания продолжения или предыстории киновселенной, необходимо написать сценарий, либо создать раскадровку. Данный критерий основан на устоявшейся в отечественном законодательстве и доктрине теории охраня-

емой формы и неохранный содержания [1, с. 190].

2) Творческий характер. Произведение фанатского творчества может быть признано таковым только в том случае, если оно создано творческим трудом, то есть не должно являться предметом простого копирования или компиляции [3, с. 59].

3) Специальный субъект творческой деятельности – поклонник оригинального произведения, то есть лицо, которое при создании своего произведения вдохновилось первоначальным произведением.

4) Цель создания произведения – исключительно некоммерческая, поскольку обратное нарушало бы баланс имущественных интересов автора произведения фанатского творчества и автора оригинального произведения;

5) Содержание произведения – наличие в нем охраняемых элементов первоначального произведения, например, использование персонажа оригинального произведения [3].

В настоящее время в отечественном законодательстве отсутствует режим свободного использования в отношении произведений фанатского творчества. Некоторые могут не согласиться с данной позицией, сославшись на п.4 ст.1274 ГК РФ, однако применительно к данной норме, для пародии и карикатуры свойственно достижение комического эффекта от таких производных произведений [5, с. 45], в то время как фанатское творчество не обязательно содержит в себе юмористический элемент.

На наш взгляд, для произведений фанатского творчества необходимо установить режим свободного использования (п.5 ст.1229, ст.1274 ГК РФ).

Данное предложение обусловлено тем, что развитие индустрии фанатского творчества плотно вошло в современное культурное пространство, в связи с чем необходимо дать правовое закрепление сложившимся отношениям.

Для того, чтобы установить режим свободного использования в отношении произведений фанатского творчества, необходимо, чтобы они проходили так называемый «трехступенчатый тест», имплементированный в п.5 ст.1229 ГК РФ из Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений.

Данный тест заключается в том, что режим свободного использования может устанавливаться при одновременном соблюдении следующих условий: во-первых, ограничение исключительно права должно быть закреплено законодательно с указанием на то, в каких целях установлено данное ограничение (например, в образовательных целях), во-вторых, свободное использование не должно противоречить обычному использованию произведения, то есть устанавливаемое ограничение не должно негативно сказываться на получении автором экономического эффекта

от распространения своего произведения, в-третьих, устанавливаемое ограничение не должно выходить за рамки разумного ограничения исключительного права правообладателя [6, с. 284-288].

Предлагаем разобраться с первым этапом. Его прохождение в рассматриваемом случае, подтверждается тем, что фанатское творчество является уникальным социо-культурным явлением, объединяющим вокруг себя миллионы людей, которые стремятся самореализоваться и выразить признание автору оригинального произведения путем продолжения его деятельности, выраженном в произведениях фанатского творчества. Подобное использование оригинального произведения не является чем-то обыденным, это именно тот случай, который одновременно способен удовлетворить как культурно-эстетические потребности поклонника, так и экономические интересы автора оригинального произведения, поскольку фанатское творчество так или иначе способствует аккумулярованию интереса публики вокруг произведений автора оригинала.

Второй этап требует также экономического анализа, поскольку публика фанатского творчества так или иначе неизбежно будет пересекаться с публикой оригинального произведения. Может ли сложиться ситуация, при которой создание и использование произведений фанатского творчества будет негативно отражаться на экономических интересах правообладателя оригинального произведения? На наш взгляд, учитывая приведенное выше определение для произведений фанатского творчества, конфликт между экономическими интересами правообладателя и свободным использованием произведений фанатского творчества отсутствует ввиду того, что произведение фанатского творчества имеет своей целью исключительно удовлетворение культурно-эстетических потребностей поклонника оригинального произведения, в то время как наличие цели извлечения прибыли от создания производного произведения автоматическим выводит произведение из-под определения произведения фанатского творчества.

Третий этап преодолевается произведениями фанатского творчества, на наш взгляд, постольку, поскольку ущемление законных интересов правообладателя оригинального произведения в данном случае противопоставляется уже сложившемуся массовому культурному явлению, которое считается нормой в обществе, и в конечном счете, развитие фанатского движения того или иного произведения позитивным образом сказывается на экономическом благосостоянии правообладателя, в связи с чем, ограничение монополии правообладателя, в части создания и использования произведений фанатского творчества, обоснованным образом ограничивают законные интересы правообладателя.

Для целей юридической техники, полагаем

необходимым внести комплексные изменения в ГК РФ, в виде дополнения п. 1 ст. 1260 ГК РФ абзацем 2 в следующей редакции: «Произведением фанатского творчества является результат творческой деятельности поклонника первоначального произведения, созданный не в коммерческих целях (без цели извлечения прибыли) на основе и содержащий в себе охраняемые элементы первоначального произведения», а также дополнить ст. 1274 ГК РФ пунктом 5 в следующей редакции: «Создание произведения фанатского творчества и использование такого

произведения допускается без согласия автора или иного обладателя исключительного права на оригинальное произведение и без выплаты ему вознаграждения».

Данные изменения, с одной стороны, закрепляют правовой режим произведений фанатского творчества, с другой стороны, устанавливают четкие критерии отнесения того или иного произведения именно к произведениям фанатского творчества, что позволит правоприменителю без труда применять предлагаемые изменения законодательства.

Список литературы:

- [1] Дозорцев В.А. *Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации*: Сб. статей. М.: Статут, 2003. 416 с.
- [2] Копылов А. Ю. Охраняемые и неохраняемые элементы произведения // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. №2. С. 76-87.
- [3] Копылов А. Ю. *Персонаж художественного произведения как объект авторских прав: монография* / А.Ю. Копылов. – М.: Юстицинформ, 2023. – 180 с.
- [4] Копылов А.Ю. Творчество как условие охраноспособности произведения // *Имущественные отношения в РФ*. 2019. №12. С. 56-62.
- [5] Шостак, И. Проблемы правового регулирования пародий и карикатур / И. Шостак // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. – 2019. – № 11. С. 43-50.
- [6] Mihaly Ficsor. *The Law of Copyright and the Internet: the 1996 WIPO Treaties, their Interpretation and Implementation*. Oxford University Press, 2002. 846 p.
- [7] Archive of Our Own. URL: <https://archiveofourown.org/> (дата обращения 20.01.2026).
- [8] DeviantArt. URL: <https://www.deviantart.com/> (дата обращения 20.01.2026).
- [9] FanFiction.net. URL: <http://fanfiction.net/> (дата обращения 20.01.2026).
- [10] Warner Bros. Entertainment Inc. v. RDR Books. // *Casebriefsco.com*. URL: <https://casebriefsco.com/casebrief/warner-bros-entertainment-inc-v-rdr-books> (дата обращения 20.01.2026).

References:

- [1] V.A. Dozortsev. *Intellectual Property Rights: Concept. System. Codification Tasks: Collection of Articles*. Moscow: Statut, 2003. 416 p.
- [2] A.Yu. Kopylov. *Protected and Unprotected Elements of a Work* // *Current Issues of Russian Law*. 2021. No. 2. pp. 76-87.
- [3] A.Yu. Kopylov. *Characters in Works of Art as Objects of Copyright: Monograph* / A.Yu. Kopylov. – Moscow: Yustitsinform, 2023. – 180 p.
- [4] A.Yu. Kopylov. *Creativity as a Condition for the Protectability of a Work* // *Property Relations in the Russian Federation*. 2019. No. 12. pp. 56-62.
- [5] Shostak, I. *Problems of Legal Regulation of Parodies and Caricatures* / I. Shostak // *Intellectual Property. Copyright and Related Rights*. – 2019. – No. 11. Pp. 43-50.
- [6] Mihaly Ficsor. *The Law of Copyright and the Internet: the 1996 WIPO Treaties, their Interpretation and Implementation*. Oxford University Press, 2002. 846 p.
- [7] Archive of Our Own. URL: <https://archiveofourown.org/> (date of access 01/20/2026).
- [8] DeviantArt. URL: <https://www.deviantart.com/> (date of access 01/20/2026).
- [9] FanFiction.net. URL: <http://fanfiction.net/> (date of access 01/20/2026).
- [10] Warner Bros. Entertainment Inc. v. RDR Books. // *Casebriefsco.com*. URL: <https://casebriefsco.com/casebrief/warner-bros-entertainment-inc-v-rdr-books> (accessed 20.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-2-54-57

ЧЕРКАШИНА Наталья Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт Деловой Карьеры, г. Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ШАРАПОВА Диана Дмитриевна,
магистрант, Институт Деловой Карьеры,
г. Москва Россия,
e-mail: di.t98@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются теоретические и практические аспекты судебного доказывания и доказательств в гражданском процессе Российской Федерации. Рассматриваются понятие и структура судебного доказывания, анализируется система средств доказывания, закреплённых в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации. Особое внимание уделяется проблемам распределения бремени доказывания между сторонами спора и перспективам законодательного совершенствования института раскрытия доказательств. На основе анализа нормативных актов, научной литературы и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации формулируются предложения по повышению эффективности доказательственной деятельности участников гражданского судопроизводства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебное доказывание, доказательства, гражданский процесс, бремя доказывания, средства доказывания, допустимость доказательств, состязательность.

CHERKASHINA Natalia Valerievna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Institute of Business Career, Moscow, Russia

SHARAPOVA Diana Dmitrievna,
Master's Student, Institute of Business Career,
Moscow, Russia

FEATURES OF JUDICIAL PROOF AND EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS

ANNOTATION. The article examines theoretical and practical aspects of judicial proof and evidence in civil proceedings of the Russian Federation. It considers the concept and structure of judicial proof, analyzes the system of means of evidence established in the Civil Procedure Code of the Russian Federation. Special attention is paid to problems of distributing the burden of proof between parties and prospects of legislative improvement of the institution of evidence disclosure. Based on the analysis of normative acts, academic literature and legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, proposals are formulated to enhance the effectiveness of evidentiary activities of participants in civil proceedings.

KEY WORDS: judicial proof, evidence, civil procedure, burden of proof, means of evidence, admissibility of evidence, adversarial principle.

Институт судебного доказывания занимает центральное место в системе гражданского процессуального права, поскольку именно посредством доказывания суд устанавливает фактические обстоятельства дела и выносит законное и обоснованное решение. В условиях возрастающего числа гражданских споров, усложнения их предмета и

активного внедрения цифровых технологий в судопроизводство вопросы доказывания приобретают особую практическую значимость [4, с. 12]. Современная судебная практика демонстрирует потребность в адаптации традиционных процессуальных институтов к новым условиям информационного общества.

Несмотря на то что глава 6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) озаглавлена «Доказательства и доказывание», законодатель не закрепил легального определения судебного доказывания, ограничившись регулированием отдельных его элементов [2]. Данное обстоятельство порождает дискуссии в научном сообществе относительно содержания и границ указанного понятия. Цель настоящей статьи заключается в исследовании особенностей судебного доказывания и доказательств в гражданском процессе, выявлении существующих проблем и формулировании предложений по совершенствованию правового регулирования.

Судебное доказывание представляет собой урегулированную нормами процессуального права деятельность суда и лиц, участвующих в деле, направленную на установление фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения гражданского дела. Как справедливо отмечает И.В. Решетникова, доказывание пронизывает весь гражданский процесс: на каждой стадии производства, при реализации любого процессуального института присутствует доказывание в том или ином объёме [4, с. 15]. Данная характеристика позволяет рассматривать доказывание не как локальный институт, а как сквозную категорию гражданского судопроизводства.

Статья 55 ГПК РФ определяет доказательства как полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела [2]. Законодатель акцентирует внимание на информационной природе доказательств, связывая их с процессуальной формой получения. Указанное определение позволяет разграничить доказательства в процессуальном смысле и иные сведения, полученные с нарушением установленного порядка: последние не могут быть положены в основу судебного решения, что выступает важнейшей гарантией законности судопроизводства.

Структура доказывания традиционно включает несколько взаимосвязанных этапов: определение предмета доказывания, собирание (представление и истребование) доказательств, их исследование в судебном заседании и оценку [3, с. 201]. Предмет доказывания составляют юридические факты, которые суд обязан установить для правильного разрешения дела. Согласно части 2 статьи 56 ГПК РФ, именно суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела и какой стороне надлежит их доказывать, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались [2].

Е.А. Нахова подчёркивает, что предмет доказывания обладает рядом характеристик, которые уникальны для каждого конкретного случая: он может изменяться в ходе судебного разбирательства и играет определяющую роль в формировании итогово-

вого судебного акта [9]. Суд не является пассивным наблюдателем доказательственной деятельности сторон, а выполняет активную координирующую функцию. Конституционный Суд Российской Федерации последовательно указывает, что оценка доказательств относится к исключительной компетенции суда, однако судебные органы обязаны руководствоваться только законом и не допускать произвольного подхода к оценке обстоятельств дела [1].

С.А. Курочкин обращает внимание на проблему эффективности доказывания, отмечая, что целый ряд процессуальных норм формирует стимулы для сторон к максимально активному участию в доказательственной деятельности и заблаговременному раскрытию доказательств в суде первой инстанции [8]. Вместе с тем на практике указанные стимулы не всегда обеспечивают достижение целей доказывания, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования процессуальных механизмов.

Гражданский процессуальный кодекс устанавливает закрытый перечень средств доказывания, к которым относятся: объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные доказательства, вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов [2]. Каждое из перечисленных средств обладает спецификой процессуального режима получения и исследования, что обусловлено характером содержащейся в нём информации. Закрытость данного перечня призвана обеспечить надёжность процесса установления фактических обстоятельств дела, однако одновременно создаёт определённые сложности в квалификации новых источников информации, появляющихся вследствие развития цифровых технологий.

Законодательство предъявляет к доказательствам ряд требований, соблюдение которых является обязательным условием их использования в процессе. Относимость доказательств (статья 59 ГПК РФ) предполагает их связь с обстоятельствами, подлежащими установлению по конкретному делу. Допустимость (статья 60 ГПК РФ) означает, что определённые обстоятельства могут подтверждаться только строго определёнными средствами доказывания. Помимо этого, суд оценивает достоверность и достаточность представленных доказательств в их совокупности [5, с. 47].

Существенное практическое значение приобретает институт судебной экспертизы, предусмотренный статьёй 79 ГПК РФ. При возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний, суд назначает экспертизу. С августа 2024 года действует правило, согласно которому экспертиза по ходатайству участника дела назначается только после внесения им денежных средств на специальный счёт суда [2]. Данное нововведение призвано повысить ответственность лиц, заявляющих ходатайства о проведении экспертизы, и исключить случаи необоснованного затягивания процесса.

Отдельного внимания заслуживает проблематика использования электронных (цифровых) доказательств. В условиях повсеместной цифровизации общественных отношений скриншоты, электронная переписка, сообщения в мессенджерах всё чаще представляются в суд для подтверждения юридически значимых фактов [7]. Между тем ГПК РФ содержит закрытый перечень средств доказывания, что создаёт трудности в квалификации электронных доказательств: их можно отнести как к письменным, так и к вещественным доказательствам в зависимости от характера содержащейся информации.

Ключевой проблемой электронных доказательств остаётся подтверждение их подлинности и достоверности. Нотариальное заверение интернет-страниц посредством протокола осмотра является наиболее надёжным способом фиксации электронной информации, однако на практике стороны далеко не всегда прибегают к данной процедуре заблаговременно [9]. В связи с этим в научной литературе обсуждается целесообразность введения презумпции достоверности доказательств, зафиксированных в нотариальном протоколе осмотра интернет-страниц, что способствовало бы упорядочению использования цифровой информации в гражданском судопроизводстве.

Распределение бремени доказывания является одним из фундаментальных вопросов процессуального права. Статья 56 ГПК РФ закрепляет общее правило, согласно которому каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений [2]. Данная норма является проявлением принципа состязательности, закреплённого в статье 12 ГПК РФ и статье 123 Конституции Российской Федерации [1].

Вместе с тем из общего правила существуют исключения, связанные с действием доказательственных презумпций. Так, презумпция вины причинителя вреда (статья 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации) перераспределяет бремя доказывания, возлагая на ответчика обязанность доказать отсутствие своей вины. Аналогичным образом действуют презумпции в сфере защиты прав потребителей, трудовых отношений и иных правоотношений, где законодатель стремится компенсировать неравенство сторон в доступе к доказательствам [5, с. 112].

Статья 61 ГПК РФ устанавливает основания для освобождения от доказывания: общеизвестные факты и преюдициально установленные обстоятельства. Суд принимает значимые для процесса факты, которые установлены другим судом в рамках иного дела, пока они не опровергнуты. Признание преюдициального значения ранее вынесенных судебных решений позволяет избежать противоречий между актами правосудия и способствует правовой определённости [10].

Важной проблемой остаётся недостаточная урегулированность института раскрытия доказательств в гражданском процессе. М.А. Фокина справедливо

обращает внимание на то, что нормы о раскрытии доказательств в ГПК РФ структурно расположены в статье 56, посвящённой обязанности доказывания, что отражает фрагментарный подход законодателя к регулированию данного института [10]. В арбитражном процессе обязанность раскрытия доказательств регламентирована более детально (часть 3 статьи 65 АПК РФ), тогда как в гражданском процессе соответствующие нормы носят разрозненный характер.

А.А. Абрашин рассматривает раскрытие доказательств как самостоятельный элемент судебного доказывания, подчёркивая его значение для обеспечения состязательности и процессуальной добросовестности сторон [6]. По мнению исследователя, формирование целостного института раскрытия доказательств в гражданском процессе позволило бы повысить предсказуемость судебных разбирательств и сократить сроки рассмотрения дел.

Среди перспективных направлений совершенствования законодательства следует выделить несколько ключевых аспектов. Во-первых, представляется целесообразным закрепление в ГПК РФ самостоятельной статьи, посвящённой раскрытию доказательств, с установлением конкретных сроков и последствий несоблюдения данной обязанности. Во-вторых, развитие цифровых технологий требует расширения перечня средств доказывания с включением электронных доказательств в качестве самостоятельного вида либо чёткого определения их процессуального статуса в рамках существующей классификации. В-третьих, дальнейшее совершенствование электронного документооборота в судах общей юрисдикции способно повысить эффективность доказательственной деятельности в целом.

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов. Судебное доказывание представляет собой сложную процессуальную деятельность, включающую определение предмета доказывания, собирание, исследование и оценку доказательств. Отсутствие легального определения данного понятия в ГПК РФ не препятствует его практическому применению, однако создаёт предпосылки для неоднозначного толкования отдельных элементов доказывания.

Система средств доказывания, предусмотренная статьёй 55 ГПК РФ, нуждается в адаптации к условиям цифровой трансформации общественных отношений. Закрытый перечень средств доказывания затрудняет определение процессуального статуса электронных доказательств, что требует законодательного реагирования. Введение презумпции достоверности нотариально заверенных электронных доказательств способствовало бы упрощению их использования в судебном процессе и снижению нагрузки на суды, связанной с проверкой подлинности цифровой информации.

Распределение бремени доказывания, основанное на принципе состязательности, в целом обеспечивает баланс интересов сторон, однако институт раскрытия доказательств в гражданском процес-

се остаётся недостаточно урегулированным. Формирование самостоятельной нормативной основы раскрытия доказательств, включающей конкретные сроки и санкции за неисполнение соответствующей обязанности, представляется необходимым усло-

вием повышения качества правосудия по гражданским делам. Реализация высказанных предложений будет содействовать укреплению процессуальных гарантий участников судопроизводства и повышению авторитета судебной власти.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.03.2026).
- [2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. – № 46. – Ст. 4532.
- [3] Лебедев М.Ю. Гражданский процесс : учебник для вузов / М.Ю. Лебедев. – 11-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2022. – 439 с.
- [4] Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе : учеб.-практ. пособие для вузов / И.В. Решетникова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2022. – 388 с.
- [5] Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И.В. Решетниковой. – 8-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. – 512 с.
- [6] Абрашин А.А. Раскрытие доказательств как элемент судебного доказывания / А.А. Абрашин // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 4. – С. 156–178.
- [7] Затеева Д.А. Вопросы раскрытия доказательств с учётом принципа состязательности в гражданском судопроизводстве / Д.А. Затеева // Вестник науки. – 2023. – № 6. С. 161–166.
- [8] Курочкин С.А. Эффективность доказывания в гражданском процессе: общетеоретические и методологические аспекты / С.А. Курочкин // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 5. С. 349–385.
- [9] Нахова Е.А. Концептуальные аспекты учения о предмете доказывания в гражданском процессе / Е.А. Нахова // Вестник гражданского процесса. – 2023. – № 2. С. 131–157.
- [10] Фокина М.А. О некоторых вопросах установления юридических процессуальных фактов на стадиях пересмотра судебных актов в гражданском и арбитражном процессах / М.А. Фокина // Вестник гражданского процесса. – 2024. – № 1.

References:

- [1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 03.03.2026).
- [2] Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 15.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. - No. 46. - Art. 4532.
- [3] Lebedev M. Yu. Civil Procedure: textbook for universities / M. Yu. Lebedev. - 11th ed., revised. and add. – M.: Yurait, 2022. – 439 p.
- [4] Reshetnikova I.V. Proof in Civil Procedure: a textbook and practical manual for universities / I.V. Reshetnikova. – 7th edition, revised and expanded. – M.: Yurait, 2022. – 388 p.
- [5] Handbook of Evidence in Civil Proceedings / edited by I.V. Reshetnikova. – 8th edition, revised and expanded. – M.: Norma: INFRA-M, 2025. – 512 p.
- [6] Abrashin A.A. Disclosure of Evidence as an Element of Judicial Proof / A.A. Abrashin // Bulletin of Civil Procedure. – 2021. – No. 4. – P. 156–178.
- [7] Zateeva D. A. Issues of Disclosure of Evidence Taking into Account the Adversarial Principle in Civil Proceedings / D. A. Zateeva // Bulletin of Science. – 2023. – No. 6. P. 161–166.
- [8] Kurochkin S. A. Effectiveness of Proof in Civil Procedure: General Theoretical and Methodological Aspects / S. A. Kurochkin // Bulletin of Civil Procedure. – 2021. – No. 5. P. 349–385.
- [9] Nakhova E. A. Conceptual Aspects of the Doctrine of the Subject of Proof in Civil Procedure / E. A. Nakhova // Bulletin of Civil Procedure. – 2023. – No. 2. P. 131–157. [10] Fokina M.A. On some issues of establishing legal procedural facts at the stages of review of judicial acts in civil and arbitration proceedings / M.A. Fokina // Bulletin of Civil Procedure. - 2024. - No. 1. [7] Archive of Our Own. URL: <https://archiveofourown.org/> (date of access 01/20/2026).
- [8] DeviantArt. URL: <https://www.deviantart.com/> (date of access 01/20/2026).
- [9] FanFiction.net. URL: <http://fanfiction.net/> (date of access 01/20/2026).
- [10] Warner Bros. Entertainment Inc. v. RDR Books. // Casebriefsco.com. URL: <https://casebriefsco.com/casebrief/warner-bros-entertainment-inc-v-rdr-books> (accessed 20.01.2026).

ПОСОЛЕНИК Сергей Владимирович,
студент Крымского филиала ФГБОУ ВО
«РГУП имени В.М. Лебедева», г. Симферополь, Россия,
e-mail: mail@info@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ О ПРИЗНАНИИ НЕЗАКОННЫМИ РЕШЕНИЙ И ДЕЙСТВИЙ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА)

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются процессуальные особенности судебного доказывания по административным делам о признании незаконными решений и действий (бездействия) органов государственного контроля (надзора). Анализируется специфика распределения обязанностей по доказыванию, критерии оценки допустимости и достаточности доказательств, а также проблемы, возникающие в судебной практике при рассмотрении данной категории споров. Особое внимание уделяется роли презумпции добросовестности субъекта предпринимательства и принципу состязательности в условиях асимметрии процессуальных возможностей сторон.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: административное судопроизводство, доказывание, контроль (надзор), бремя доказывания, доказательства, незаконность решения, риск неблагоприятных последствий, презумпция добросовестности.

POSOLENIK Sergey Vladimirovich,
student, Crimean branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
«V.M. Lebedev Russian State University of Printing Arts»,
Simferopol, Russia

PECULIARITIES OF JUDICIAL PROOF IN ADMINISTRATIVE CASES ON RECOGNIZING DECISIONS AND ACTIONS OF STATE CONTROL (SUPERVISION) BODIES AS ILLEGAL

ANNOTATION. The article examines the procedural peculiarities of judicial proof in administrative cases on recognizing decisions and actions (inaction) of state control (supervision) bodies as illegal. The specifics of the distribution of the burden of proof, criteria for assessing the admissibility and sufficiency of evidence, as well as problems arising in judicial practice when considering this category of disputes are analyzed. Special attention is paid to the role of the presumption of good faith of the business entity and the principle of adversarial proceedings under conditions of asymmetry in the procedural capabilities of the parties.

KEY WORDS: administrative proceedings, proof, control (supervision), burden of proof, evidence, illegality of a decision, risk of adverse consequences, presumption of good faith.

Судебное доказывание по административным делам о признании незаконными решений и действий (бездействия) органов государственного контроля (надзора), рассматриваемым в порядке, установленном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ) [1], обладает существенной спецификой, обусловленной публично-правовым характером спорных отношений и неравным положением сторон в материальном праве. Данная категория дел, будучи одной из ключевых форм судебного контроля за деятельностью публичной администрации, требует особого подхода к определению предмета доказывания, распределению бремени доказывания и оценке представленных

доказательств.

Предмет доказывания по делам данной категории формируется на основе требований, заявленных административным истцом (субъектом, в отношении которого осуществлялись контрольные мероприятия), и возражений административного ответчика (контрольно-надзорного органа). В соответствии со статьей 62 КАС РФ, предмет доказывания включает в себя обстоятельства, обосновывающие требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения административного дела. При оспаривании решения органа контроля предметом доказывания являются законность

и обоснованность этого решения. Законность предполагает соответствие решения требованиям материального и процессуального права, включая соблюдение процедуры его вынесения. Обоснованность означает соответствие выводов органа фактическим обстоятельствам дела, установленным на основании полной и объективной доказательственной базы. При оспаривании действий (бездействия) предмет доказывания включает факт совершения (несовершения) конкретного действия, его правовую квалификацию и соответствие (несоответствие) закону или иному нормативному правовому акту.

Ключевой особенностью доказывания является специальное распределение бремени доказывания, установленное частью 3 статьи 62 КАС РФ. Обязанность доказывания законности оспариваемых ненормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) органов государственной власти возлагается на соответствующий орган.

Данная норма является прямым отражением принципа состязательности в публично-правовом споре и призвана компенсировать изначальную асимметрию в доступе к информации и ресурсам. Административный истец (проверяемое лицо) обязан доказать факт обращения к ответчику, наличие у него соответствующих полномочий, а также факт принятия оспариваемого решения или совершения действия (бездействия). После этого бремя доказывания законности и обоснованности своих действий полностью переходит на контрольно-надзорный орган.

Как отмечает А.Н. Пилипенко, «смещение бремени доказывания в пользу частного лица является гарантией эффективности судебной защиты от неправомерных действий публичной администрации, поскольку орган, принимавший решение, лучше всего осведомлен о мотивах и основаниях его принятия» [2].

Однако данное правило не является абсолютным. В судебной практике возникает вопрос о распределении бремени доказывания в части установления фактических обстоятельств, которые, по утверждению органа, свидетельствуют о нарушении обязательных требований. Согласно позиции, выраженной в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» [3], обязанность по доказыванию обстоятельств, послуживших основанием для принятия оспариваемого акта, возлагается на орган, его издавший. Применительно к решениям по контролю это означает, что орган должен представить суду доказательства, подтверждающие существование самого нарушения, его характер и степень опасности.

В противном случае его решение не может быть признано обоснованным. Тем не менее, административный истец заинтересован в активном

представлении доказательств, опровергающих выводы проверяющих, поскольку именно он несет риск наступления неблагоприятных последствий в случае недостаточности доказательств у ответчика, но убедительности его собственной позиции.

С.К. Загайнова справедливо указывает, что «субъект предпринимательства, оспаривающий предписание, должен быть процессуально активен, представляя доказательства своей добросовестности и соблюдения требований, чтобы повлиять на убеждение суда» [4].

Важнейшим элементом доказательственной деятельности является презумпция добросовестности субъекта предпринимательства, прямо закрепленная в статье 3 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [5]. Данная презумпция означает, что до тех пор, пока не доказано иное, предполагается, что хозяйствующий субъект действовал добросовестно, разумно и справедливо, соблюдая действующие правовые нормы. В контексте судебного доказывания это накладывает на контрольно-надзорный орган повышенные требования к качеству представляемых доказательств. Недостаточные, противоречивые или неясные доказательства, не опровергающие презумпцию добросовестности, должны трактоваться судом в пользу проверяемого лица.

И.А. Приходько подчеркивает, что «презумпция добросовестности не просто моральная категория, а юридический механизм, перераспределяющий риски процессуального неуспеха и требующий от органа власти безупречной аргументации» [6].

Особую сложность представляет оценка допустимости доказательств, представленных контрольно-надзорным органом. В соответствии со статьей 59 КАС РФ, доказательства, полученные с нарушением федерального закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда.

К числу наиболее распространенных нарушений, ведущих к недопустимости доказательств, относятся: проведение контрольных мероприятий с нарушением установленных процедур (например, без предъявления распоряжения или приказа о проведении проверки, с участием неаттестованных специалистов); отбор проб и образцов с несоблюдением правил, установленных техническими регламентами; оформление документов проверки (актов, протоколов) с существенными процессуальными нарушениями (отсутствие подписей, невнесение существенных замечаний проверяемого лица). Доказательства, полученные в ходе такой проверки, должны признаваться недопустимыми, а основанные на них решения – незаконными. Проблема, однако, заключается в том, что суды иногда рассматривают

отдельные процедурные нарушения как несущественные, если, по их мнению, они не повлияли на правильность выводов органа. Такой подход критикуется в научной литературе.

М.А. Рохлина отмечает, что «в публично-правовых отношениях, где процедура является гарантией прав, формальные требования имеют самоценное значение, и их нарушение должно влечь безусловную недействительность последующих решений» [7].

Достаточность доказательств – еще один проблемный аспект. Контрольно-надзорный орган должен представить суду систему взаимосвязанных и непротиворечивых доказательств, с достоверностью подтверждающих наличие события правонарушения, его юридический состав и виновность привлекаемого лица. Недостаточность доказательств выражается в их неконкретности, неопределенности, опоре на предположения или косвенные данные, не образующие прочной связи с выводами. Например, вывод о нарушении санитарных правил, сделанный только на основе визуального наблюдения без проведения лабораторных исследований проб, или вывод о несоответствии продукции требованиям технического регламента, основанный на экспертизе образца, отобранного не у производителя или продавца. Суд обязан оценить всю совокупность доказательств, по внутреннему убеждению, основанному на их непосредственном исследовании (статья 84 КАС РФ).

При этом, как указывает В.В. Ярков, «в административных делах, связанных с контролем, суд должен проявлять повышенную требовательность к логической связи между доказательствами и выводами органа, не подменяя его в оценке фактов, но и не допуская произвольных умозаключений» [8].

Значимые проблемы возникают при доказывании по делам об оспаривании бездействия органов контроля, которое может выражаться в неустранении нарушений, допущенных другими субъектами, или в неосуществлении контрольных функций в отношении третьих лиц, ущемляющих права заявителя.

В этом случае административный истец должен доказать:

- 1) наличие у органа публичной власти соответствующей обязанности действовать;
- 2) обращение к нему с требованием о совершении действий;
- 3) факт бездействия (непринятия мер в установленный срок).

Бремя доказывания правомерности бездействия (например, отсутствия полномочий, соблюдения установленных сроков) лежит на органе. Особую сложность представляет доказывание причинно-следственной связи между бездействием и наступившими негативными последствиями для заявителя.

Особенностью является также использование

специальных познаний в рамках судебного доказывания. По делам, требующим специальных знаний в области техники, технологии, медицины и т.д., суды часто назначают судебную экспертизу. Однако инициатива в ее назначении и формулировании вопросов эксперту может существенно влиять на исход дела. Орган контроля, представляя результаты собственной внесудебной проверки или экспертизы, пытается обосновать свою позицию. Административный истец вправе оспаривать эти выводы, ходатайствуя о назначении судебной экспертизы, в том числе повторной или дополнительной. Суд должен критически оценивать заключения, подготовленные в рамках ведомственных проверок, на предмет их объективности и независимости.

По мнению Д.А. Фурсова, «в условиях конфликта между заключением ведомственной экспертизы и заключением судебной эксперта, назначенной по ходатайству частного лица, приоритет должен отдаваться последнему как более отвечающему принципам процессуального равноправия и независимости» [9].

Еще одной характерной чертой является активная роль суда в доказывании по данной категории дел. Руководствуясь принципом официальности и стремясь к установлению объективной истины, суд в соответствии со статьей 63 КАС РФ вправе по своей инициативе истребовать доказательства от лиц, участвующих в деле, и иных лиц, а также назначать экспертизы. Эта полномочие особенно важно в условиях, когда доказательства находятся исключительно у органа власти или третьих лиц, а частный истец не имеет к ним доступа. Активная роль суда служит противовесом возможному злоупотреблению ответчиком своим доминирующим положением.

Таким образом, судебное доказывание по административным делам о признании незаконными решений и действий органов государственного контроля (надзора) представляет собой сложный процесс, балансирующий между принципами состязательности и официальности. Специальное распределение бремени доказывания в пользу частного лица, презумпция его добросовестности и строгие требования к допустимости доказательств со стороны органа власти являются необходимыми процессуальными гарантиями справедливого судебного разбирательства.

Тем не менее, сохраняются проблемы, связанные с неединообразным пониманием судами существенности процедурных нарушений, критериев достаточности доказательств и роли презумпции добросовестности. Устранение этих проблем требует как дальнейшего совершенствования законодательства, так и формирования единообразной правоприменительной практики высших судебных инстанций, основанной на приоритете защиты прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность.

Список литературы:

- [1] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
- [2] Пилипенко А.Н. Распределение бремени доказывания в административном судопроизводстве: теоретические и практические аспекты // Журнал административного судопроизводства. 2021. № 3. С. 109-117.
- [3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 4.
- [4] Загайнова С.К. Актуальные проблемы доказывания в административном судопроизводстве по делам, связанным с осуществлением государственного контроля // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 5. С. 43-48.
- [5] Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6249.
- [6] Приходько И.А. Презумпции и преюдиции в административном судопроизводстве России. М.: Статут, 2023. С. 89.
- [7] Рохлина М.А. Допустимость доказательств в административном процессе: проблемы теории и практики // Вестник гражданского процесса. 2022. № 6. С. 152-162.
- [8] Ярков В.В. Административное судопроизводство: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2022. С. 203.
- [9] Фурсов Д.А. Роль экспертизы в доказывании по административным делам публично-правового характера // Закон. 2023. № 1. С. 174-182.

References:

- [1] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of March 8, 2015, No. 21-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 10. Article 1391.
- [2] Pilipenko, A.N. Distribution of the Burden of Proof in Administrative Proceedings: Theoretical and Practical Aspects // Journal of Administrative Procedure. 2021. No. 3. pp. 109-117.
- [3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018, No. 50 «On the Practice of Considering Cases by Courts Contesting Regulatory Legal Acts and Acts Containing Clarifications of Legislation and Possessing Normative Properties» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 4.
- [4] Zagaynova, S.K. Current Issues of Evidence in Administrative Proceedings in Cases Related to the Implementation of State Control // Arbitration and Civil Procedure. 2022. No. 5. pp. 43-48.
- [5] Federal Law of 26.12.2008 No. 294-FZ «On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Implementation of State Control (Supervision) and Municipal Control» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 (Part I). Art. 6249.
- [6] Prihodko I.A. Presumptions and Prejudices in Administrative Proceedings in Russia. Moscow: Statut, 2023. p. 89.
- [7] Rokhlina M.A. Admissibility of Evidence in Administrative Proceedings: Theoretical and Practical Issues // Bulletin of Civil Procedure. 2022. No. 6. Pp. 152-162.
- [8] Yarkov V.V. Administrative Procedure: Textbook for Universities. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Statut, 2022. Pp. 203.
- [9] Fursov D.A. The Role of Expertise in Evidence in Administrative Cases of a Public Law Nature // Law. 2023. No. 1. Pp. 174-182.

БАЛАГУРОВСКАЯ Марина Михайловна,
студент магистратуры,
Автономная некоммерческая организация высшего образования
Московский университет «Синергия»
e-mail: mail@law-books.ru

«МЕТОДЫ ПРЕДПРИИМЧИВОСТИ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ СОСТЯЗАНИЕ СТОРОН В ГРАЖДАНСКОМ ДЕЛЕ: СУД ПЕРВИЧНОЙ ИНСТАНЦИИ, ВЕРХОВНЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ И КАССАЦИОННЫЙ СУД» В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

АННОТАЦИЯ. В представленной статье автор проводит исследования и тем самым показывает все детали судопроизводства, его особую важность и честность правопорядка и всех участников. Особое внимание уделяется авторскому праву об изображении Герб; Положению о Гербе муниципального образования «Город Волжск» Республики Марий Эл, которое утверждено Собранием депутатов городского округа «Город Волжск». Употребление его применимо в соответствии с правилами геральдики и служит символом местного самоуправления и муниципального статуса на основании Устава муниципального образования «Город Волжск» Республики Марий Эл. Авторами Герб являются Вадим Геннадьевич Беседин и Измаил Варсонофьевич Ефимов, а не депутаты, которые по своему желанию располагают Герб города без разрешения на своем агитационном листе в предвыборный период.

Он рассказывает о защите чести и достоинства, компенсации причиненного морального вреда действующему депутату в период седьмого созыва в предвыборный период агитации новым кандидатом в депутаты городского округа «Город Волжск». Автор описывает то, что директор МОУ «Волжского городского лицея» и она же кандидат в депутаты ведет себя несоответствующим образом своему занимаемому статусу, если она нарушает права и идет в разрез решения Собрания о Гербе муниципального образования «Город Волжск» Республики Марий Эл; правила 131-ФЗ статья 40 «Об общих принципах».

Он пытается донести до судопроизводства, что не удалось действующему депутату на всех доказуемых фактах доказать правоту свою в 99.9 процентов в суде. Исходя, из этого сделал вывод в своих длительных исследованиях, пройдя, три этапа гражданского судопроизводства и пришел, к выводу, что нет места тем гражданам в депутатах, которые не могут показать свои заслуги, а идут по голове других, пользуясь заслугами и работами действующего депутата, который вложил пятилетний свой труд в эту реализацию. Так создает карьеру и получает успех. Такой человек не достоин быть в роли Депутата.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судопроизводство, исковое заявление, участники судопроизводства, решение Собрания депутатов о применении Герб города, кассационное определение.

BALAGUROVSKAYA Marina Mikhailovna,
Master's Student,
Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education
Moscow University »Synergy»

«METHODS OF ENTREPRENEURSHIP AND PROCEDURAL COMPETITION OF THE PARTIES IN A CIVIL CASE: THE PRIMARY COURT, THE SUPREME COURT OF THE REPUBLIC OF MARI EL, AND THE COURT OF CASSATION» IN RESEARCH WORK

ANNOTATION. In this article, the author conducts research, thereby demonstrating all the details of legal proceedings, their special importance, and the integrity of the legal system and all participants. Particular attention is given to the copyright of the Coat of Arms and the Regulations on the Coat of Arms of the Municipal Formation «City of Volzhsk» of the Republic of Mari El, which was approved by the Assembly of Deputies of the Urban District of «City of Volzhsk.» Its use is applicable in accordance with the rules of heraldry and serves as a symbol of local self-government and municipal status based on the Charter of

the Municipal Formation «City of Volzhsk» of the Republic of Mari El. The authors of the Coat of Arms are Vadim Gennadyevich Besedin and Izmail Varsonofyevich Efimov, not the deputies who voluntarily display the city's Coat of Arms on their campaign leaflets without permission during the election period. He discusses the protection of honor and dignity, as well as compensation for moral damages suffered by an incumbent deputy during the seventh convocation, during the campaigning period for a new candidate for deputy of the Volzhsk urban district. The author describes how the director of the Volzhsk City Lyceum, who is also a candidate for deputy, behaves in a manner inappropriate for her position, violating rights and contravening the Assembly's resolution «On the Coat of Arms of the Volzhsk Municipal Formation of the Republic of Mari El» and Article 40 of Federal Law No. 131 «On General Principles.» He attempts to convey to the court that the incumbent deputy failed to prove his case 99.9 percent of the time, using all provable facts. Based on this, I concluded in my extensive research, having gone through three stages of civil litigation, that there is no place for those citizens in parliament who cannot demonstrate their own merits, but rather follow others, exploiting the achievements and work of a sitting deputy who has invested five years of their time into this. This is how they build a career and achieve success. Such a person is not worthy of being a deputy.

KEY WORDS: legal proceedings, statement of claim, participants in legal proceedings, decision of the Assembly of Deputies on the application of the city coat of arms, cassation ruling.

Внаучно-исследовательской работе матери-
ал подобран согласно занимаемого депута-
тского статуса, на базе общественной деятель-
ности и опыта практического. Основывается на
важности и добропорядочности, справедливости
публичных людей, стратегии и результате.

На протяжении пятилетней работы, период с
8 сентября 2019 года по 8 сентября 2024 года, на
депутатском поприще человек сталкивается с не-
справедливостью в гражданском судопроизвод-
стве, включающем этапы инстанций различного
уровня судопроизводства. В место справедливо-
сти решения проблемы получается поверхност-
ная стандартная статистика.

В депутатской деятельности, седьмой созыв,
по окончании срока, выходит непредсказуемый
и в то же время предсказуемый факт такой, ког-
да новый кандидат в депутаты городского округа
«Город Волжск» на Грибоедовском округе, стре-
мительно пытается достичь высокой планки на
пороге, когда действующий депутат, вновь бал-
лотируется после огромного труда на новый срок
восьмого созыва.

Цель и суть научно-исследовательской рабо-
ты - достичь результатов в правосудии на дока-
зуемых фактах действующего депутата седьмого
созыва местного уровня самоуправления и кан-
дидата в депутаты в этом же лице на новый срок
восьмого созыва, документах и собранных видео-
материалах и публикациях в газетах, заявлениях
свидетеля.

Ставились задачи пройти все инстанции судопроизводства.

Исследования и наблюдения показали, что
кандидат в депутаты в судопроизводстве наруши-
ла права, присвоила две общественные работы
действующего депутата себе, отрицала сотрудни-
чество.

Материалы дела не изучены, так как требова-
лось. Это принесло кому то успех, а кому то огор-
чение. В итоге, вторая сторона, ответчик, стала
8 сентября 2024 года Депутат Грибоедовского
округа в городе Волжске, несправедливость вос-
торжествовала.

С «31» июля 2024 г. в 14 мин 15 часов стало из-
вестно, что работы Депутата Собрания депутатов
городского округа «Город Волжск» были присво-
ены другим человеком и выдает он их, как за свой
вклад. А именно, это работа по дороге вдоль МОУ
«ВГЛ» с пешеходной зоной, дорожными знаками и
лежащим полицейским.

Активно публикуются в социальных сетях ре-
зультаты и текущие работы, за период 2019-2024
г.г. действующего Депутата Собрания Депутатов
городского округа «Город Волжск», новым канди-
датом в Депутаты. В предвыборной агитации.

8 августа 2024 года в 17 мин. 14 часов предста-
вила ремонтные работы по мусорной площадке
под контейнеры в социальных сетях. Описывает
так, что к ней обращались жители дома по улице.
Маяковского 3 и по улице. Щербакова 20. Данная
ситуация становилась похожей на фантастику с
участием выдуманных персонажей. Действующий
депутат пыталась дать понять директору школы
МОУ «ВГЛ», что это не так. Нужно прекратить
этот нечестный вариант агитации, но этот новый
кандидат стремительно продолжала идти к своей
цели.

15.08.2024 года на собрании с жителями на
пересечении улиц Грибоедова и Щербакова 4б
по Грибоедовскому округу в присутствии пред-
ставителей управляющей компании ООО «Центр»
и Главы администрации, Главы города и множе-
ства других людей, заявила: «Я и администрация в
период Депутатской многолетней работы другого
человека, сделали дорогу по улице Маяковского
9». То есть этот человек утверждает, что истин-
ный человек, который трудился пять лет по их
словам здесь безучастен. Действующий Депутат
была огорчена поведением знакомого человека
и вынуждена пойти к прокурору города Волжска.
Вот так она представляет жителям на улице чужие
работы. Ввела жителей данного округа в заблу-
ждение и таким образом, эта мадам. кардинально
отводит их взгляд и понимание от реальной дей-
ствительности Депутата, тем самым привлекает
внимание жителей к себе самой. Это является ее
недостойным поведением в отношении Депутата и

ее работ. Распространенные ответчиком сведения задела честь и достоинство депутата, поскольку это уважаемый, многогранный, отзывчивый человек - действующий Депутат Собрания депутатов городского округа «Город Волжск». Это уровень местного самоуправления и такое отношение неуважительное порочило имя действующего депутата. Человека с рационализаторскими предложениями в своем статусе.

Действующий депутат оказывала школе спонсорскую помощь. Предоставляла кожаные диваны, линолеум в их музей, который до сих пор не видела, каким он стал после ремонта. Закупила мячи в спортивный зал, краску, привлекла денежные средства от ЗАО «Ариада» для внутреннего ремонта в фая, а именно, установочных входных систем. Тем самым проявляла к этому новому кандидату. Глубочайшее уважение и отзывчивость. Пыталась помочь решить вопрос с ограждением школы, как директору МОУ «ВГЛ». В знак благодарности ни разу своего депутата, ответчик, официально не пригласила на мероприятия в школу. За пять лет после всего, вышесказанного, у нее не возникло желания пригласить ее на школьное торжество.

В своей статье автор показывает несправедливость и глубину переживания. Как они сказываются на здоровье, а также это затрудняет работу. Ее действия негативно влияют на созданный авторитет, приходится переубеждать избирателей. Занижает деловую репутацию действующего Депутата. Называется это умышленный и преднамеренный подрыв репутации. Кроме того, люди, относящиеся к МОУ «ВГЛ» срывают агитационный материал, наклеивают сверху свой. Вынимают его из почтовых ящиков и кладут свой. Выставляют фотографии в публичных сообществах и обсуждают внешность. Заниматься всем этим - это недостойно и не по уровню занимаемой должности.

В статье автор описывает ситуацию несправедливости и решение суда неудовлетворительное в отношении истца. И как сложно это все было пережить главному герою статьи, пострадавшей стороне. Распространив несоответствующие действительности сведения, порочащие честь и достоинство, новый кандидат в Депутаты нарушила личные неимущественные права.

Главный герой, как пострадавшая сторона, описывает в кассационной жалобе на решение Волжского городского суда от 03.09.2024 года № 2а-1453/2024 и апелляционное определение Верховного суда Республики Марий Эл

от 07.09.2024 года проблему и показывает читателям свой изложенный материал от первого лица, он хочет донести до читателей свое фактическое правосудие:

Мною было подано административное исковое заявление в Волжский городской суд Республики Марий Эл к Волжской городской терри-

ториальной избирательной комиссии об отмене регистрации кандидата в депутаты Собрания депутатов городского округа «Город Волжск», восьмого созыва по Грибоедовскому одномандатному избирательному округу № 15, ответчика, от 22 июля 2024 года за № 139/513.

Решением Волжского городского суда Республики Марий Эл от 03.09.2024 г. по делу № 2а-1453/2024 в удовлетворении административного искового заявления отказано по следующим основаниям:

Нарушений законодательства, влекущих отмену регистрации кандидата в депутаты Собрания депутатов городского округа «Город Волжск» восьмого созыва по Грибоедовскому одномандатному избирательному округу № 15 ответчиком допущено не было. Установлено, что административным истцом пропущен срок обращения в суд с административным исковым заявлением об отмене регистрации кандидата в депутаты, что явилось самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении административного искового заявления.

Не согласившись с Решением Волжского городского суда Республики Марий Эл, 06.09.2024 г. я подала апелляционную жалобу в Верховный Суд Республики Марий Эл, в которой просила решение суда первой инстанции изменить, удовлетворив мои требования в полном объеме.

Апелляционным определением от 07.09.2024 г. по делу № 2а-1453/2024 Решение Волжского городского суда Республики Марий Эл от 03.09.2024 г. оставлено без изменения, апелляционная жалоба – без удовлетворения по следующим основаниям:

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Республики Марий Эл, полностью соглашаясь с выводами суда первой инстанции, указывает, что использование в агитационном печатном материале кандидата в депутаты Собрания депутатов городского округа «Город Волжск» восьмого созыва по Грибоедовскому одномандатному избирательному округу № 15 ответчика. Герба г. Волжска Республики Марий Эл не является нарушением законодательства Российской Федерации об интеллектуальной собственности, поскольку официальные символы не являются объектами авторского права. Правилами Положения «О гербе муниципального образования «Город Волжск» Республики Марий Эл не установлен запрет на использование изображения герба г. Волжска Республики Марий Эл в рамках предвыборной агитации и выборы проходят в Собрание депутатов городского округа «Город Волжск».

Я считаю, решение Волжского городского суда Республики Марий Эл от 03.09.2024 г. и Апелляционное определение Верховного суда Республики Марий Эл от 07.09.2024 г. по делу № 2а-1453/2024 незаконными и необоснованными по следующим обстоятельствам:

1) Кандидат в депутаты, ответчик, в своем агитационном материале, использовала Герб Города Волжска, Республики Марий Эл, что противоречит Положению «О Гербе муниципального образования «Город Волжск» Республики Марий Эл, приложение № 3 к решению Волжского Городского Собрания «О Гербе муниципального образования «Город Волжск» Республики Марий Эл от 10.10.2002 года № 143.

В использовании Герба муниципального образования «Город Волжск» Республики Марий Эл усматривается также нарушение Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Так, согласно пп. 2 п. 1 ст. 44 данного закона, перечень вопросов местного значения должен определяться Уставом муниципального образования. Также в соответствии с п. 2 ст. 44 вышеназванного закона, Уставом муниципального образования регулируются иные вопросы организации местного самоуправления в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

На основании ст. 3 Устава городского округа «Город Волжск» Республики Марий Эл от 30.06.2005 г. № 89, городской округ в соответствии с федеральным законодательством и геральдическими правилами имеет официальные символы (герб, флаг и гимн), отражающие исторические, культурные, национальные и иные местные традиции, утверждаемые Собранием депутатов городского округа и подлежащие государственной регистрации в порядке, установленном федеральным законодательством. Порядок использования официальных символов устанавливается Положением, утверждаемым Собранием депутатов городского округа.

Согласно п. 10 Положения, допускается использование изображения Герба муниципального образования «Город Волжск» Республики Марий Эл в следующих случаях:

- в качестве праздничного оформления города в дни торжеств и официальных мероприятий;
- на личных бланках, визитных карточках **депутатов (а не кандидатов в депутаты)** Волжского городского Собрания, руководителей органов представительной и исполнительной власти города;
- в официальной представительской продукции;
- на транспортных средствах, являющихся муниципальной собственностью;
- на форме спортивных команд и отдельных спортсменов, защищающих честь города Волжска;
- на памятных медалях города Волжска.

Из п. 11 Положения следует, что порядок использования изображения Герба муниципального образования «Город Волжск» Республики Марий Эл в случаях, не предусмотренных Положением,

устанавливается решениями Волжского городского Собрания.

2) На основании п. 1.1. ст. 56 Федерального закона от 12.06.2022 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» **при проведении предвыборной агитации**, агитации по вопросам референдума также **не допускается злоупотребление свободой массовой информации** в иных, чем указанные в пункте 1 настоящей статьи, формах. Запрещается агитация, нарушающая законодательство Российской Федерации об интеллектуальной собственности.

Ответчиком, как кандидатом в депутаты **нарушена данная норма закона.**

Ответчик злоупотребляла свободой массовой информации при проведении предвыборной агитации, размещая в сети «Интернет», в социальной сети «ВКонтакте» на своей странице **ложную информацию**, присваивала выполненные и текущие работы, которые были мной достигнуты в процессе моей работы в должности действующего депутата, а именно: ремонт дороги вдоль МОУ «ВГЛ» по ул. Маяковского, 9 г. Волжска Республики Марий Эл и мусорной площадки на пересечении улиц Щербакова 20 и Маяковского, 3 г. Волжска, Республики Марий Эл. Также эта ложная информация была озвучена ответчиком в публичных выступлениях на общественных собраниях, и иным лицам.

Тем самым, избиратели получили недостоверную информацию, ЧТО МОГЛО ПОВЛИЯТЬ НА ИХ ВЫБОР.

Также полагаю необходимым довести до сведения суда, что в настоящее время все нарушения в отношении ответчика. (далее дело по ответчику.) находятся на рассмотрении в прокуратуре, в следственном отделе и в суде. (доказательства прилагаются).

Кандидатом в депутаты в процессе агитационной работы велась политическая дискредитация в отношении на тот момент действующего Депутата. (меня), что опорочило мою честь и достоинство, при занимаемом статусе Депутата городского округа «Город Волжск». Своими действиями ответчик проявляла ко мне неуважение в своих информационных постах и на публичных выступлениях, тем самым нарушая мои права, унижая меня в лице народа, занижая мой наработанный авторитет, пороча мою деловую репутацию.

Администратор «Подслушано в Волжске» публично в СМИ в поддержку кандидата, ответчика, **критикуя мою внешность**, при моем должностном статусе, во время исполнения мной моих должностных обязанностей как депутата, с участием в социальной сети «ВКонтакте» Виктории Соколовой опубликовал пост. Пост был опубликован 01.09.2024 г. в 12 ч. 58 мин. Этот пост был направлен на дискриминацию, является оскорблением меня, и нарушает мои права. И все это было сделано в рамках агитационной деятельности.

Я полагаю, что по заводам округа, в учреждениях здравоохранения и образования, особенно на школьных собраниях с родителями и с работниками школы велась работа - за какого кандидата проголосовать на выборах. Есть информация о том, что Учителем 7 школы МОУ «ВГЛ» Светланой Владимировной, преподавателем начальных классов велась деятельность по заклеиванию агитационных материалов, ответчика. поверх агитационных материалов истца, что также нарушает мои права и п. 1.1. ст. 56 Федерального закона от 12.06.2022 № 67-ФЗ.

Вместе с тем, ответчик, выставила агитационный материал в социальной сети «ВКонтакте» на своей странице раньше официальной даты выпуска агитационного материала.

Возможно, в результате таких незаконных действий, ответчик, стала избранным Депутатом.

На основании пп. а п. 7 ст. 76 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», **регистрация кандидата может быть отменена судом** по заявлению зарегистрировавшей кандидата избирательной комиссии, кандидата, зарегистрированного по тому же избирательному округу, в случае:

- вновь открывшихся обстоятельств, являющихся основанием для отказа в регистрации кандидата, предусмотренным подпунктом «а», «б», «е», «з», «и», «к», «л» или «о» пункта 24 статьи 38 настоящего Федерального закона. При этом вновь открывшимися считаются те обстоятельства, которые существовали на момент принятия решения о регистрации кандидата, но не были и не могли быть известны избирательной комиссии, зарегистрировавшей кандидата.

В данном случае считаю применимым пп. «к» п. 24 ст. 38, в котором указано следующее:

Основанием для отказа в регистрации кандидата является установленный решением суда **факт несоблюдения кандидатом в течение агитационного периода ограничений, предусмотренных пунктом 1 или 1.1 статьи 56 настоящего Федерального закона.**

3) Избирательная комиссия, как заинтересованное лицо на выборах проявило бездействие. В связи, с чем по уважительной причине я не успела подать иск в Волжский городской суд об отмене регистрации кандидата в депутаты Собрания депутатов городского округа «Город Волжск» восьмого созыва по Грибоедовскому одномандатному избирательному округу № 15 ответчика от 22.07.2024 г. за № 139/513, в установленный законом срок. Избирательная комиссия нарушила закон и тем самым допустила, что кандидат(ответчик) прошла на выборы с нарушением действующего законодательства.

07.09.2024 года была рассмотрена апелляционная жалоба, однако несмотря на достаточно продолжительное судебное заседание, и основа-

тельные пояснения и разъяснения, в нарушении статьи 310 КАС РФ, в частности пп. 1,2,3,4 п. 2, пп. 1,3,4 п. 3. Основаниями для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке являются:

1) неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для административного дела;

2) недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для административного дела;

3) несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам административного дела;

4) нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права.

3. Неправильным применением норм материального права являются:

1) неприменение закона, подлежащего применению;

2) применение закона, не подлежащего применению;

3) неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовой позиции, содержащейся в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Верховного Суда Российской Федерации.

4. Нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции, если это нарушение или неправильное применение привело к принятию неправильного решения.

5. Правильное, по существу, решение суда первой инстанции не может быть отменено по формальным соображениям.

В соответствии со ст. 318 КАС РФ,

1. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, вступившие в законную силу судебные акты могут быть обжалованы в порядке, установленном настоящей главой, в суд кассационной инстанции лицами, участвующими в деле, и другими лицами, если их права, свободы и законные интересы нарушены судебными актами.

2. Судебные акты могут быть обжалованы в суд кассационной инстанции в течение шести месяцев со дня их вступления в законную силу при условии, что лицами, указанными в части 1 настоящей статьи, были исчерпаны иные установленные настоящим Кодексом способы обжалования судебного акта до дня вступления его в законную силу.

В соответствии со ст. 328 КАС РФ,

1. Основаниями для отмены или изменения судебных актов в кассационном порядке судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации являются **существенные нарушения норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли или могут**

повлиять на исход административного дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

2. Основаниями для отмены или изменения судебных актов в кассационном порядке кассационным судом общей юрисдикции являются несоответствие выводов, изложенных в обжалованном судебном акте, обстоятельствам административного дела, неправильное применение норм материального права, нарушение или неправильное применение норм процессуального права, если оно привело или могло привести к принятию неправильного судебного акта.

3. Судебный акт подлежит безусловной отмене кассационным судом общей юрисдикции в случаях, указанных в части 1 статьи 310 настоящего Кодекса.

В соответствии со ст.329 КАС РФ, 1. Суд кассационной инстанции, рассмотрев кассационные жалобу, представление с административным делом, вправе:

1) оставить судебный акт суда первой, апелляционной или кассационной инстанции без изменения, кассационные жалобу, представление без удовлетворения;

2) **отменить судебный акт суда первой, апелляционной или кассационной инстанции полностью либо в части и направить дело на новое рассмотрение в соответствующий суд с указанием при необходимости на обязанность рассмотреть дело в ином составе судей;**

3) отменить судебный акт суда первой, апелляционной или кассационной инстанции полностью либо в части и оставить заявление без рассмотрения либо прекратить производство по административному делу;

4) оставить в силе один из принятых по административному делу судебных актов;

5) **отменить либо изменить судебный акт суда первой, апелляционной или кассационной инстанции и принять новый судебный акт, не передавая административное дело на новое рассмотрение, если допущена ошибка в применении и (или) толковании норм материального права;**

6) оставить кассационные жалобу, представление без рассмотрения по существу при наличии оснований, предусмотренных частью 1 статьи 321 настоящего Кодекса.

2. При рассмотрении административного дела в кассационном порядке суд проверяет правильность применения и толкования норм материального права и норм процессуального права судами, рассматривавшими административное дело, в пределах доводов кассационных жалобы, представления. По административным делам, затрагивающим интересы неопределенного круга лиц, а также по административным делам, указанным в главах 28 - 31.1 настоящего Кодекса, суд касса-

ционной инстанции вправе выйти за пределы доводов кассационных жалобы, представления. При этом суд кассационной инстанции не вправе проверять законность судебных актов в той части, в которой они не обжалуются, а также законность судебных актов, которые не обжалуются.

3. Суд кассационной инстанции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции, предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимуществе одних доказательств перед другими и определять, какой судебный акт должен быть принят при новом рассмотрении административного дела.

4. Указания вышестоящего суда о толковании закона являются обязательными для суда, вновь рассматривающего административное дело.

Судом первой и апелляционной инстанции нарушены нормы материального права, а именно не применен п. 1.1. ст. 56 Федерального закона от 12.06.2022 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», что повлияло на исход административного дела.

В заключении научно-исследовательской работы автор описывает, что в связи с вышеизложенным просьба на кассационную жалобу осталась неудовлетворенна. Пострадавшая сторона просила отменить решение суда от 03.09.2024 года по делу № 2-а 1453/2024, и апелляционное определение от 07.09. 2024 года, принять по делу новый судебный акт, удовлетворив исковые требования в полном объеме, либо направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Но к сожалению шестой кассационный суд общей юрисдикции оправдал сторону ответчика и отказал в удовлетворении требований истцу кассационной жалобы, несмотря на то, что нарушения присутствовали. Сослались на то, что пропущены сроки подачи искового заявления. В итоге можно было пересмотреть дело на первой инстанции по решению кассационного суда, так как факт нарушения был и сроки пропущены учитывая некомпетентность территориально-избирательной комиссии и то, почему их кандидат прошел с нарушением. Прямая их вина.

Восторжествовала несправедливость, правосудие сослалось на сроки, а факт нарушения кандидата в депутаты Собрания депутатов и территориально-избирательной комиссии он был и остался до сих пор.

Состязание сторон в гражданском судопроизводстве по присвоению работ действующего депутата Собрания депутатов городского округа «Город Волжск» перешло в административное дело и не закончилось снятием кандидата с регистрации в территориально-избирательной комиссии.

Список литературы:

- [1] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: ФЗ РФ от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (с изменениями от 5 апреля 2016 г.) // СЗ РФ. – 2002. – №24. – Ст. 2253
- [2] Аглеева Л.Т. Проблемы правового регулирования предвыборной агитации в свете изменений избирательного законодательства / Л.Т. Аглеева // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 7. – С. 17-19.
- [3] Данилевский Ю.А. Применение мер юридической ответственности за нарушение порядка предвыборной агитации / Ю.А. Данилевский // Современное право. – 2015. – № 7. – С. 161-164.
- [4] Биктагиров Р.Т. Принципы Российского избирательного процесса и их правовое содержание / Р.Т. Биктагиров // Журнал Избирательное право. – 2011. – № 4. – С. 59-65.
- [5] Бычков А.С. Разрешено все, что не запрещено / А.С. Бычков // эж-ЮРИСТ. – 2012. – № 3. – С. 62-68.

References:

- [1] On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendums of Citizens of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of June 12, 2002 No. 67-FZ (as amended on April 5, 2016) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 24. – Art. 2253
- [2] Agleeva L.T. Problems of Legal Regulation of Pre-Election Campaigning in Light of Changes in Electoral Legislation / L.T. Agleeva // Constitutional and Municipal Law. – 2015. – No. 7. – Pp. 17-19.
- [3] Danilevsky Yu.A. Application of Legal Liability Measures for Violating the Procedure for Pre-Election Campaigning / Yu.A. Danilevsky // Modern Law. – 2015. – No. 7. – Pp. 161-164. [4] Biktagirov R.T. Principles of the Russian Electoral Process and Their Legal Content / R.T. Biktagirov // Electoral Law Magazine. – 2011. – No. 4. – P. 59-65.
- [5] Bychkov A.S. Everything that is not prohibited is permitted / A.S. Bychkov // ezh-YURIST. – 2012. – No. 3. – P. 62-68.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ИВАНОВ Михаил Романович,
магистрант,
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия,
e-mail: ivanovmikhail5302@gmail.com

ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СУДЕБНОЙ МЕДИАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются риски недобросовестного использования процедуры медиации на судебной стадии разрешения спора между сторонами. Автором также затрагивается вопрос использования досудебной медиации во вред другим участникам процедуры и правопорядку в целом. Рассматриваются отдельные способы злоупотребления правом на медиацию. Предлагаются отдельные законодательные механизмы устранения обнаруженных рисков: от расширения полномочий суда по обнаружению недобросовестного поведения участников медиации до конкретных мер процессуальной ответственности. В конце статьи автор приходит к выводу, что активное внедрение судебной процедуры без предусмотренных процессуальным законом гарантий на добросовестное использование процедуры будет снижать интерес тяжущихся сторон к этому способу альтернативного разрешения споров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиация, примирительные процедуры, злоупотребление процессуальными правами, процессуальная добросовестность, гражданский процесс, арбитражный процесс, правосудие.

IVANOV Mikhail Romanovich,
Master's Student,
Yaroslav the Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

POSSIBLE RISKS OF ABUSE OF PROCEDURAL RIGHTS WHEN USING JUDICIAL MEDIATION IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

ANNOTATION. The article discusses the potential risks of unfair use of mediation as a means of resolving disputes at the judicial level. The author also raises the issue of the potential misuse of pre-trial mediation, which could be detrimental to other participants in the legal process and the rule of law more broadly. Separate ways of abusing the right to mediation are considered. Separate legislative measures are proposed to address the identified risks: from expanding the powers of the court to detect unfair behavior of mediation participants to particular measures of procedural responsibility. Towards the conclusion of their article, the authors arrive at the following conclusion: the proactive implementation of judicial proceedings without the necessary procedural safeguards may reduce the parties' inclination to engage in mediation.

KEY WORDS: mediation, conciliation procedures, abuse of procedural rights, processual good faith, civil process, arbitration process, justice.

Медиация как процедура примирения сторон обладает большим потенциалом и преимущества ее внедрения очевидны. Например, медиация позволяет разрешить спор между сторонами либо без привлечения суда вовсе, либо без его существенного участия. Тем самым снижается нагрузка на судебную систему, а сами суды могут перенаправить свои ресурсы на разрешение иных, более сложных и комплексных споров.

Таким образом, перспективность и привлекательность института медиации в цивилисти-

ческом процессе заключается в обеспечении принципа процессуальной экономии для всех его участников.

В то же время, существующая правовая регламентация медиации создает простор в недобросовестном использовании сторонами процедуры. Говоря иначе, нынешнее состояние медиации обеспечивает стороны возможностью использовать процедуру в качестве процессуального злоупотребления.

На практике использование медиации как разновидности процессуального злоупотребле-

ния весьма вариативно. Недобросовестное применение разнится от элементарного стремления одной стороны затянуть рассмотрение дела или отложить начало судебного разбирательства до обоюдного использования результатов процедуры в качестве обхода действующего правопорядка.

По этой причине необходимо установить риски процессуальных злоупотреблений, которые могут возникнуть при массовом использовании медиации на досудебных и судебных стадиях разрешения споров.

Чтобы понять, как медиация может использоваться в качестве злоупотребления правами в процессе необходимо определить содержание самого понятия «злоупотребления процессуальными правами».

Отметим, что понятие злоупотребления процессуальным правом, как и понятие процессуальной добросовестности не закреплено в качестве легальной дефиниции в профильных законах – АПК РФ и ГПК РФ.

Существует только общее положение о том, что все участники судебного процесса должны добросовестно пользоваться своими процессуальными правами (ч. 2 ст. 41 АПК РФ и ч. 1 ст. 35 ГПК РФ). По этой причине понятие «процессуальных злоупотреблений» и его содержание выводится практикой из конкретных судебных казусов [1, стр. 124], т.е. через судебское усмотрение.

Например, в судебной практике злоупотребление процессуальными правами расценивается как действия лица, нарушающие права и интересы других лиц и направленные на затягивание судебного процесса [2].

В науке под злоупотреблением процессуальными правами может пониматься «их осуществление тяжущимися для достижения целей, несогласных с целью процесса – правильным и скорым разрешением дел» [3, стр. 611].

По мнению А.В. Юдина, злоупотребление процессуальными правами – это гражданские процессуальные правонарушения. То есть противоправные, вредоносные процессуальные действия/бездействия участников процесса, совершаемые ими с видимостью реализации прав для ущемления интересов иных лиц и правосудия в целом [4, стр. 33].

На основе указанных определений, можно установить, что злоупотребление процессуальными правами – это особый вид процессуального правонарушения, совершаемый лицами в виде действий или бездействий, противоречащих целям и задачам судопроизводства и влекущий в качестве последствий причинение вреда другим участникам разбирательства и (или) правосудию в целом.

Главной особенностью процессуальных злоупотреблений является то, что они могут проявляться в любом институте процессуального права. Институт медиации исключением также не

является. Поэтому дальше будут рассмотрены несколько наиболее вероятных рисков с которыми может столкнуться общество и государство.

Первым из возможных рисков является использование недобросовестной стороной спора медиации для затягивания судебного разбирательства.

В особенности, интерес недобросовестной стороны может проявляться:

– в сборе или уничтожении доказательств, для усиления своей позиции или ослабления позиции другой стороны.

– в отсрочке исполнения обязательства;

– в использовании времени на проведение медиации для вывода активов, уменьшения массы или сокрытия спорного имущества.

В качестве примера использования медиации для отсрочки возврата долга можно привести решение Среднеахтубинского районного суда от 15.05.2017 по делу № 2 366/2017 [5]. Суть спора сводилась к следующему: между гражданином и ИП заключен договор на оказание услуг по изготовлению и установке соснового сруба на готовый фундамент. Свои обязательства по договору гражданин выполнил в полном объеме, в отличие от ИП, который к моменту подачи иска не внес оплату в размере 869 000 руб. Посредством претензионного обращения и устных заявлений, гражданин смог вернуть 330 000 руб. Впоследствии обе стороны решили прибегнуть к процедуре медиации. Между гражданином и ИП было подписано медиативное соглашение по вопросу возврата задолженности. Соглашением был определен максимальный срок медиации – 180 дней. Однако по истечении предельного срока процедуры, обязательство ИП исполнено не было. Из-за чего гражданин был вынужден обратиться в суд.

Из общего определения, ранее сформулированного нами, следует, что злоупотребление процессуальными правами является особым видом процессуальных правонарушений. Соответственно, злоупотребление правом на медиацию будет возникать только в том случае, когда сторона ставит своей целью затянуть производство по делу и извлечь из этого затягивания определенную выгоду.

На это могут указывать: несоблюдение установленного порядка судебного примирения; неявка на заседание судебного примирения; безосновательные просьбы об отложении, переносе заседаний; нарушение согласованных сроков представления документов; уклонение от конструктивного обсуждения предложений оппонента и т.д. [6].

В случае, когда сторона либо стороны ходатайствуют о проведении примирительной процедуры или соглашаются с предложением суда о ее проведении, суд при необходимости выносит определение об отложении судебного разбирательства (ч. 2 ст. 138.1 АПК РФ и ч. 2 ст. 153.2

ГПК РФ).

Суд имеет право отложить судебное разбирательство на срок не превышающий 2 месяцев, в связи с намерением сторон урегулировать спор через примирение, при подаче ими соответствующего ходатайства (ч. 7 ст. 158 АПК РФ и ч. 1 ст. 169 ГПК РФ). Установленный процессуальными кодексами срок является пресекательным и соответственно продлению не подлежит.

Согласно ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – ФЗ «О медиации»), если спор передан на рассмотрение суда, то допускается применение медиации в любой момент производства по делу, но до момента принятия решения по спору, т.е. до момента удаления судьи в совещательную комнату.

Ст. 13 ФЗ «О медиации» предусматривает, что сроки проведения процедуры устанавливаются сторонами соответствующим соглашением. При этом максимальный срок проведения медиации, без исключительных оснований для продления процедуры, составляет 60 дней или 2 месяца.

Как отметил Верховный суд РФ: Суд не вправе по собственной инициативе устанавливать срок для проведения процедуры медиации, отличный от срока, определенного сторонами в соглашении о проведении такой процедуры. При этом указанный в соглашении срок не может превышать срок, установленный в Законе о медиации» [7]. Следовательно, Верховный суд РФ установил приоритет положений ФЗ «О медиации» над положениями процессуальных кодексов.

Между тем сроки производства по делу в зависимости от вида судопроизводства весьма различны. Так, ст. 154 ГПК РФ установлен весьма непродолжительный общий срок рассмотрения гражданских дел – 2 месяца.

В ст. 152 АПК РФ такой срок установлен в 6 месяцев.

Как отметил Верховный суд: «если процедура медиации была проведена сторонами до обращения в суд, но по каким-либо обстоятельствам спор был передан на рассмотрение суда и стороны вновь приняли решение о ее проведении (ч. ч. 3 и 4 ст. 7 Закона), то в этом случае суд может отложить рассмотрение дела не более чем на 60 дней, независимо от продолжительности предыдущей процедуры» [8].

Таким образом, может возникнуть проблема, когда сторонами спора установлен максимальный 2-х месячный срок медиации и одна из сторон использует процедуру в целях затягивания процесса, а суд не может уменьшить этот срок. При этом ходатайство о проведении процедуры может быть подано спустя значительное время от начала производства по делу. Если в ходатайстве будет определен максимальный 2-х месячный срок проведения процедуры, то производство по делу выходит за временные рамки, установлен-

ные ст. ст. 154 ГПК РФ и 152 АПК РФ. И хотя по заявлению Верховного суда РФ это не является нарушением разумных сроков разбирательства [8], такая позиция высшей инстанции может быть уместна только в случае добросовестного использования медиации сторонами. В противном случае, как раз и возникает нарушение разумных сроков производства. Это же происходит и в случае, когда недобросовестная сторона уговорила своего оппонента на повторное участие в медиации, но уже на стадии рассмотрения дела судом.

Учитывая, изложенное, суд все-таки рискует нарушить процессуальный срок рассмотрения дела по существу. В свою очередь это является негативным последствием для него самого и нарушением права добросовестной стороны на производство в разумные сроки. Поэтому важным в обеспечении эффективности процедуры судебного разбирательства является установление приоритета положений и принципов процессуальных законов над законом о медиации. Например, начальный срок проведения судебной медиации можно установить в 30 дней, с возможностью его продления судом до 60 дней. Будет более полно реализовываться принцип судебного руководства. Суд сможет самостоятельно устанавливать необходимость медиативной процедуры, исходя из действительной потребности сторон в её проведении.

Вторым из возможных рисков является использование медиации сторонами для утверждения недействительных сделок.

Например, гражданин обратился в суд общей юрисдикции с иском к обществу о взыскании 500 миллионов рублей по договору купли-продажи земельного участка. Решением суда в удовлетворении иска отказано.

По результатам рассмотрения дела судом апелляционной инстанции отказано в утверждении представленного сторонами мирового соглашения, по условиям которого общество обязалось добровольно выплатить истцу заявленную сумму. Апелляционный суд отказывая в утверждении соглашения исходил из того, что договорная цена участка существенно превышает его кадастровую стоимость. Само общество не занимается тем видом деятельности, который бы соответствовал виду разрешенного использования участка. В конечном итоге, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о прикрытии с помощью мирового соглашения незаконной сделки [9]. Хотя в указанном случае процедура медиации не упоминается, сам по себе пример является примечательным с той точки зрения, что медиация может использоваться в обход действующего законодательства.

Можно, в частности, обозначить тенденцию использования досудебной медиации для совершения незаконных финансовых операций сторонами при отсутствии действительного спора о праве между ними [10, 11]. В упомянутых случаях

процедура использовалась в целях последующей легализации и обналичивания денежных средств через добровольное или принудительное исполнение медиативного соглашения.

Для устранения указанного риска можно было бы установить условие о наличии у медиатора высшего юридического образования при посредничестве в разрешении сложных категорий споров (преимущественно тех, что носят сугубо экономический характер). В перспективе введение такого образовательного ценза будет способствовать уменьшению количества недействительных сделок. В противном случае, из-за нехватки ряда компетенций в подобных спорах медиация превращается не в способ урегулирования, а в источник новых тяжб.

Третий риск непосредственно связан с предыдущими и заключается в возможности суда выявить и предотвратить злоупотребление правом на медиацию.

Фактически, возможность у суда выявить процессуальное злоупотребление при использовании медиации появляется лишь на стадии окончания её проведения. Объясняется это в том числе и тем, что суд должен исходить из презумпции добросовестности лиц, использующих любую из процедур примирения (п. 2 ПП ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе») [12]. Тем не менее, существует и другая преграда, не позволяющая суду выявить злоупотребление *ex-ante*.

Если обратиться к институту судебного примирения, то процессуальными кодексами предусмотрена возможность суда обратиться к судебному примирителю для получения информации о ходе процедуры (ч. 5 ст. 153.6 ГПК РФ и ч. 5 ст. 138.5 АПК РФ). Представляется, что в случае получения запроса, судебный примиритель может также отразить информацию о недобросовестности одной из сторон при проведении процедуры.

Возникает вопрос: есть ли аналогичная возможность у суда, но в рамках процедуры медиации? Кодексы такую возможность не предусматривают. Не содержит такого полномочия суда и ФЗ «О медиации». В силу положений ст. 5 названного закона, вся информация, относящаяся к медиации носит конфиденциальный характер. Если стороны не договорились об ином, то истребование от медиатора информации не допускается. Соответственно медиатор не может быть допрошен судом и как свидетель о тех обстоятельствах, ставших ему известными в связи с проведением примирительной процедуры. То есть суд не может, без предварительного согласия сторон, узнать о ходе примирительной процедуры и о добросовестности сторон при ее проведении.

В свою очередь медиатор аналогичным образом лишен возможности воспрепятствовать злоупотреблению сторон, прекратив процедуру, т.к. для этого нужно согласие участников процедуры (п. 3 ст. 14 ФЗ «О медиации»).

В ФЗ «О медиации» смешиваются две разные по своему содержанию категории: сведения о существовании спора и сведения о поведении сторон в ходе медиации. По совокупности указанных причин, на сегодня суд лишен возможности оперативно получить информацию от медиатора о недобросовестном поведении стороны. Медиатор, в случае выявления допущенного стороной процессуального злоупотребления, лишен возможности как сообщить суду об этом, так и прекратить процедуру без согласия злоупотребившей стороны [13].

Решение проблемы видится в возможности разграничить эти категории сведений и внедрить возможность суда запрашивать информацию об поведении лиц по аналогии с механизмом судебного примирения.

С другой стороны, конфиденциальность процедуры может служить для суда самостоятельным способом противодействия злоупотреблением правом на медиацию. В частности, для пресечения возможности стороной использовать, полученные во время процедуры сведения как самостоятельные доказательства. Например, если сторона попытается использовать конфиденциальную информацию для доказывания своей позиции, то другая вправе на это возразить. Если суд, действительно, осуществляет руководство процессом, то опираясь на полученное от другой стороны возражение, он становится обязан выяснить природу происхождения представляемого доказательства. В случае, когда подтверждается возражение стороны и источник доказательства – процедура медиации, суд становится обязан исключить подобное доказательство [14].

Четвертым риском является несовершенный механизм ответственности за выявленные злоупотребления при проведении медиации.

Регламентация использования процедур примирения в процессе не должна сводиться лишь к закреплению за сторонами возможности их применить. Без установления профилактических мер за недобросовестное поведение отсутствует возможность обеспечить использование той или иной процедуры в соответствии с целями и задачами процесса.

На сегодня механизм противодействия процессуальным злоупотреблениям не является целостным. Например, законодателем в обоих кодексах по-прежнему не закреплены нормы, позволяющие суду наложить штраф на лицо, злоупотребляющее своим правом. Отдельные нормы, регламентирующие противодействие процессуальным злоупотреблениям присутствующие в ГПК РФ, могут отсутствовать в АПК РФ и наоборот.

Так, в арбитражном процессе предусмотрена возможность суда наложить на злоупотребляющее процессуальными правами лицо обязанность компенсировать добросовестной стороне все судебные расходы вне зависимости от исхода дела

(ст. 111 АПК РФ). Однако не предусмотрена возможность взыскания компенсации за фактическую потерю времени, как это установлено ст. 99 ГПК РФ.

В п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 изложена уточняющая ст. 111 АПК РФ позиция: если поведение стороны, обратившейся с ходатайством об отложении в связи с проведением примирительной процедуры, очевидно свидетельствует об отказе или уклонении от участия в процедуре, то суд может отнести на такую сторону все судебные расходы. Главное, чтобы причины отказа или уклонения от такой процедуры были неуважительными и направлены на затягивание арбитражного судопроизводства [12]. Позже, аналогичную позицию сформировал Верховный суд РФ, но уже для гражданского процесса [7].

В гражданском процессе, наоборот, возможность взыскать компенсацию за фактическую потерю времени есть, а отнесение расходов на злоупотребившее лицо прямо кодексом не предусмотрено. При этом, в связи с неясным содержанием ст. 99 ГПК РФ эта норма практически не применяется (в частности, непонятно как определить систематичность противодействия своевременному рассмотрению дела и оценить стоимость потраченного времени).

Однако в правоприменительной практике положительных примеров применения указанной процессуальной ответственности относительно злоупотребления правом на медиацию (прочими примирительными процедурами) найти не удалось.

Например, возникает высокая вероятность того, что недобросовестная сторона после установления договоренностей с другой стороной о заключении мирового соглашения, начинает уклоняться от встреч и обсуждений, касающихся его оформления. В апелляционном определении Тверского областного суда от 20.11.2014 по делу № 33-4358 четко прослеживаются последствия от уклонения стороны от заключения мирового соглашения [15]. Обстоятельства обращения в апелляционный суд были следующими: между истцом и ответчиком принято решение о заключении мирового соглашения. Истец доверился ответчику и по этой причине решил отказаться от иска. После того как суд принял отказ от иска, ответчик начал уклоняться от заключения мирового соглашения. Из-за недобросовестности ответчика истец пропустил срок обжалования определения суда. По итогу, областной суд отказал истцу в восстановлении пропущенного срока, признав причины пропуска не уважительными.

Аналогичная практика сформирована и в арбитражном процессе. В деле № А40-25610/16 апелляционный суд указал на несостоятельность аргументов заявителя о том, что судом проигнорированы доводы о злоупотреблении процессуальными правами противоположной стороны

при отказе от заключения мирового соглашения. Суд указал, что заключение мирового соглашения является правом, а не обязанностью стороны. Отказ от заключения мирового соглашения не свидетельствует о недобросовестности или злоупотреблении правом. Суд первой инстанции, установив, что мировое соглашение фактически не заключено, поскольку истец отказался от него, правомерно не исследовал ни условия мирового соглашения, ни позицию второй стороны. Соответственно обоснованно отклонил ходатайство ответчика [16].

Мейнстримная позиция судов, таким образом, сводится к следующему: лицо вправе отказаться от подписания мирового соглашения без каких-либо последствий, даже несмотря на то, что такое соглашение оно одобрило.

Из этой позиции возникает проблема, когда сторона получает возможность выйти из процедуры медиации без объяснения причин либо на поздней стадии проведения. Подобное поведение по мнению судов, не будет свидетельствовать о недобросовестности действий стороны. Следовательно, все негативные последствия возлагаются исключительно на сторону, базово полагавшуюся на добросовестность другой стороны спора.

Фактически сторона, которая не обращалась с ходатайством о проведении медиации может без последствий затягивать процесс, извлекая выгоду из своего недобросовестного поведения. В то время как механизм, который бы позволял выявить это поведение фактически отсутствует.

Единственным действенным механизмом противодействия правом на медиацию, пожалуй, является применение судом принципа эстоппель. Механизм работы эстоппеля, безотносительно применения только к исследуемой в статье процедуре, выражается в запрете резкого изменения своей процессуальной позиции. В контексте медиации, например, истец не сможет после медиации полностью отказаться от первоначальных требований и предъявить совершенно новый иск, основанный исключительно на информации от ответчика [14].

Одним из вариантов минимизации четвертого риска было бы закрепление следующих мер ответственности:

– *отдельно установить возможность суда возлагать судебные расходы за проведение медиации на любую сторону, затягивавшую процесс через процедуру, а не только на ту, что обратилась в суд с соответствующим ходатайством.*

– *установить правомочие суда делать выводы в пользу добросовестной стороны, при условии необоснованного уклонения другой стороны от участия в процедуре.*

В заключение отметим: завершение примирения без достижения результата само по себе не свидетельствует о недобросовестности его участников. Тем не менее, можно говорить о том, что действующие правовое регулирование имеет

пробелы, которые могут быть использованы стороной процесса для недобросовестных действий.

При активном использовании процедуры медиации в судебном разбирательстве, указанные риски обязательно дадут о себе знать, если не предпринять мер к их законодательной минимизации. В противном случае, злоупотребление

правом на примирение будет наносить вред не только правосудию, но и добросовестной стороне, которая не сможет рассчитывать на справедливую компенсацию в текущих условиях. Отсутствие гарантий, закономерно снижает привлекательность альтернативных способов разрешения конфликтов.

Список литературы:

[1] Епатко М.Ю. Противодействие злоупотреблению процессуальными правами в арбитражном процессе // Арбитражные споры. 2019. № 2 (86). С. 120-154.

[2] Определение Верховного Суда РФ от 20.04.2018 № 305-АД18-7 по делу № А40-70923/2017. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=536612&ysclid=mnip933y5n703874612#BkZbiFVimyggjYc41> (дата обращения 10.03.2026).

[3] Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 624 с.

[4] Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.15 / Юдин Андрей Владимирович; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. — Санкт-Петербург, 2009. – 47 с.

[5] Решение Среднеахтубинского районного суда от 15.05.2017 по делу № 2-366/2017. // Среднеахтубинский районный суд Волгоградской области. URL: https://ahtub--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=569071756&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения 10.03.2026).

[6] Тимофеев Ю.А. Злоупотребление правом на примирение // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 7. С. 16-17.

[7] «Справка о практике применения судами Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200160/?ysclid=mnipchlanb385945779 (дата обращения 10.03.2026).

[8] «Справка о практике применения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.06.2012). // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=289589&cacheid=096667BD1CCAEC9A2AC56562B0DDD5C2&mode=splus&rnd=UM3yPA#EusciFVmKW4LVuIM1> (дата обращения 10.03.2026).

[9] «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020). // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=356732&cacheid=BFC058F3CCC61189E5845B2591955251&mode=splus&rnd=rZCyKQ#naFdiFVmB6J3trZM> (дата обращения 10.03.2026).

[10] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа № Ф01-7684/2023 от 25.04.2025 по делу № А43-35746/2022. // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/85606370-5f74-41f6-bc89-fb7e6f010dc9> (дата обращения 10.03.2026).

[11] Решение Арбитражного суда Свердловской области по делу № А60-48634/2022 от 14.02.2023. // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/30b7591c-b435-401d-a3b0-0737be5b70ef> (дата обращения 10.03.2026).

[12] Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе». // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=166542&cacheid=39F77939C758ADD9C997B9104E2DE910&mode=splus&rnd=UM3yPA#UIndiFV0gX5a6W51> (дата обращения 10.03.2026).

[13] Иванова Е.А., Соломеина Е.А., Хрущелова Т.С., Шереметова Г.С. О противодействии злоупотреблению процессуальными правами при использовании медиации как примирительной процедуры // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. № 4. С. 36-44.

[14] Малюшин К.А. Процессуальные последствия процедуры медиации: допустимость изменения исковых требований и встречного иска в контексте принципов диспозитивности и добросовестности // Вестник гражданского процесса. 2025. N 4. С. 288-298.

[15] Апелляционное определение Тверского областного суда от 20.11.2014 по делу № 33-4358. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=499692&cacheid=399E7CF40D90669BF7418F79053728F9&mode=splus&rnd=UM3yPA#6daeFVpYutvI2BI> (дата обращения 10.03.2026).

[16] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 02.07.2018 № 09АП-24860/2018 по делу № А40-25610/16. // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/550a2f2f-f1e1-4282-91b7-fb321c147949> (дата обращения 10.03.2026).

References:

[1] Epatko M.Yu. Counteracting the Abuse of Procedural Rights in Arbitration Proceedings // *Arbitration Disputes*. 2019. No. 2 (86). Pp. 120-154.

[2] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 20, 2018 No. 305-AD18-7 in case No. A40-70923/2017. // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=536612&ysclid=mnip933y5n703874612#BkZbiFVimyggYc41> (date of access March 10, 2026).

[3] Vas'kovsky E.V. *Civil Procedure Course: Subjects and Objects of the Process, Procedural Relations and Actions*. Moscow: Statut, 2016. 624 p.

[4] Yudin A.V. Abuse of Procedural Rights in Civil Proceedings: Abstract of the Dissertation ... Doctor of Law: 12.00.15 / Yudin Andrey Vladimirovich; [Place of Defense: St. Petersburg State University]. St. Petersburg, 2009. 47 p.

[5] Decision of the Sredneakhtubinsky District Court dated May 15, 2017, Case No. 2-366/2017. // Sredneakhtubinsky District Court of Volgograd Region. URL: https://ahtub--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=569071756&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (accessed 10.03.2026).

[6] Timofeev Yu.A. Abuse of the Right to Reconciliation // *Arbitration and Civil Procedure*. 2023. No. 7. pp. 16-17.

[7] «Certificate on the Practice of Applying the Federal Law of 27.07.2010 No. 193-FZ «On the Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)» by the Courts for 2015» (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 22.06.2016). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200160/?ysclid=mnipchlanb385945779 (accessed 10.03.2026).

[8] «Reference on the practical application of the Federal Law «On an alternative dispute resolution procedure with the participation of a mediator (mediation procedure)» (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 06.06.2012). // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=289589&cacheid=096667BD1CCAEC9A2AC56562B0DDD5C2&mode=splus&rnd=UM3yPA#EusciFVmKW4LVuIM1> (accessed 10.03.2026).

[9] «Review of Certain Issues of Judicial Practice Related to the Adoption of Measures by Courts to Combat Illegal Financial Transactions» (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 08.07.2020). // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=356732&cacheid=BFC058F3CCC61189E5845B2591955251&mode=splus&rnd=rZCyKQ#naFdiFVmb6J3trZM> (accessed 10.03.2026).

[10] Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District No. F01-7684/2023 dated 25.04.2025 in case No. A43-35746/2022. // Arbitration case file. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/85606370-5f74-41f6-bc89-fb7e6f010dc9> (accessed on March 10, 2026).

[11] Decision of the Arbitration Court of the Sverdlovsk Region in case No. A60-48634/2022 dated February 14, 2023. // Arbitration Case File. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/30b7591c-b435-401d-a3b0-0737be5b70ef> (accessed on March 10, 2026).

[12] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 18, 2014 No. 50 «On Reconciliation of the Parties in Arbitration Proceedings». // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=166542&cacheid=39F77939C758ADD9C997B9104E2DE910&mode=splus&rnd=UM3yPA#UIndiFV0gX5a6W51> (accessed 10.03.2026).

[13] Ivanova E.A., Solomeina E.A., Khrushcheleva T.S., Sheremetova G.S. On countering the abuse of procedural rights when using mediation as a conciliation procedure // *Electronic supplement to the Russian Law Journal*. 2022. No. 4. pp. 36-44.

[14] Malyushin K.A. Procedural Consequences of the Mediation Procedure: Admissibility of Amending Claims and Counterclaims in the Context of the Principles of Dispositiveness and Good Faith // *Bulletin of Civil Procedure*. 2025. No. 4. pp. 288-298.

[15] Appellate Ruling of the Tver Regional Court of 20.11.2014 in Case No. 33-4358. // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=499692&cacheid=399E7CF40D90669BF7418F79053728F9&mode=splus&rnd=UM3yPA#6daeIFVpYutvl2BI> (accessed on 10.03.2026).

[16] Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated July 2, 2018 No. 09AP-24860/2018 in case No. A40-25610/16. // Arbitration case file. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/550a2f2f-f1e1-4282-91b7-fb321c147949> (accessed March 10, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-2-76-80

ТЮРИНА Дарья Вадимовна,
студент, юридический факультет,
Государственный Университет Управления
г. Москва, Россия,
e-mail: turina834@gmail.com

ТЕОРИИ КОНКУРСНОГО ОСПАРИВАНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИМУЩЕСТвенную МАССУ ДОЛЖНИКА

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются исторические и современные теории конкурсного оспаривания сделок должника и раскрывается их влияние на формирование и пополнение конкурсной массы в процедуре банкротства. Показано, что институт конкурсного оспаривания выполняет системообразующую функцию в механизме защиты имущественных интересов кредиторов и служит инструментом восстановления принципа равенства кредиторов (*pari passu*). Рассматриваются основные доктринальные подходы: деликтная, квазиделиктная, легальная теория и теория исполнительной силы, выявляются их теоретические основания, достоинства и ограничения. Особое внимание уделено сопоставлению двух ведущих современных концепций — абсолютной (вещной) и относительной (обязательственной) теорий конкурсного оспаривания. На материале судебной практики демонстрируется, каким образом выбор той или иной модели влияет на объем возвращаемого в конкурсную массу имущества и на положение контрагента должника, в том числе добросовестного приобретателя. Обосновывается, что абсолютная теория ориентирована на максимальное восстановление имущественного фонда должника, но может приводить к чрезмерно обременительным последствиям для участников оборота, тогда как относительная теория направлена на компенсацию экономической выгоды и обеспечивает более сбалансированное распределение рисков. Делается вывод о необходимости гибкого и комбинированного применения теоретических подходов в зависимости от обстоятельств конкретного дела, степени добросовестности сторон и целей конкурсного производства. Подчеркивается практическая значимость интеграции различных теорий для повышения эффективности защиты прав кредиторов и обеспечения справедливости банкротных процедур.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: банкротство, конкурсное оспаривание, конкурсная масса, недействительность сделок, кредиторы, деликтная теория, абсолютная теория, относительная теория, реституция, судебная практика.

TYURINA Daria Vadimovna,
student, Faculty of Law,
State University of Management
Moscow, Russia

THEORIES OF COMPETITIVE CHALLENGING AND THEIR IMPACT ON THE DEBTOR'S PROPERTY

ANNOTATION. The article analyzes historical and modern theories of avoidance of the debtor's transactions in insolvency proceedings and reveals their impact on the formation and replenishment of the bankruptcy estate. It is shown that the institution of insolvency avoidance performs a system-forming function within the mechanism for protecting creditors' property interests and serves as a tool for restoring the principle of equality of creditors (*pari passu*). The main doctrinal approaches are examined, including the delict, quasi-delict, legal theory, and the theory of enforcement force; their theoretical foundations, advantages, and limitations are identified. Special attention is paid to comparing two leading modern concepts—the absolute (proprietary) and the relative (obligational) theories of insolvency avoidance. Using case law materials, the article demonstrates how the choice of one model or another affects the scope of assets returned to the bankruptcy estate and the position of the debtor's counterparty, including a bona fide purchaser. It is argued that the absolute theory is aimed at the maximum restoration of the debtor's asset pool but may lead to excessively burdensome consequences for market participants, whereas the relative theory focuses on

compensating economic benefit and ensures a more balanced allocation of risks. The article concludes that a flexible and combined application of theoretical approaches is necessary, depending on the circumstances of a particular case, the degree of the parties' good faith, and the objectives of insolvency proceedings. The practical significance of integrating various theories to enhance the effectiveness of protecting creditors' rights and to ensure the fairness of bankruptcy procedures is emphasized.

KEY WORDS: bankruptcy, insolvency avoidance, bankruptcy estate, invalidity of transactions, creditors, delict theory, absolute theory, relative theory, restitution, case law.

Институт конкурсного оспаривания сделок должника является ключевым элементом современного банкротного права. Его назначение — восстановление имущественной массы, недопущение злоупотреблений и обеспечение принципов *pari passu* (равенства кредиторов).

Актуальность темы подтверждается статистическими данными: во втором квартале 2025 года было зарегистрировано 1 580 сообщений о признании должника банкротом и открытии конкурсного производства, при этом только одно производство касалось введения финансового оздоровления. Суммарная стоимость требований, включённых в реестр кредиторов за этот период, составила 470,7 млрд рублей, из которых удовлетворено 53,2 млрд рублей, что составляет 11,3 % от общей суммы. [1]

Цель настоящего эссе — проанализировать исторические и современные теории конкурсного оспаривания сделок должника, выявить их влияние на формирование и пополнение конкурсной массы, а также оценить их практическую значимость для защиты имущественных интересов кредиторов в российском праве.

В доктрине банкротного права выделяется ряд теорий конкурсного оспаривания сделок. Основополагающий вклад в разработку их теоретических основ внес, в частности, Г. Ф. Шершеневич [2], который систематизировал деликтную, квазиделиктную, легальную теории, а также теорию исполнительной силы. В рамках настоящего эссе представляется логичным сначала детально рассмотреть эти исторические концепции, а затем перейти к анализу двух ключевых, доминирующих в современном праве подходов к конкурсному оспариванию — абсолютной и относительной теорий.

1. Деликтная теория

Согласно деликтной теории, ответственность (или обязанность возместить ущерб) возникает из деликта (деликт — от лат. *delictum* — «правонарушение»). Её применение направлено на восстановление утраченной стоимости конкурсной массы и на привлечение к ответственности тех, чьи действия способствовали такому вреду.

Основанием для конкурсного оспаривания является вред, причинённый противоправными действиями. Это возлагает на контрагента должника обязанность доказать свою добросовестность, чтобы исключить свою ответственность за совершение такого деликта. Если отчуждение имущества нанесло вред конкурсной массе, имущество подлежит изъятию как наибо-

лее эффективное средство возмещения ущерба. Субъектный состав определён следующим образом: кредитор — потерпевший, должник — нарушитель, третье лицо — соучастник. Уголовная терминология придает теории карательный характер: деликт — вина, а провинившийся, значит, должен быть наказан.

В российском законодательстве теория деликта применяется при оценке подозрительных сделок, совершённых накануне банкротства. Например, так называемая вредоносная сделка признаётся судом недействительной, если в результате ее совершения был причинен вред имущественным правам кредиторов и, если другая сторона сделки знала об указанной цели должника к моменту совершения сделки. Презюмируется, что другая сторона знала об этом, если она признана заинтересованным лицом (п. 2 ст. 61.2 «О несостоятельности (банкротстве)»). Презюмируется также и причинение вреда кредиторам контролирующими должника лицами при решении вопроса о привлечении к субсидиарной ответственности, а бремя доказывания добросовестности и разумности действий возлагается на этих лиц (п. 4 ст. 61.16 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Как указал ВС РФ, привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов [3].

Деликтная теория способствует увеличению конкурсной массы должника за счет восстановления нарушенных имущественных прав кредиторов. Основные механизмы включают: признание недействительными вредоносных сделок с возвратом имущества или взысканием разницы в цене, реституцию безвозмездно переданного имущества и аннулирование предпочтительных действий. В результате эти меры обеспечивают пополнение конкурсной массы и перераспределение имущества в интересах всех кредиторов.

2. Квазиделиктная теория

Квазиделиктная теория, хотя и выделяется некоторыми исследователями как самостоятельная концепция, по своей сути и логической структуре тяготеет к подразделу деликтной теории. Квазиделиктная ответственность возникает из причинения вреда, который не всегда носит прямой характер, но может быть обусловлен косвенными обстоятельствами. В римском праве квазиделиктная ответственность применялась к ситуациям, которые не отвечали строгим критериям деликта. Г. Ф. Шершеневич, ссыла-

ясь на представителей германской юридической науки, характеризовал данную теорию как несостоятельную, считал ее откровенно слабой, а ее основания – не заслуживающими особого упоминания.

Применение квазиделиктной теории также направлено на восстановление имущественного положения кредиторов. Вред, причиненный должником косвенно, может быть компенсирован через возврат имущества или взыскание стоимости ущерба. Поскольку ответственность распространяется на более широкий круг лиц, включая косвенно причастных участников, возможное пополнение конкурсной массы может быть более значительным, чем при классической деликтной теории. Механизм воздействия включает реституцию, возврат активов и привлечение косвенно ответственных лиц к ответственности, что обеспечивает восстановление имущественного положения должника и защиту интересов кредиторов.

3. Легальная теория конкурсного оспаривания

Легальная теория, получившая широкое распространение в XIX и XX веках, основывается на принципе объективного вменения. В соответствии с данной теорией, сделка подлежит признанию недействительной исключительно в силу нарушения императивных требований законодательства, вне зависимости от субъективных намерений сторон, участвующих в её заключении.

В российском законодательстве легальная теория находит применение, например, в п. 1 ст. 61.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Отсылочная норма позволяет признавать ничтожными сделки, нарушающие публичные интересы, основы правопорядка и нравственности, являющиеся мнимыми или притворными либо совершенные с нарушением запрета распоряжения имуществом. В таких случаях сам факт нарушения установленных законом императивных норм служит основанием для признания сделки недействительной, независимо от того, осознавали ли стороны противоправность своих действий или нет.

Эффективное применение легальной теории возможно только при высокой проработанности норм банкротства. На практике законодательство не идеализировано, судебная практика бывает противоречива (конкретный пример будет приведен далее), и поэтому строгое следование легальной теории может приводить к несправедливым результатам и ограничивать пополнение конкурсной массы. В современной практике учитываются субъективные факторы, такие как добросовестность сторон и наличие умысла при совершении сделки.

4. Теория исполнительной силы конкурсного оспаривания

В контексте теории исполнительной силы

право опровержения предстает как вспомогательный инструмент реализации судебного решения. Это средство позволяет распространить исполнительное производство на активы, в прошлом принадлежавшие должнику, но выбывшие из его владения. Доктрина отвергает наличие обязательственных отношений между конкурсными кредиторами и третьим лицом, во владении которого находится спорный актив. Вместо этого праву опровержения придается бессрочный характер, иногда облеченный в форму залогового права, а иногда – особого вещного права. Основной недостаток данной теории заключается в том, что она объясняет сущность кредиторского оспаривания через фикцию обратной силы судебного залога, которая все равно содержит элементы, близкие к вине, и отчасти перекликается с деликтной теорией.

В результате рассмотрения исторических концепций конкурсного оспаривания можно сделать несколько выводов. Деликтная и квазиделиктная теории акцентируют внимание на виновных действиях должника и третьих лиц, связывая недействительность сделок с причинением вреда конкурсной массе. Легальная теория смещает фокус на объективное соблюдение императивных норм закона, независимо от вины сторон. Теория исполнительной силы, в свою очередь, подчеркивает роль правового инструмента реализации судебного решения и восстановления имущества, выбывшего из владения должника.

Все эти подходы исторически сформировали базу для регулирования конкурсного оспаривания, однако их применение в современных условиях требует интеграции более универсальных и системных теорий. Следующим шагом логично перейти к изучению двух ведущих современных подходов — абсолютной и относительной теорий.

5. Абсолютная (вещная) теория

Абсолютная теория предполагает, что несмотря на то, что при совершении сделки должником с его контрагентом переходит право собственности на определенную вещь, тем не менее она не выбывает из имущественного фонда должника, а потому должна быть возвращена в конкурсную массу. Этот подход находит применение в российском праве. А.В. Егоров писал: «Оспаривание сделок по банкротным основаниям в России имеет не сугубо обязательственное, но вещное значение. Получатель имущества по такой сделке (если только это не деньги) не становится его собственником, если сделка будет оспорена» [4].

Механизм работы абсолютной теории в российской банкротной практике следующий: контрагент приобретает имущество у должника в предбанкротный период. Подозрительная сделка признается судом недействительной, а

имущество возвращается в конкурсную массу должника. Если у контрагента отсутствует купленное имущество (выбыло из владения по причине перепродажи, например), он пополняет массу должника рыночной стоимостью имущества сверх того, что было им ранее выплачено. Для возврата денежных средств контрагент, как правило, включается в реестр требований кредиторов в порядке третьей очереди и довольствуется погашением статистическими 11.3% [1] от суммы своего требования.

В подтверждение приведён пример из дела о банкротстве ООО «ЮгСтройКомплекс» [5]. Конкурсный управляющий обратился в Арбитражный суд с требованием признать недействительной сделку купли-продажи автомобиля KIA Sportage, заключённую должником со Спиридоновым Я. В. по цене 600 000 руб., что более чем в два раза ниже его рыночной стоимости. Рыночная стоимость автомобиля была определена экспертизой и составляла 1 270 174 руб. Суд установил неравноценность встречного исполнения и признал сделку недействительной по п. 1 ст. 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В силу невозможности возврата транспортного средства в натуре суд взыскал со Спиридонова Я. В. в пользу ООО «ЮгСтройКомплекс» 1 270 174 руб. как эквивалент стоимости автомобиля. Одновременно суд восстановил право требования Спиридонова Я. В. к должнику в размере фактически уплаченных им средств — 762 082,17 руб., подлежащих включению в реестр требований кредиторов. В результате применения механизма оспаривания подозрительной сделки покупатель оказался в наихудшем положении: он заплатил должнику 600 000 руб., затем по причине недействительности сделки обязан возместить конкурсной массе ещё 1 270 174 руб., при этом его собственное право требования включено в реестр лишь на 762 082,17 руб., и, учитывая низкий процент удовлетворения требований в банкротстве, будет погашено лишь частично. Таким образом, покупатель фактически теряет и имущество, и значительную часть уплаченных средств.

6. Относительная (обязательственная) теория

В противоположность абсолютной теории действует относительная теория конкурсного оспаривания, широко применяемая в немецком праве. Согласно этой модели, оспаривание сделки в банкротстве не направлено на возврат самой вещи в конкурсную массу. Напротив, должник приобретает обязательственное требование к контрагенту — о возврате лишь той выгоды, которую тот получил в результате сделки. Иначе говоря, в конкурсную массу по такой модели возвращается не сама вещь и не её полная рыночная стоимость, а только экономический эффект, полученный приобретателем сверх

того, что он заплатил. Для покупателя возникает не вещно-правовая реституция, а обязательно-правовая обязанность компенсировать обогащение.

Если сопоставить это с рассмотренным делом о банкротстве ООО «ЮгСтройКомплекс», то при использовании обязательственной (относительной) теории суд не взыскивал бы с покупателя полную рыночную стоимость автомобиля (1 270 174 руб.). Вместо этого он обязан был бы компенсировать только неосновательное обогащение — разницу между рыночной стоимостью имущества и фактически уплаченной суммой: 1 270 174 руб. – 762 082,17 руб. = 508 091,83 руб.

Вместе с тем приводить вымышленные примеры не требуется, поскольку судебная практика разнообразна. Так, в деле № А40-62412/20 [6] также оспаривалась сделка по продаже автомобиля. Суд, установив, что автомобиль AUDI Q3 был продан должником в пользу Волковой А. В. за 100 000 руб. при рыночной стоимости 1 082 000 руб., признал сделку недействительной, но при этом взыскал в конкурсную массу не полную рыночную стоимость, а только разницу с учётом оплаченной суммы (1 082 000 – 100 000 = 982 000 руб.). Такой подход соответствует обязательственной (относительной) теории конкурсного оспаривания.

В российской доктрине за повсеместное использование подобного подхода последовательно выступает А. В. Егоров, указывая, что обязательственная теория позволяет избежать чрезмерно тяжёлых последствий для добросовестного покупателя.

Подводя итоги, современные подходы — абсолютная и относительная теории — позволяют более гибко регулировать последствия оспаривания сделок в банкротстве. Абсолютная теория ориентирована на возврат имущества или его полной стоимости в конкурсную массу, обеспечивая максимальное пополнение имущественного фонда должника, но может приводить к чрезмерным потерям для добросовестных контрагентов. Относительная (обязательственная) теория ограничивается компенсацией экономической выгоды, полученной контрагентом, что делает её более справедливой для добросовестных приобретателей, но иногда снижает эффект пополнения конкурсной массы.

Таким образом, исторические и современные концепции конкурсного оспаривания формируют комплексный инструмент защиты имущественных интересов кредиторов, где выбор подхода зависит от конкретных обстоятельств дела, добросовестности участников и целей реституции. Эффективная практика требует интеграции элементов различных теорий для достижения баланса между защитой конкурсной массы и справедливостью по отношению к контрагентам.

Список литературы:

- [1] Банкротства в России: 2 кв. 2025 года: статистический релиз Федресурса / Федресурс. – 14.07.2025. URL: <https://fedresurs.ru/news/d2d67a09-fa00-46b0-8b04-019cdf29b19d> (дата обращения: 14.02.2026).
- [2] Шершеневич Г. Ф. Конкурсный процесс: 3-е изд. / Г. Ф. Шершеневич. – Москва : Статут, 2021. – С. 267–273.
- [3] Последствия недействительности сделки при банкротстве // Правовой лекториум URL: <https://lextorium.com> (дата обращения: 14.02.2026).
- [4] Определение Арбитражного суда Ростовской области от 28.11.2019 по делу № А53-27506/17 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS015&n=181462> (дата обращения: 14.02.2026).
- [5] Определение Арбитражного суда города Москвы от 22.07.2025 по делу № А40-62412/20-190-111 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/4Hq0w2hcKSLc/> (дата обращения: 14.02.2026).
- [6] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 14.02.2026).

References:

- [1] Bankruptcies in Russia: Q2 2025: Statistical Release of Fedresurs / Fedresurs. – July 14, 2025. URL: <https://fedresurs.ru/news/d2d67a09-fa00-46b0-8b04-019cdf29b19d> (Accessed: February 14, 2026).
- [2] Shershenevich, G. F. Bankruptcy Process: 3rd ed. / G. F. Shershenevich. – Moscow: Statut, 2021. – Pp. 267–273.
- [3] Consequences of Invalidity of a Transaction in Bankruptcy // Legal Lecture Hall URL: <https://lextorium.com> (Accessed: February 14, 2026).
- [4] Determination of the Arbitration Court of the Rostov Region dated November 28, 2019 in case No. A53-27506/17 // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS015&n=181462> (accessed: February 14, 2026).
- [5] Determination of the Arbitration Court of the City of Moscow dated July 22, 2025 in case No. A40-62412/20-190-111 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/4Hq0w2hcKSLc/> (accessed: February 14, 2026).
- [6] Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ «On Insolvency (Bankruptcy)». // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (date of access: 14.02.2026).

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ФРОЛОВА Анастасия Олеговна,
магистрант 2 курса
направления судебно-экспертная деятельность,
Саратовская государственная юридическая академия,
ул. Вольская, 1, Саратов, 410056, Россия,
тел.: +7-905-160-79-88
e-mail: frolovochka1@mail.ru

Научный руководитель:
ВОЛКОВ Андрей Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики ФГБОУ ВО «СГЮА»
e-mail: mail@law-books.ru

ВЛИЯНИЕ КАЧЕСТВА И ИСТОЧНИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ НА РЕЗУЛЬТАТЫ СУДЕБНО-ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

АННОТАЦИЯ. Судебно-портретная экспертиза занимает важное место в криминалистике, так как позволяет устанавливать личность человека по его внешности, зафиксированной на изображениях. Сегодня специалисты всё чаще работают с цифровыми материалами, полученными из разных источников — таких как камеры видеонаблюдения, мобильные телефоны и интернет. Актуальность темы связана с тем, что качество изображения и его источник напрямую влияют на возможность выявления признаков, необходимых для идентификации личности. Если изображение имеет низкое качество или искажено в процессе съёмки либо последующей обработки, это заметно снижает надёжность выводов эксперта. Цель работы — изучить, как качество изображения и его происхождение отражаются на результатах судебно-портретной экспертизы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебно-портретная экспертиза, качество изображения, цифровая обработка, идентификация личности, источник изображения.

FROLOVA Anastasia Olegovna,
second-year master's student
in the forensic science program,
Saratov State Law Academy

Academic Supervisor:
VOLKOV Andrey Sergeevich,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor,
Department of Forensic Science,
Saratov State Law Academy

THE INFLUENCE OF IMAGE QUALITY AND SOURCE ON THE RESULTS

ANNOTATION. Forensic portrait examination occupies an important place in criminology, as it allows you to identify a person by his appearance, recorded in the images. Today, specialists are increasingly working with digital materials obtained from various sources such as CCTV cameras, mobile phones and the Internet. The relevance of the topic is related to the fact that the image quality and its source directly affect the ability to identify the features necessary for identification. If the image is of poor quality or distorted during shooting or subsequent processing, this significantly reduces the reliability of the expert's conclusions. The purpose of the work is to study how image quality and its origin are reflected in the results of forensic portrait examination.

KEY WORDS: forensic portrait examination, image quality, digital processing, identification, image source.

Портретная экспертиза, как правило, считается одним из классических направлений криминалистики, но в последние годы интерес к ней только усиливается. Во многом это связано с тем, что значительно расширился круг исследуемых объектов. Сегодня к ним относятся, в частности, цифровые фотографии, а также распечатки кадров, полученных с камер видеонаблюдения. Кроме того, всё чаще проводится экспертиза различной изобразительной продукции, созданной на основе фотоснимков с изображением конкретных людей. В результате у следствия всё чаще появляются изображения, которые можно использовать для установления личности. В таких условиях судебно-портретная экспертиза становится особенно важной. При этом практика показывает, что не каждое изображение подходит для надежной идентификации. Большое значение имеют как технические параметры изображения, так и условия его съемки.

Под качеством изображения в экспертной практике понимают совокупность характеристик, которые позволяют выявлять и анализировать признаки внешности человека. В первую очередь учитываются такие параметры, как разрешение, резкость, освещённость и контрастность.

На практике именно разрешение во многом определяет, сможет ли эксперт различить мелкие индивидуальные признаки. При низком разрешении, как правило, теряются детали формы носа, губ и ушных раковин. С увеличением разрешения становится возможным рассмотреть больше нюансов — например, морщины, особенности формы носа и контуры губ. Не менее важна и резкость: даже при хорошем разрешении размытое изображение заметно снижает его информативность.

Отдельно стоит учитывать влияние освещения. Резкие тени или, наоборот, пересвет могут искажать восприятие формы лица. Цветопередача также играет роль при оценке оттенков кожи, волос и глаз. В итоге одни признаки становятся почти незаметными, а другие выглядят иначе, чем есть на самом деле. Поэтому ухудшение качества изображения неизбежно сокращает объём информации, доступной для анализа, а в некоторых случаях не позволяет сделать однозначный вывод [1, с. 57].

Не менее важным фактором является источник изображения, так как во многом именно он определяет его качество.

Изображения с камер видеонаблюдения чаще всего используются в экспертной практике, однако именно с ними связано больше всего трудностей. Как правило, такие записи имеют невысокое разрешение и сжимаются, из-за чего теряется часть деталей [4, с. 65]. Кроме того, камеры обычно устанавливаются под фиксированным углом, который не всегда подходит для съёмки лица. Если человек находится в движении, изображение дополнительно размывается. Часто бывают

случаи, когда съёмка ведётся сверху вниз, и освещение является рассеянным, а не направленным непосредственно на объект [3, с. 121].

В результате элементы лица и их признаки фиксируются недостаточно чётко — иногда различимы лишь силуэты, которые не подходят для портретной идентификации. В то же время в литературе описаны случаи, когда по таким материалам всё же назначается экспертиза с задачей проведения портретной идентификации. Однако в подобных условиях специалисты уже на этапе предварительного исследования, как правило, приходят к выводу о невозможности её проведения.

Элементы лица и их особенности на таких материалах, как правило, фиксируются недостаточно четко. Иногда можно различить лишь силуэты, которые не позволяют экспертам провести полноценную портретную идентификацию. Но, тем не менее, в литературе описаны случаи, когда по подобным изображениям все же назначают экспертизу с задачей идентификации личности. Однако, на практике специалисты уже на этапе предварительного анализа, могут прийти к выводу, что провести ее в таких условиях невозможно.

Снимки, которые сделаны на смартфоны, обычно получаются более качественными. При работе с цифровыми изображениями важно учитывать, то, как именно они были получены, поскольку это влияет на то, как передаются особенности внешности. Современные программы позволяют по-разному обрабатывать такие изображения, например, улучшать их для удобства сравнения, изменять контраст и масштаб, или же поворачивать их под нужным углом, и при необходимости работать с отдельными фрагментами.

Отдельную группу составляют изображения из социальных сетей и других интернет-ресурсов. Как правило, они проходят многократное сжатие. Кроме того, современные устройства активно применяют автоматическую обработку: сглаживание кожи, повышение контрастности, использование различных фильтров. Такие изменения не всегда заметны сразу, но могут искажать реальные признаки внешности.

Кроме того, при съёмке на фронтальную камеру возможны геометрические искажения пропорций лица. Стоит также отметить, что видеопаратура невысокого уровня, как правило, не может существенно повысить качество отображения признаков внешности.

Исходя из выше сказанного, следует отбирать лишь такие группы признаков, которые действительно позволят провести портретную идентификацию, а также определить минимальный порог качества, при котором она еще возможна. Также дополнительно следует подчеркнуть, что в ряде случаев допустим лишь отрицательный вывод о тождестве, который в свою очередь, обладает собственной доказательственной ценностью в рамках процесса доказывания.

Наиболее удобными для исследования являются фотографии высокого качества. Тем не менее и в этом случае нельзя исключать влияние внешних факторов, таких как постановочное освещение или ретушь. Поэтому даже такие изображения требуют внимательной оценки.

В ходе исследования эксперт сталкивается с рядом факторов, которые могут существенно влиять на результат. В первую очередь это геометрические искажения, возникающие при съёмке под разными углами. Перспектива особенно меняет пропорции лица при использовании широкоугольной оптики.

Не менее важны условия съёмки: недостаточное освещение, большое расстояние до объекта или его движение ухудшают качество изображения. Кроме того, следует учитывать временной фактор — внешность человека может меняться с возрастом, а также в зависимости от причёски, наличия бороды или применения косметики.

Цифровой формат изображения на прямую влияет на видимость антропометрических точек. При увеличении проявляется эффект пикселизации — границы черт лица или иных внешних элементов становятся размытыми, нечеткими. Это происходит, потому что, само изображение дискретно, то есть состоит из отдельных пикселей. Как следствие, точно определить размеры и пропорции уже затруднительно, а стандартные методы нередко дают погрешность, либо вообще не применимы.

Визуальное восприятие небольшого размера лица в кадре может создавать иллюзию пригодности для анализа внешности. Однако при масштабировании изображения до стандартного размера, используемого в фототаблицах к заключению, происходит потеря детализации. Границы черт лица в таких случаях остаются размытыми и не поддаются идентификации. Это обстоятельство требует корректировки технологии оформления заключения, так как полноценная фототаблица в таких случаях невозможна.

Ситуация улучшается при поступлении видеозаписей с массовых мероприятий, митингов и подобных событий. В таких случаях специалист получает возможность селективно выбирать кадры, на которых лицо исследуемого объекта зафиксировано с максимальной степенью чёткости и в ракурсе, наиболее сопоставимом с имеющимися изображениями. Наличие серии кадров, отображающих одного и того же человека, позволяет интегрировать полученную информацию, выделяя совокупность устойчивых идентификационных признаков, достаточную для проведения сравнительного анализа. [5, с. 62]. Касательно этого, можно рассмотреть реальный пример из практики, так, в деле об изъятии денежных средств из банкоматов по похищенным картам на экспертизу были представлены кадры с изображением проверяемого лица. На кадрах уличной камеры преимущественно просматри-

валась верхняя часть лица, тогда как на записях камеры, которая была установлена на банкомате в помещении Сбербанка, лучше просматривается нижняя часть. В результате эксперт использовал метод суммирования изображений, последовательно анализируя кадры и объединяя информацию о признаках внешности проверяемого. Данные действия позволили получить полную совокупность признаков, которые были зафиксированы на разных банкоматах, и дать категорический вывод о тождестве.

Объектами судебно-портретных экспертиз в последние годы все чаще становятся изображения людей, которые были сделаны без их согласия. Указанные изображения могут либо с высокой степенью точности передавать внешний облик, либо демонстрировать целенаправленные преобразования, обусловленные авторским замыслом.

На преобразованных портретах сохраняются лишь основные черты, позволяющие опознать человека. Методические рекомендации и критерии оценки признаков для таких объектов отсутствуют, поэтому эксперты используют методики работы с обычными фотоснимками, что не полностью соответствует характеру изображений.

Особое внимание стоит уделять цифровой обработке. Она может как повысить информативность изображения, так и вызвать искажения. Эксперт должен чётко знать границы допустимого вмешательства.

Актуальной задачей в судебной портретной экспертизе для идентификации лица по фотографии, является установление наличия или отсутствия признаков ретуши и фотомонтажа [2, с. 100]. Это играет важную роль при оценке достоверности признаков внешности.

Также существуют и другие нерешённые вопросы, которые связаны с исследованием цифровых изображений в судебных портретных экспертизах:

1. нет методики исследования цифровых фото- и видеоизображений;
2. отсутствуют официальные указания о возможности выявления ретуши или монтажа и их влиянии на достоверность признаков внешности;
3. нет методических рекомендаций по применению специальных программ для улучшения качества изображений.

Из выше сказанного следует, что требуется разработка научно обоснованных рекомендаций по исследованию цифровых изображений в портретных экспертизах. Достичь данных целей можно следующими способами:

1. создание методических рекомендаций для проведения портретных экспертиз по цифровым изображениям;
2. решение вопросов идентификации личности только в рамках комплексной фототехнической и портретной экспертиз;

3. подготовка эксперта с повышением квалификации по двум направлениям: «судебная портретная экспертиза» и «фототехническая экспертиза».

Сегодняшняя практика такова - эксперты, как правило, не владеют специальными знаниями и методами обнаружения ретуши или фотомонтажа. Из-за этого возрастает риск ошибки - достоверность внешних признаков оценивается неверно, и итоговый вывод по идентификации может быть ошибочным. Поэтому на практике, когда у эксперта появляются сомнения о наличии признаков ретуши или фотомонтажа, он может ходатайствовать о предварительном проведении фототехнической экспертизы. Её результаты позволят ему работать уже с проверенным изображением [6, с. 51]. Я считаю, что предложенные способы подготовки экспертов и разработка методических рекомендаций по исследованию

цифровых изображений расширят возможности судебной портретной экспертизы и повысят качество идентификации личности по признакам внешности.

В заключение следует отметить, что качество и источник изображения напрямую влияют на результаты судебно-портретной экспертизы. Чем лучше исходный материал и надежнее его источник, тем выше вероятность точного результата. В то же время практика показывает, что эксперту часто приходится работать с изображениями с существенными недостатками.

В таких условиях особенно важны правильный выбор методов исследования и критическая оценка данных. Дальнейшее развитие судебно-портретной экспертизы зависит от совершенствования методов обработки изображений и создания единых методических подходов обработки.

Список литературы:

- [1] Абрамов С.С., Гусев А.А., Зинин А.М., Зотов А.В., Кисин М.В. Судебно-портретная экспертиза / С.С. Абрамцов, А.А. Гусев, А.М. Зинин, А.В. Зотов, М.В. Кисин — М.: РФЦСЭ, 2003. 163 с.
- [2] Анчабадзе Н. А., Мирошников А. С. Современное состояние практики исследования цифровых фотографических изображений с признаками цифровой ретуши и монтажа при проведении судебно-портретной экспертизы / Н. А. Анчабадзе, А. С. Мирошников // Судебная экспертиза. — 2018. — № 2. — С. 98—106.
- [3] Долгинов С.Д. Цифровые видеоизображения в криминалистической идентификации/ С.Д. Долгинов// *Ex iure*. — 2022. — № 3. — С. 116—127.
- [4] Зинин А. М. Актуальные проблемы судебной портретной экспертизы / А. М. Зинин// *Вестник экономической безопасности*. — 2018. — № 1. — С. 64—66.
- [5] Каримов В.Х. Перспективы использования фото- и видеоизображений, зафиксированных на электронно-цифровых носителях, в раскрытии и расследовании преступлений/ В. Х. Каримов// *Сибирский юридический вестник*. — 2021. — № 3. — С. 60—64.
- [6] Подволоцкий И. Н. Компетенция специалиста в области проведения судебных портретных экспертиз / И.Н. Подволоцкий// *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. — 2016. — № 8. — С. 47—55.

References:

- [1] Abramov S.S., Gusev A.A., Zinin A.M., Zotov A.V., Kisin M.V. Forensic Portrait Expertise / S.S. Abramtsov, A.A. Gusev, A.M. Zinin, A.V. Zotov, M.V. Kisin - Moscow: Russian Federal Center for Forensic Expertise, 2003. 163 p.
- [2] Anchabadze N.A., Miroshnikov A.S. Current State of the Practice of Studying Digital Photographic Images with Signs of Digital Retouching and Editing in Forensic Portrait Expertise / N.A. Anchabadze, A.S. Miroshnikov // *Forensic Expertise*. - 2018. - No. 2. - P. 98-106.
- [3] Dolginov S.D. Digital Video Images in Forensic Identification / S.D. Dolginov// *Ex iure*. — 2022. — No. 3. — P. 116-127.
- [4] Zinin A. M. Actual problems of forensic portrait examination / A. M. Zinin// *Bulletin of Economic Security*. — 2018. — No. 1. — P. 64-66.
- [5] Karimov V.Kh. Prospects for the use of photo and video images recorded on electronic digital media in the detection and investigation of crimes / V.Kh. Karimov// *Siberian Law Bulletin*. — 2021. — No. 3. — P. 60-64.
- [6] Podvolotsky I.N. Competence of a specialist in the field of forensic portrait examinations / I.N. Podvolotsky// *Bulletin of the O.E. Kutafin University*. - 2016. - No. 8. - P. 47-55.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-2-85-98

ГЕЛЬДИБАЕВ Мовлад Хасиевич,
доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент РАЕН, заслуженный профессор ГУАП,
профессор кафедры уголовного права
Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: geldibaev@mail.ru

ГУБАРЬ Дмитрий Станиславович,
ведущий юрисконсульт ФБУ «Научный центр
правовой информации при Минюсте России»,
г. Москва, Россия,
e-mail: dgubar@rambler.ru

ЛИНЕВ Антон Николаевич,
кандидат юридических наук,
руководитель экспертно-правового центра «Априори»,
г. Балашиха, Московская область, Россия,
e-mail: anton-linev@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

АННОТАЦИЯ. *Цель работы:* проведение комплексного сравнительно-правового анализа механизмов обеспечения АТЗ объектов и территорий в Российской Федерации и зарубежных государствах, а также выявление тенденций развития уголовно-правового регулирования в данной сфере на примере новейшего законодательства Великобритании.

Результат: в статье раскрыта эволюция подходов к противодействию терроризму от преимущественно реактивной модели к превентивной, основанной на предупреждении угроз. Проанализированы особенности международного и национального правового регулирования. Установлено, что российская модель характеризуется наличием специальных уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за нарушение требований АТЗ, однако такая ответственность связана с наступлением общественно опасных последствий. Особое внимание уделено уникальному опыту Великобритании, где с принятием Terrorism (Protection of Premises) Act 2025 сформирована новая модель правового регулирования, основанная на возложении обязанностей по обеспечению безопасности на владельцев объектов.

Практическая ценность: результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании российского уголовного законодательства, в частности при разработке норм, направленных на усиление превентивного потенциала требований АТЗ, а также криминализацию неисполнения обязательных предписаний уполномоченных органов. Выводы работы представляют интерес для правотворческой деятельности, правоприменительной практики, а также для научных исследований в области уголовного права и обеспечения общественной безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терроризм, противодействие терроризму, профилактика терроризма, антитеррористическая защищенность (далее – «АТЗ»), уголовная ответственность, Terrorism (Protection of Premises) Act 2025, Martyn's Law, зарубежный опыт.

GELDIBAEV Movlad Khasievich,
Doctor of Law, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences,
Distinguished Professor of the State University of Aviation Instrument Making,
Professor of the Criminal Law Department

GUBAR Dmitry Stanislavovich,
Leading Legal Advisor, Scientific Center
of Legal Information under the
Ministry of Justice of the Russian Federation,
Moscow, Russia

LINEV Anton Nikolaevich,
PhD in Law,
Head of the Apriori Legal Expertise Center,
Balashikha, Moscow Region, Russia

CRIMINAL LAW FRAMEWORK FOR ENSURING ANTI-TERRORIST PROTECTION IN RUSSIA AND FOREIGN STATES

ANNOTATION. *Purpose of the work:* to conduct a comprehensive comparative legal analysis of mechanisms ensuring anti-terrorist protection (ATP) of facilities and territories in the Russian Federation and in foreign states, as well as to identify trends in the development of criminal law regulation in this field, using the latest legislation of the United Kingdom as a case study.

Study findings: the article examines the evolution of approaches to counter-terrorism, shifting from a predominantly reactive model to a preventive one based on threat anticipation and mitigation. The features of international and national legal regulation are analyzed. It is established that the Russian model is characterized by the presence of specific criminal law provisions providing liability for violations of ATP requirements; however, such liability is generally linked to the occurrence of socially dangerous consequences. Particular attention is paid to the experience of the United Kingdom, where the adoption of the Terrorism (Protection of Premises) Act 2025 has established a new regulatory model based on the imposition of security obligations on premises owners and operators.

Practical importance: the findings of the study may be used to improve Russian criminal legislation, particularly in developing provisions aimed at strengthening the preventive potential of ATP requirements, as well as in criminalizing non-compliance with mandatory orders issued by authorized bodies. The conclusions are relevant for legislative development, law enforcement practice, and academic research in the field of criminal law and public safety.

KEY WORDS: terrorism, counter-terrorism, prevention of terrorism, anti-terrorist protection of facilities and territories, criminal liability, Terrorism (Protection of Premises) Act 2025, Martyn's Law, foreign experience.

Введение

Терроризм представляет собой сложное и многогранное социально-политическое явление, обладающее значительным историческим масштабом и глубокими корнями. Во все исторические периоды террор использовался в качестве инструмента запугивания общества, устранения отдельных политических деятелей и воздействия на органы власти с целью принуждения их к принятию определенных решений, нередко противоречащих интересам государства и общества. Изменялись лишь терминология, формы проявления и общественно-политическая оценка терроризма.

Так, уже в I веке н.э. насилие и запугивание применялись иудейской радикальной группировкой сикариев (от лат. *sicarii* — «кинжальщики»), использовавшей политические убийства как средство достижения религиозно-политических целей. В последующие столетия аналогичные методы получили распространение у представителей мусульманской секты ассасинов (от араб. *hashshāshīn* — «потребители гашиша»), а также в деятельности отдельных тайных обществ средне-

вековой Индии и Китая.

Существенное изменение смыслового содержания понятия «террор» произошло в период Великой французской революции, когда данный термин стал использоваться для обозначения особой системы политического управления и впервые получил официальное признание и идеологическое оправдание в качестве средства удержания и завоевания государственной власти [1].

Насильственные посягательства на представителей государственной власти были известны и в истории России. Одним из наиболее показательных примеров является убийство российского императора Александра II в 1881 году, организованное представителями революционного движения.

Причинами терроризма чаще всего являются экономическая нестабильность, имущественное неравенство, способствующие росту социальной напряженности, особенно среди представителей социально уязвимых групп населения. Низкий уровень жизни и отсутствие устойчивых перспектив нередко формируют благоприятную среду для распространения радикальных настроений. В

подобных условиях террористические структуры используют идейные и материальные стимулы как инструмент вербовки.

Существенное значение для формирования идей терроризма имеет уровень образования населения: недостаточная доступность качественного образования снижает способность критически воспринимать поступающую информацию и повышает восприимчивость отдельных лиц к идеологическим манипуляциям и экстремистской пропаганде.

Сегодня террористическая деятельность охватывает не только насилие против людей, но и нанесение имущественного ущерба, а также дестабилизацию государственных и частных объектов. Подобные действия, как и раньше, направлены на принуждение государства, общества или отдельных социальных групп к принятию определенных политических, идеологических либо социальных решений, отвечающих интересам террористических структур.

В целях противодействия возникающим угрозам государства формируют и реализуют комплексные антитеррористические стратегии, направленные на повышение уровня общественной безопасности и предупреждение террористических посягательств, принимают нормативные акты, предусматривающие уголовно-правовые запреты и позволяющие квалифицировать общественно опасные деяния в качестве террористических преступлений.

Мировое регулирование антитеррористической политики

Исторически развитие системы противодействия терроризму характеризовалось преобладанием силовых методов реагирования на уже совершенные террористические посягательства. Основные усилия государств в первую очередь концентрировались на пресечении конкретных террористических актов и ликвидации последствий их совершения, тогда как меры предупреждения и устранения причин, способствующих возникновению террористической угрозы, занимали менее значимое место в системе государственной политики [2].

Сегодня для большинства стран борьба с террористической деятельностью выступает приоритетным направлением государственной политики, что обусловлено высокой степенью общественной опасности данного явления и его разрушительным воздействием на государственную систему управления.

Несмотря на наличие схожих элементов уголовно-правового регулирования, а также профилактических организационно-правовых механизмов, каждое государство формирует собственную модель противодействия терроризму с учетом исторических, политических, правовых и социальных особенностей своего развития. В результате появляются различные подходы к определению

признаков террористической деятельности, объему уголовно-правовой ответственности и системе профилактических мер [3; 4].

В странах Скандинавии – Дании, Швеции и Норвегии сформирована комплексная система противодействия терроризму, сочетающая уголовно-правовые меры, расширенные полномочия правоохранительных органов и профилактическую политику, направленную на предупреждение радикализации. Законодательство этих государств предусматривает строгую ответственность за террористическую деятельность, включая наказание не только за совершение террористических актов, но и за связанные с ними действия: финансирование терроризма, участие в террористических организациях, вербовку, подготовку и содействие террористической деятельности. Особое внимание уделяется превентивным механизмам обеспечения безопасности. К таким мерам относятся развитие системы образования, усиленный контроль в сфере миграции, возможность депортации иностранных граждан при угрозе национальной безопасности, расширение полномочий правоохранительных органов в области сбора и анализа информации, правовое регулирование противодействия финансированию терроризма и отмыванию денежных средств, формирование устойчивой общественной среды, свободной от экстремистских идей [5].

Антитеррористическая политика США регулируется специальной системой нормативных актов, включенной в Свод законов, и основана на межведомственном взаимодействии государственных органов, реализации программ по предупреждению террористической деятельности, повышению общественной безопасности и минимизации последствий террористических актов. Законодательство определяет терроризм как незаконное применение силы или насилия против людей или имущества с целью запугивания населения или оказания давления на государственные органы для достижения политических или социальных целей. К террористическим актам относятся взрывы, вооруженные нападения, поджоги, убийства, захват транспортных средств и заложников, а также нападения на дипломатические представительства. Правовое регулирование предусматривает ответственность не только за совершение террористических актов, но и за финансирование терроризма, содействие террористическим организациям и иные формы поддержки. Законодательство также устанавливает ограничения на выдачу виз иностранцам, подозреваемым в причастности к терроризму, и запрет на финансовые операции с государствами и организациями, признанными террористическими [6; 7].

Во Франции основой антитеррористического регулирования является Уголовный кодекс, содержащий отдельный раздел, посвященный терроризму. К террористическим деяниям относятся посягательства на жизнь и безопасность чело-

века, похищения, захват объектов и транспортных средств, уничтожение имущества, а также действия в сфере информационных технологий, совершенные с целью запугивания населения и нарушения общественного порядка. Особенностью французского подхода является то, что террористическими признаются не только конкретные преступления, но и действия, методы и цели которых создают массовую угрозу обществу, что влечет более строгие наказания по сравнению с обычными уголовными составами. Закон также относит к соучастию помощь террористам, включая предоставление убежища, жилья, денежных средств и иной поддержки. Кроме того, законодательство предусматривает ответственность юридических лиц, которые могут использоваться для прикрытия террористической деятельности: могут применяться штрафы, запреты на деятельность, ограничения финансовых операций и даже меры по ликвидации организации. Отдельное внимание уделяется и новым видам угроз, включая экологический терроризм, связанный с умышленным загрязнением окружающей среды [6; 7].

В Индии противодействие терроризму регулируется специальным законодательством, определяющим террористический акт как противоправные действия, направленные на запугивание населения, разжигание национальной, религиозной или политической розни, оказание давления на государственные органы и причинение массового вреда. За совершение таких деяний установлены строгие меры ответственности, включая пожизненное лишение свободы и смертную казнь. Аналогичные санкции предусмотрены и для лиц, оказывающих содействие террористам, включая укрывательство, организацию и пропаганду терроризма. Предусматривается возможность привлечения к расследованию террористических преступлений местных органов власти и специализированных служб. Значительное внимание уделяется профилактическим мерам, включая информирование населения и обучение правилам поведения при террористических угрозах. Особенностью индийского законодательства является наличие разъясняющих примечаний и иллюстраций, способствующих более точному применению правовых норм на практике [8].

Система противодействия терроризму в Германии основана на уголовно-правовом регулировании деятельности террористических объединений, под которыми понимается устойчивая группа лиц, созданная для совершения тяжких преступлений с целью запугивания населения или достижения политических и идеологических целей, а также ответственности за содействие таким объединениям. Соответствующие нормы содержатся в Уголовном кодексе, а также иных федеральных актах. К террористическим преступлениям относятся насильственные действия против личности, захват заложников и разрушение имущества. Закон устанавливает ответственность за участие в

зарубежных террористических организациях и за финансирование терроризма, включая сбор и передачу денежных средств [9].

Антитеррористическая политика Китая включает международные обязательства, национальное законодательство и региональные нормативные акты. Уголовное право предусматривает ответственность за участие в террористических организациях, финансирование, пропаганду и другие формы содействия терроризму. Государством созданы специализированные координационные органы, обеспечивающие взаимодействие силовых структур и государственных институтов. Особое место в китайской стратегии занимает профилактика радикализации. Власти связывают распространение терроризма не только с религиозными факторами, но и с социально-экономическими проблемами отдельных регионов. В этой связи реализуются программы образования, профессиональной подготовки и социальной интеграции населения, направленные на снижение влияния экстремистских идей. Важным элементом системы является контроль информационного пространства и активное вовлечение общества в борьбу с терроризмом: государство использует механизмы мониторинга интернета, ограничение распространения экстремистского контента, общественный контроль [10; 11].

В государствах бывших союзных республик - Республике Таджикистан, Республике Узбекистан, Кыргызской Республике сформирована сходная система правового регулирования противодействия терроризму и экстремизму. Это во многом обусловлено общими историко-правовыми предпосылками, унаследованными от советской правовой системы. Законами данных стран формируется на основании принятых международных и национальных стратегий общественной безопасности, предусматривает уголовную ответственность за террористическую деятельность, ее финансирование, распространение экстремистских материалов, за несообщение о готовящихся террористических актах, прохождение подготовки с целью осуществления террористической деятельности и иные формы содействия террористическим организациям. Важное значение придается не только уголовно-правовым мерам, но и профилактике радикализации, развитию межгосударственного сотрудничества и взаимодействию с международными организациями. Особое внимание уделяется повышению роли образования, религиозных организаций и институтов гражданского общества, а также укреплению социально-экономической защищенности населения [12; 13; 14].

Современные исследователи в научных публикациях приходят к выводу о том, что реализуемые государствами меры в целом являются эффективными инструментами противодействия терроризму [15; 16; 17].

Так, в научной литературе подчеркивается

необходимость комплексного подхода, включающего политические, социально-экономические, правовые и идеологические меры, при этом отмечается, что исключительно силовые методы не обеспечивают устойчивого результата, поскольку направлены главным образом на устранение последствий терроризма, нежели его предотвращение.

В связи с этим важное значение придается превентивным мерам: блокированию источников финансирования террористических организаций, контролю за оборотом оружия и опасных веществ, идеологическому противодействию, деятельности специализированных силовых подразделений, а также развитию международного сотрудничества.

Меры противодействия террористическим угрозам в России

Первые нормативные акты российской империи, направленные на борьбу с революционным террором и охрану государственной и общественной безопасности, появились в конце XIX века. Одним из таких документов стало Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, утвержденное императором Александром III в 1881 году после убийства его предшественника. Данный акт предусматривал введение усиленной или чрезвычайной охраны в местностях, где общественное спокойствие нарушалось преступными действиями против государственного строя, общественной безопасности или собственности. Высшие должностные лица – генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники наделялись исключительными полномочиями, включая уголовно-процессуальные и административные меры: заключение подозреваемых в тюрьму, направление дел на рассмотрение военных судов, приостановку деятельности печатных изданий и учебных заведений. Предусматривались обязанности собственников и управляющих недвижимостью по организации внутреннего наблюдения за общественной безопасностью на принадлежащей территории и назначению ответственных лиц. За нарушение этих обязанностей могли применяться денежные штрафы или арест.

В советский период, когда ключевые средства производства и инфраструктура находились в государственной (социалистической) собственности и охранялись государством, в условиях низкой террористической активности и подавления политической оппозиции потребность в развитии частноправовых механизмов антитеррористической защищенности фактически отсутствовала.

Современный этап российского государства охарактеризован переходом к рыночной экономике, свободой предпринимательства и перемещения товаров и услуг, что создало условия для развития частной охранной деятельности для обеспечения безопасности объектов и террито-

рий [1].

Сегодня антитеррористическая политика Российской Федерации выступает ключевым элементом государственной стратегии в сфере обеспечения национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности государства, при этом наблюдается постепенное смещение акцентов от реагирования на уже совершенные преступления к их предупреждению и профилактике. Основные положения этой политики нашли свое отражение в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации [21].

Концепция определяет терроризм как одну из ключевых угроз национальной безопасности, обусловленную как внутренними социально-экономическими и политическими противоречиями, так и внешними факторами, связанными с деятельностью международных террористических организаций. Среди ключевых направлений предусмотрены предупреждение, пресечение террористической деятельности и минимизация последствий, при этом особое значение приобретают организационно-технические меры, ориентированные на оснащение критически важных объектов инфраструктуры, объектов жизнеобеспечения и мест массового пребывания людей современными средствами защиты, а также развитие механизмов ответственности в этой сфере.

Нормативной основой системы противодействия терроризму в Российской Федерации является Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [22], а также Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2006 № 116 «О мерах по противодействию терроризму» [23].

В качестве координационного органа создан Национальный антитеррористический комитет (далее – «НАК»), объединяющий высших должностных лиц государства и руководителей ключевых ведомств. К его основным полномочиям относятся мониторинг террористических угроз, координация деятельности органов власти и специализированных структур, а также контроль исполнения принимаемых решений, которые являются обязательными для государственных органов, организаций и должностных лиц [24; 25]. В субъектах Российской Федерации действуют региональные антитеррористические комиссии, возглавляемые руководителями исполнительной власти и включающие представителей территориальных органов ФСБ России, МВД России и МЧС России, которые обеспечивают координацию мер по профилактике терроризма и антитеррористической защищенности объектов и мест массового пребывания людей [26].

Правительством Российской Федерации утверждены обязательные требования по обеспечению безопасности и АТЗ критической инфраструктуры, транспортной системы, топливно-энергетического комплекса и места массового пребывания людей, которые устанавливают по-

рядок категорирования объектов и территорий, определяют комплекс организационных, режимных и технических мер, а также предусматривают оснащение объектов и территорий средствами инженерно-технической защиты, системами контроля доступа, видеонаблюдения и другими средствами обеспечения безопасности [27].

Нарушение данных требований грозит административной и уголовной ответственностью.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях представлен статьями 11.15.1 «Нарушение требований в области транспортной безопасности», 20.30 «Нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса», 20.35 «Нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) и объектов (территорий) религиозных организаций». Наказание дифференцируется, начиная от административного штрафа, и заканчивая приостановлением деятельности юридического лица [28].

В свою очередь Уголовным кодексом Российской Федерации предусмотрены специальные составы преступлений: статья 217.1 «Нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса», статья 217.3 «Нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий)», статья 263.1 «Нарушение требований в области транспортной безопасности». Уголовная ответственность наступает, если нарушение требований повлекло тяжкий вред здоровью, крупный ущерб или гибель людей. Наказание дифференцируется в зависимости от последствий и тяжести деяния и может варьироваться, начиная от назначения штрафа, и заканчивая лишением свободы на срок до восьми лет [29].

Таким образом, российское законодательство характеризуется тем, что содержит специальные требования к антитеррористической защищенности объектов и устанавливает не только административную, но и уголовную ответственность за их нарушение. При этом такая модель во многом обусловлена историческими предпосылками формирования дореволюционной системы обеспечения государственной безопасности.

Нормативное закрепление соответствующих требований в совокупности с введением ответственности за их нарушение обеспечивает антитеррористическую защищенность объектов и территорий, снижает риски террористических посягательств и создает правовые условия для своевременного выявления угроз.

Это подтверждено и рядом научных исследований, которые рассматривают антитеррористическую защищенность как одно из ключевых направлений комплексной концепции противодействия терроризму [2; 18].

Вместе с тем уголовно-правовые меры в

данной сфере должны соответствовать современному уровню развития международного антитеррористического регулирования, учитывая актуальные подходы к определению состава правонарушений, круга обязанных лиц и механизмов ответственности, применяемые в зарубежных правовых системах. Отсюда и возникает вопрос о наличии аналогичных правовых механизмов в законодательстве других зарубежных государств.

Уникальный опыт Великобритании

Антитеррористическая политика Великобритании строится на комплексной стратегии CONTEST, ключевым элементом которой является модель «4P»: предотвращение (Prevent), преследование (Pursue), защита (Protect) и подготовка (Prepare). Каждое из направлений имеет собственное функциональное назначение.

Компонент предотвращения ориентирован на выявление факторов радикализации, работу с уязвимыми социальными группами и противодействие распространению экстремистской идеологии, в том числе в интернет-пространстве. Преследование направлено на выявление, расследование и пресечение террористической деятельности, включая совершенствование законодательства, развитие возможностей спецслужб и международное сотрудничество. Защита предполагает повышение безопасности критически важной инфраструктуры, транспортной системы и мест массового пребывания людей, а также внедрение современных технологий анализа данных и обнаружения угроз. Направление подготовки связано с обеспечением готовности государственных структур к реагированию на террористические акты, координацией действий служб экстренного реагирования и оказанием поддержки пострадавшим.

Значительную роль в реализации антитеррористической политики играют специализированные структуры, включая контртеррористическую полицию, службу безопасности MI5, а также региональные подразделения по борьбе с терроризмом. Эффективность их деятельности во многом обеспечивается развитием цифровых технологий, совершенствованием обмена информацией и межведомственным взаимодействием.

Правовая база противодействия терроризму в Великобритании представлена рядом специальных законов, среди которых ключевое значение имеют Акт о терроризме, Акт о борьбе с терроризмом, преступности и безопасности, а также Акт о мерах по предупреждению и расследованию терроризма. Эти нормативные акты устанавливают уголовную ответственность за террористическую деятельность и ее финансирование, предусматривают расширенные полномочия правоохранительных органов, включая финансовый контроль, ограничения передвижения и усиленный административный надзор за лицами, подозреваемыми в причастности к терроризму [19; 20].

Законодательной новеллой является закон Terrorism (Protection of Premises) Act 2025, получивший неофициальное название Martyn's Law в честь Мартина Хетта, погибшего при террористическом акте 22 мая 2017 года во время концерта в Manchester Arena в городе Манчестер. Закон вводит так называемые «защитные требования» в отношении объектов и территорий, которые используются для общественных мероприятий, где возможно одновременное присутствие значительного числа людей, и предусматривает систему обязанностей и ответственности для лиц, обеспечивающих безопасность.

Следует отметить, что в отношении отдельных категорий объектов, включая парламентские учреждения, органы государственной власти, отдельные объекты транспортной инфраструктуры, а также здания и территории образовательного, детского и религиозного назначения, соответствующее регулирование осуществляется специальными нормативными актами (правительственными стандартами безопасности, руководствами в соответствующей сфере) [30; 31; 32; 33; 34].

По всем остальным объектам система требований Martyn's Law строится по двухуровневой модели. К стандартным относятся объекты, где одновременно могут находиться от двухсот до семисот девяноста девяти человек. Объекты повышенного уровня – это площадки, рассчитанные на восемьсот и более посетителей, где проводятся открытые публичные события, такие как концерты или фестивали.

Для стандартных помещений достаточно внедрения базовых процедур защиты, включая планы эвакуации, системы оповещения и координации действий персонала. Для объектов повышенного уровня требования значительно шире и включают дополнительные меры безопасности, такие как физические барьеры, системы видеонаблюдения, контроль доступа и иные защитные механизмы.

Ответственным лицом признается субъект, осуществляющий фактический контроль над объектом или мероприятием, например, руководитель торгового центра или организатор массового события. Если владельцем или оператором является организация, она обязана назначить должностное лицо, ответственное за выполнение требований закона.

Контроль за исполнением требований закона возложен на Security Industry Authority (далее – «SIA»), которая получила статус специализированного регулятора в сфере АТЗ. SIA наделена полномочиями по проведению проверок, выдаче обязательных предписаний, ограничению использования объекта при наличии угроз безопасности, применению финансовых санкций через уполномоченных инспекторов, имеющих доступ к объектам и документам [35; 36].

Закон предусматривает систему административных и уголовных санкций за нарушение установленных требований. Размер штрафов зависит

от категории объекта и количества посетителей. Для объектов с вместимостью от 200 до 799 человек предусмотрены штрафы до 10 000 фунтов стерлингов, тогда как для крупных объектов, рассчитанных на 800 и более посетителей, санкции могут достигать 18 миллионов фунтов стерлингов либо 5 % мирового годового оборота компании. В случае невыполнения предписаний регулятора могут также назначаться ежедневные штрафы, а при серьезных нарушениях возможно временное закрытие объекта или запрет на проведение мероприятий.

Закон устанавливает ряд уголовно наказуемых деяний, связанных с нарушением требований регулятора – SIA.

Одним из основных составов является неисполнение предписания о соблюдении требований безопасности. Например, владелец торгового центра или организатор фестиваля, получивший предписание устранить недостатки системы безопасности, может быть привлечен к уголовной ответственности, если не предпримет требуемых действий в установленный срок. Особенностью данного состава является принцип строгой ответственности: для привлечения к уголовной ответственности не требуется доказывать наличие умысла, достаточно установить сам факт неисполнения предписания в установленный срок. За такое нарушение предусмотрено наказание вплоть до двух лет лишения свободы.

Отдельным преступлением признается предоставление регулятору ложной или вводящей в заблуждение информации. Речь может идти о сведениях, передаваемых в уведомлениях, документации по безопасности, ответах на информационные запросы либо иных формах взаимодействия с регулятором. В отличие от предыдущего состава, здесь требуется наличие субъективной стороны: лицо должно либо знать о ложности представляемых сведений, либо действовать безразлично к их достоверности. Максимальная санкция аналогична — до двух лет лишения свободы.

Закон также устанавливает ответственность за воспрепятствование деятельности инспектора SIA. К таким действиям относятся, например, блокирование доступа инспектора к объекту, отказ предоставить запрашиваемые документы или иные умышленные действия, препятствующие реализации его полномочий. За подобное нарушение предусмотрены штраф и (или) лишение свободы на срок до шести месяцев.

Требования закона вводятся поэтапно: сначала применяются нормы, связанные с SIA, а основные положения начнут действовать после переходного периода, ориентировочно к весне 2027 года.

Закон Terrorism (Protection of Premises) Act 2025 является одним из первых специализированных актов, прямо закрепляющих юридическую обязанность владельцев объектов по предотвра-

щению террористических атак, основывается на риск-ориентированном подходе и принципе общей обязанности обеспечения безопасности, в рамках которых владельцы объектов самостоятельно оценивают уровень террористической угрозы и принимают разумные меры защиты, формируя тем самым превентивную модель безопасности [37; 38; 39; 40; 41].

Заключение

Законодательство зарубежных государств предусматривает ответственность не только за непосредственное совершение террористических актов, но и за различные формы содействия террористической деятельности. Существенное внимание уделяется противодействию финансированию терроризма и пресечению подготовки террористических актов. Вместе с тем за отсутствие или недостаточность антитеррористических мер со стороны владельцев или операторов объектов уголовная ответственность, как правило, не установлена, даже при наличии формализованных требований к антитеррористической защищенности их нарушение влечет главным образом лишь административные санкции.

Во Франции меры антитеррористической безопасности в общественных местах реализуются в рамках национального плана Vigipirate, который предусматривает усиленный контроль на объектах массового пребывания людей, транспортных узлах и крупных мероприятиях, а также координацию действий государственных органов и частных организаций. При повышенном уровне угрозы вводится режим максимальной готовности, предусматривающий дополнительные меры безопасности. Организация массовых мероприятий регулируется специальными нормами, обязывающими организаторов заранее декларировать проведение мероприятий и указывать меры безопасности [42].

В Германии значительное внимание уделяется усилению мер безопасности в общественных местах, прежде всего через развитие систем видеонаблюдения. С этой целью был принят закон Video Überwachungsverbesserungsgesetz, расширивший возможности использования камер на крупных публичных площадках и объектах транспортной инфраструктуры. Закон закрепляет приоритет защиты жизни и здоровья граждан при решении вопроса о допустимости видеонаблюдения. При этом данный акт не устанавливает обязательных требований к владельцам объектов по обеспечению антитеррористической защиты и не предусматривает уголовной ответственности за их невыполнение [43].

В США обеспечение безопасности общественных мест во многом строится на стратегических документах и рекомендациях федеральных органов. Одним из ключевых является Национальный план защиты инфраструктуры, который содержит рекомендации по защите критической инфра-

структуры, общественных пространств и массовых мероприятий, однако носит рекомендательный характер и ориентирован на сотрудничество государства и частного сектора. Обязательные требования для владельцев объектов отсутствуют, уголовная ответственность за игнорирование предложенных мер безопасности не применяется [44].

В Индии основным законодательством в сфере противодействия терроризму является закон о предупреждении противоправной деятельности и соответствующие разделы Уголовного кодекса, которые предусматривают широкий спектр террористических преступлений с наказаниями до пожизненного заключения, однако не накладывают на владельцев общественных мест обязанностей по обеспечению их безопасности. Дополнительно действуют меры для биометрического контроля на границе и мониторинга потенциальных угроз, но нет нормативного требования к строгой защите зданий или массовых мероприятий [45; 46].

В Китае ключевым нормативным актом является Закон о борьбе с терроризмом, который устанавливает обязательные меры безопасности для ключевых объектов и массовых мероприятий, охватывая транспорт, правительственные здания и места массового скопления людей. Обязанности владельцев и организаторов включают: проведение досмотров людей и вещей, организацию превентивных мер безопасности, проверку сотрудников, установку охранного оборудования (металлоискатели, видеонаблюдение) и предоставление информации контролирующим органам. Нарушение этих требований не влечет уголовной ответственности, но подпадает под административные санкции. Примеры наказаний: предупреждение и штраф до ста тысяч юаней для организации, до десяти тысяч юаней для ответственных лиц; административный арест до 15 дней. Ответственность распространяется на организации и назначенных должностных лиц. Контроль за исполнением возложен на полицию, которая проводит плановые и внеплановые проверки [47].

Россия долгое время оставалась первооткрывателем в вопросах применения уголовной ответственности за нарушение требований антитеррористической защищенности, уходя корнями в дореволюционную историю, когда формировались нормы, закреплявшие ответственность должностных лиц за надлежащую охрану государственной и общественной безопасности, что позднее нашло отражение в статьях современного Уголовного кодекса Российской Федерации.

Теперь же на мировой арене Закон Martyn's Law расширяет арсенал борьбы с терроризмом, возлагая обязанности по АТЗ на владельцев объектов с массовым пребыванием людей и вводя уголовные санкции за их невыполнение.

В последние годы в ряде государств началось обсуждение внедрения правовых механизмов,

аналогичных модели, закрепленной в Великобритании в законе Terrorism (Protection of Premises) Act 2025. Так, в США меры защиты общественных пространств реализуются в рамках программ по обеспечению безопасности мест массового пребывания людей. В Австралии действует национальная стратегия защиты таких объектов, ориентированная на взаимодействие государства и владельцев объектов при предотвращении террористических угроз. В Канаде аналогичные вопросы рассматриваются в рамках законодательства о защите критической инфраструктуры и национальной антитеррористической политики. Несмотря на отсутствие прямых законодательных аналогов, указанные инициативы свидетельствуют о формировании международной тенденции к возложению на владельцев и операторов публичных объектов дополнительных обязанностей по обеспечению антитеррористической безопасности [48].

Пока же можно констатировать, что Martyn's Law, наряду с уголовно-правовыми нормами Российской Федерации, остается уникальным законодательством с точки зрения уголовной ответственности за нарушения мер противодействия терроризму. Введение в действие ключевых положений закона откроет этап его практической реализации, позволит проанализировать применение уголовно-правовых механизмов обеспечения защищенности объектов и территорий, и в случае их эффективности – заимствовать и адаптировать отдельные элементы положительного опыта в законодательство Российской Федерации.

Очевидно, что SIA Великобритании в определенной степени сопоставима с российскими региональными антитеррористическими комиссиями, однако последние обладают существенно более ограниченным объемом полномочий, прежде всего в части применения мер принудительного воздействия. С учетом британского опыта можно предложить развитие российского уголовного законодательства через введение квалифицирующего признака, усиливающего ответственность в случаях, когда вред причинен не только из-за нарушения федеральных требований антитеррористической защищенности, но и вследствие неисполнения обязательных решений антитеррористических комиссий, обязывающих правообладателей принимать конкретные меры безопасности.

Также следует учитывать, что в правовой системе Великобритании с принятием закона Martyn's Law неисполнение установленных требований образует самостоятельное основание уголовной ответственности, тогда как в российском уголовном праве такая ответственность наступает лишь при наличии общественно опасных последствий, таких как причинение тяжкого вреда здоровью, значительного имущественного ущерба либо наступление смерти одного или несколь-

ких лиц. Отказ от избыточной привязки уголовной ответственности к дополнительным квалифицирующим признакам мог бы способствовать увеличению нормативной значимости российских требований к антитеррористической защищенности объектов и территорий.

Представленный сравнительно-правовой анализ позволяет сделать принципиально значимый вывод о формировании в современном праве качественно новой парадигмы противодействия терроризму – переходе от реактивной модели к модели нормативно закрепленной превенции. Если традиционно уголовное право фиксировало ответственность за уже совершенные общественно опасные деяния и их последствия, то новейшие законодательные конструкции, ярким примером которых выступает британский закон, институционализируют обязанность предотвращения угроз как самостоятельный объект правовой охраны.

На этом фоне российская модель, обладая развитой системой нормативного регулирования антитеррористической защищенности и уникальным опытом установления уголовной ответственности за нарушение соответствующих требований, демонстрирует высокий потенциал для дальнейшего развития. Сохранение привязки уголовной ответственности преимущественно к наступлению тяжких последствий объективно снижает регулятивное значение установленных обязанностей и не в полной мере реализует их предупредительный потенциал. Расширение значения обязательных предписаний уполномоченных органов и криминализация их неисполнения способны придать российскому уголовному праву дополнительную эффективность, превратив требования антитеррористической защищенности из формально обязательных в реально обеспеченные механизмами неотвратимости уголовной ответственности.

В более широком контексте проведенное исследование позволяет констатировать зарождение глобальной тенденции к перераспределению ответственности за безопасность от государства к совокупности публичных и частных субъектов, участвующих в организации общественного пространства. Это означает, что антитеррористическая защищенность перестает быть исключительно функцией государства и приобретает характер комплексной правовой обязанности, интегрированной в экономическую и социальную деятельность.

В таких условиях эффективность национальных правовых порядков будет определяться не только строгостью санкций, но и способностью формировать проактивную культуру безопасности, в которой предупреждение угроз становится приоритетом, а уголовное право – инструментом стратегического воздействия на поведение обязанных лиц.

Список литературы:

- [1] Шаповалов Я.А. Становление и динамика антитеррористической защиты объектов: частно-правовой аспект // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 3. С. 124-130.
- [2] Корнаухова Т.В. От борьбы к профилактике терроризма // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 4 (24). С. 26–33.
- [3] Магомедов М.Н. Анализ опыта зарубежных стран в борьбе с международным терроризмом // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4. С. 193-197.
- [4] Канкулов А.Х., Казак И.Б. Терроризм как предмет исследования в российском и зарубежном уголовном законодательстве // Аграрное и земельное право. 2023. № 8(224). С. 96-100.
- [5] Романовский Г.Б. Права человека и борьба с терроризмом: опыт Дании // Гражданин и право. 2022. № 10. С. 24-31. EDN: SGVRFF; Романовский Г.Б. Правовые основы противодействия терроризму в странах Скандинавии // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 75–81.
- [6] Пикин И.В. Правовые основы противодействия международному терроризму: зарубежный опыт // Научный вестник Крыма. 2021. № 1 (30).
- [7] Канкулов А.Х., Казак И.Б. Терроризм как предмет исследования в российском и зарубежном уголовном законодательстве // Аграрное и земельное право. 2023. № 8(224). С. 96-100.
- [8] Курсаев А.В. Новый Уголовный кодекс Индии 2023 г. // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 4. С. 73–77.
- [9] Серебренникова А.В., Лебедев М.В. Терроризм как угроза национальной безопасности федеративной республики германия // Пробелы в российском законодательстве. 2019. Т. 1. № 5. С. 85-88.
- [10] Койбаев Б.Г., Золоева З.Т. Правовые основы противодействия экстремизму и терроризму в китайской народной республике // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4. С. 169–174.
- [11] Галицкая Н.В. Правовые аспекты антитеррористической безопасности: опыт современного Китая / Административное и муниципальное право. 2022. № 3.
- [12] Шамурзаев Т.Т., Анисимов В.Ф. Преступления экстремистской и террористической направленности: сравнительный анализ уголовного законодательства Киргизии и России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 1 (59). С. 146 – 153.
- [13] Гаврилкин А.В., Ибрахим М.М., Велинью Родригес В.В. Терроризм в Республике Таджикистан от истоков до современного этапа: угрозы, регулирование и сценарии развития // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 7. С. 807–821.
- [14] Новикова Т.Ю., Палиева О.Н., Фоменко И.В. Особенности официальной политики противодействия терроризму уголовно-правовыми средствами в России и Узбекистане // Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 116-125.
- [15] Чэн Жуй Линь, Каспаров А.Р. Детерминанты современного терроризма и международные стратегии борьбы с ним // Наука. Образование. Современность / Science. Education. The present. 2024. № 1.
- [16] Князева О.В. Эффективность уголовной ответственности за преступления террористической направленности: (вопросы оптимизации) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 5. С. 106-109.
- [17] Манукян А.Р. Некоторые аспекты противодействия экстремизму и терроризму: опыт России и зарубежных стран // Право и управление. 2023. № 10. С. 519-524.
- [18] Ахьядов Э.С.-М., Нурадиева А.А. Современный терроризм: социально-политические детерминанты и стратегии противодействия (на примере Российского контекста) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 412-415.
- [19] Чимаров С.Ю. Теоретико-правовая парадигма борьбы с терроризмом в Великобритании: в контексте стратегического смысла четырех «Р» / Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 10. С. 142-146.
- [20] Моисеева А.К. Понятие терроризма в законодательстве России и Великобритании // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 1 (47). С. 17-22.
- [21] Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации от 05.10.2009 // Российская газета, № 198, 20.10.2009.
- [22] Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 28.03.2026).
- [23] Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2006 № 116 «О мерах по противодействию терроризму» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118476/ (дата обращения: 28.03.2026).
- [24] Указ Президента Российской Федерации от 02.09.2012 № 1258 «Об утверждении состава Национального антитеррористического комитета по должностям и внесении изменений в Указ Прези-

дента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» и в состав Федерального оперативного штаба по должностям, утвержденный этим Указом» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134673/ (дата обращения: 28.03.2026).

[25] Указ Президента Российской Федерации от 26.12.2015 № 664 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191103/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 28.03.2026).

[26] Положение об антитеррористической комиссии в субъекте Российской Федерации, утверждено национальным антитеррористическим комитетом 17.06.2016 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287453/ (дата обращения – 28.03.2026).

[27] Постановления Правительства Российской Федерации от 25.12.2013 № 1244 «Об антитеррористической защищенности объектов (территорий)», от 08.10.2020 № 1639 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для объектов транспортной инфраструктуры автомобильного транспорта, не подлежащих категорированию», от 08.10.2020 № 1641 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов инфраструктуры внеуличного транспорта (в части метрополитенов)», от 29.11.2021 № 2090 «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для объектов транспортной инфраструктуры воздушного транспорта, не подлежащих категорированию, и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 5 октября 2020 г. № 1603», от 23.12.2025 № 2107 «Об утверждении требований к функциональным свойствам технических средств обеспечения транспортной безопасности и Правил обязательной сертификации технических средств обеспечения транспортной безопасности» и другие, в том числе имеющие гриф ограниченного доступа.

[28] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 28.03.2026).

[29] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 28.03.2026).

[30] About MPs, Lords and officers. // UK Parliament. URL: <https://www.parliament.uk/mps-lords-and-offices/offices/bicameral/parliamentary-security-department> (дата обращения: 28.03.2026).

[31] Security policy framework. // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/security-policy-framework/hmg-security-policy-framework> (дата обращения: 28.03.2026).

[32] 2010 to 2015 government policy: transport security. // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/2010-to-2015-government-policy-transport-security/2010-to-2015-government-policy-transport-security> (дата обращения: 28.03.2026).

[33] School and college security // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/school-and-college-security/school-and-college-security> (дата обращения: 28.03.2026).

[34] Counter terrorism protective security advice for places of worship. // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/counter-terrorism-protective-security-advice-for-places-of-worship> (дата обращения: 28.03.2026).

[35] The Terrorism (Protection of Premises) Act 2025. // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/terrorism-protection-of-premises-act-2025-factsheets/terrorism-protection-of-premises-act-2025-the-regulator-sanctions-and-enforcement-factsheet#:~:text=The%20SIA%20must%20prepare%20guidance,Secretary%20before%20it%20is%20published> (дата обращения: 28.03.2026);

[36] Legislation.gov.uk. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2025/10/pdfs/ukpgaen_20250010_en.pdf#:~:text=Section%2036%3A%20Extent%20179%20Parts,into%20force%20on%20the%20day (дата обращения: 28.03.2026).

[37] Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government>; https://martynslaw.uk/?utm_source; https://www.shieldassociates.co.uk/services/the-protect-duty-martyns-law?utm_source (дата обращения: 28.03.2026);

[38] Organisers – Martyn’s Law and ICC Regulations. // ICC Wales. URL: <https://www.iccwales.com/organisers/reports/martyns-law> (дата обращения: 28.03.2026);

[39] Martyn’s Law // University of Essex. URL: https://www.essex.gov.uk/community-safety-essex/martyns-law-protect-duty?utm_source (дата обращения: 28.03.2026);

[40] Martyn’s Law – the main provisions in the new Terrorism (Protection of Premises) Bill 2024 // Francis Taylor Building. URL: https://www.ftbchambers.co.uk/news/article-view/martyns-law-the-main-provisions-in-the-new-terrorism-protection-of-premises-bill-2024?utm_source (дата обращения: 28.03.2026);

[41] Clifford Chance. URL: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/>

briefings/2025/05/martyns-law-enacted-to-require-buildings-and-events-to-mitigate-terrorism-risk.pdf?utm_source (дата обращения: 28.03.2026).

[42] Vigipirate. // Premiere Ministre. URL: <http://www.sgdsn.gouv.fr/vigipirate> (дата обращения: 28.03.2026).

[43] Ausweitung der Videoüberwachung beschlossen. // Evangelische Kirche in Deutschland. URL: <https://datenschutz.ekd.de/2017/04/10/beschluss-des-bundesrates-zum-videoueberwachungsverbesserungsgesetz/#:~:text=Das%20Gesetz%20besch%C3%A4ftigt%20sich%20inhaltlich,von%20%C2%A7%206b%20BDSG%20erreicht> (дата обращения: 28.03.2026).

[44] Martyn's Law around the world. Counter Terror Busines. // URL: <https://counterterrorbusiness.com/features/martyns-law-around-world#:~:text=Relevance%3A%20The%20U,Accessible%20Locations%20and%20crowded%20places> (дата обращения: 28.03.2026).

[45] Ministry of Home Affairs of India. URL: <https://www.mha.gov.in> (дата обращения: 28.03.2026).

[46] 'Natgrid', the search engine of digital authoritarianism. // Internet Freedom. URL: <https://internetfreedom.in/natgrid-the-search-engine-of-digital-authoritarianism> (дата обращения: 28.03.2026).

[47] Counter-terrorism Law (Initial Draft) // China Law Translate URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/ctldraft> (дата обращения: 28.03.2026).

[48] Martyn's Law around the World. // PSSA Management Council - PSSA Security. URL: https://pssasecurity.org/martyns-law-around-the-world/?utm_source (дата обращения: 28.03.2026).

References:

[1] Shapovalov Ya.A. Formation and Dynamics of Anti-Terrorist Protection of Facilities: Private Law Aspect // *Humanitarian and Legal Studies*. 2021. No. 3. pp. 124-130.

[2] Kornaukhova T.V. From Fighting to Preventing Terrorism // *News of Higher Education Institutions. Volga Region. Social Sciences*. 2012. No. 4 (24). pp. 26-33.

[3] Magomedov M.N. Analysis of Foreign Countries' Experience in Combating International Terrorism // *Gaps in Russian Legislation*. 2023. Vol. 16. No. 4. pp. 193-197.

[4] Kankulov A.Kh., Kazak I.B. Terrorism as a Subject of Research in Russian and Foreign Criminal Legislation // *Agrarian and Land Law*. 2023. No. 8 (224). Pp. 96-100.

[5] Romanovsky G.B. Human Rights and the Fight against Terrorism: The Danish Experience // *Citizen and Law*. 2022. No. 10. Pp. 24-31. EDN: SGVRFF; Romanovsky G.B. Legal Framework for Countering Terrorism in the Scandinavian Countries // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 2. Pp. 75-81.

[6] Pikin I.V. Legal Framework for Countering International Terrorism: Foreign Experience // *Scientific Bulletin of Crimea*. 2021. No. 1 (30).

[7] Kankulov A.Kh., Kazak I.B. Terrorism as a Subject of Research in Russian and Foreign Criminal Legislation // *Agrarian and Land Law*. 2023. No. 8(224). Pp. 96-100.

[8] Kursaeu AV New Indian Criminal Code 2023 // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. No. 4. Pp. 73-77.

[9] Serebrennikova AV, Lebedev MV Terrorism as a Threat to National Security of the Federal Republic of Germany // *Gaps in Russian Legislation*. 2019. Vol. 1. No. 5. Pp. 85-88.

[10] Koibaev BG, Zoloeva ZT Legal Framework for Countering Extremism and Terrorism in the People's Republic of China // *Humanitarian and Legal Studies*. 2021. No. 4. Pp. 169-174.

[11] Galitskaya N.V. Legal aspects of anti-terrorist security: the experience of modern China / *Administrative and municipal law*. 2022. No. 3.

[12] Shamurzaev T.T., Anisimov V.F. Extremist and terrorist crimes: a comparative analysis of the criminal legislation of Kyrgyzstan and Russia // *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. Vol. 16. No. 1 (59). Pp. 146-153.

[13] Gavrilkina A.V., Ibrahim M.M., Velinho Rodriguez V.V. Terrorism in the Republic of Tajikistan from its origins to the present stage: threats, regulation, and development scenarios // *Post-Soviet studies*. 2024. Vol. 7. No. 7. Pp. 807-821.

[14] Novikova T.Yu., Palieva O.N., Fomenko I.V. Features of the official policy of countering terrorism by criminal law means in Russia and Uzbekistan // *Legal sciences*. 2021. Vol. 7 (73). No. 1. Pp. 116-125.

[15] Cheng Rui Lin, Kasparov A.R. Determinants of modern terrorism and international strategies to combat it // *Science. Education. Modernity / Science. Education. The present*. 2024. No. 1.

[16] Knyazeva O.V. Effectiveness of criminal liability for terrorist-related crimes: (optimization issues) // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2023. No. 5. Pp. 106-109.

[17] Manukyan A.R. Some Aspects of Countering Extremism and Terrorism: The Experience of Russia and Foreign Countries // *Law and Management*. 2023. No. 10. pp. 519-524.

[18] Akhyadov E.S.-M., Nuradieva A.A. Modern Terrorism: Socio-Political Determinants and Counteraction Strategies (Based on the Russian Context) // *Law and State: Theory and Practice*. 2025. No. 2. pp. 412-415.

[19] Chimarov S.Yu. *Theoretical and Legal Paradigm of the Fight against Terrorism in the UK: in the Context of the Strategic Meaning of the Four «Ps» / Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2024. No. 10. pp. 142-146.

[20] Moiseeva A.K. *The Concept of Terrorism in the Legislation of Russia and the UK* // *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 1 (47). P. 17-22.

[21] *The Concept of Counteracting Terrorism in the Russian Federation*, approved by the President of the Russian Federation on October 5, 2009 // *Rossiyskaya Gazeta*, No. 198, October 20, 2009.

[22] Federal Law of March 6, 2006 No. 35-FZ «On Counteracting Terrorism» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (date accessed: March 28, 2026).

[23] Decree of the President of the Russian Federation of February 15, 2006 No. 116 «On Measures to Counteract Terrorism» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118476/ (accessed: 28.03.2026).

[24] Decree of the President of the Russian Federation of 02.09.2012 No. 1258 «On approval of the composition of the National Anti-Terrorism Committee by positions and amendments to the Decree of the President of the Russian Federation of 15 February 2006 No. 116 «On measures to counter terrorism» and the composition of the Federal Operational Headquarters by positions, approved by this Decree» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134673/ (accessed: 28.03.2026).

[25] Decree of the President of the Russian Federation of 26.12.2015 No. 664 «On measures to improve public administration in the field of countering terrorism» // SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191103/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (accessed: March 28, 2026).

[26] Regulation on the anti-terrorism commission in the constituent entity of the Russian Federation, approved by the national anti-terrorism committee on June 17, 2016 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287453/ (accessed: March 28, 2026).

[27] Resolutions of the Government of the Russian Federation of 25.12.2013 No. 1244 «On the anti-terrorist protection of facilities (territories)», of 08.10.2020 No. 1639 «On approval of requirements for ensuring transport security, including requirements for the anti-terrorist protection of facilities (territories), taking into account security levels for road transport infrastructure facilities that are not subject to categorization», of 08.10.2020 No. 1641 «On approval of requirements for ensuring transport security, including requirements for the anti-terrorist protection of facilities (territories), taking into account security levels for various categories of off-street transport infrastructure facilities (in terms of metros)», of 29.11.2021 No. 2090 «On approval of requirements for ensuring transport security, including requirements for the anti-terrorist protection of facilities (territories), taking into account security levels for facilities transport infrastructure of air transport, not subject to categorization, and the recognition of the invalidity of the Resolution of the Government of the Russian Federation of October 5, 2020 No. 1603, of December 23, 2025 No. 2107 «On approval of requirements for the functional properties of technical means of ensuring transport security and the Rules for mandatory certification of technical means of ensuring transport security» and others, including those marked with a restricted access stamp.

[28] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (date of access: March 28, 2026).

[29] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 28.03.2026).

[30] About MPs, Lords and officers. // UK Parliament. URL: <https://www.parliament.uk/mps-lords-and-offices/offices/bicameral/parliamentary-security-department> (date of access: 28.03.2026).

[31] Security policy framework. // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/security-policy-framework/hmg-security-policy-framework> (date of access: 28.03.2026).

[32] 2010 to 2015 government policy: transport security. // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/2010-to-2015-government-policy-transport-security/2010-to-2015-government-policy-transport-security> (date of access: 28.03.2026).

[33] School and college security // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/school-and-college-security/school-and-college-security> (date of access: 28.03.2026).

[34] Counter-terrorism protective security advice for places of worship. // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/counter-terrorism-protective-security-advice-for-places-of-worship> (accessed: 28.03.2026).

[35] The Terrorism (Protection of Premises) Act 2025. // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/terrorism-protection-of-premises-act-2025-factsheets/terrorism-protection-of-premises-act-2025-the-regulator-sanctions-and-enforcement-factsheet#:~:text=The%20SIA%20must%20prepare%20guidance,Secretary%20before%20it%20is%20published> (accessed: 28.03.2026);

[36] Legislation.gov.uk. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2025/10/pdfs/ukpgaen_20250010_en.pdf#:~:text=Section%2036%3A%20Extent%20179%20Parts,into%20force%20on%20the%20day

(accessed: 28 March 2026).

[37] Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government>; https://martynslaw.uk/?utm_source; https://www.shieldassociates.co.uk/services/the-protect-duty-martyns-law?utm_source (accessed: 28 March 2026);

[38] Organisers – Martyn’s Law and ICC Regulations. // ICC Wales. URL: <https://www.iccwales.com/organisers/reports/martyns-law> (date accessed: 28.03.2026);

[39] Martyn’s Law // University of Essex. URL: https://www.essex.gov.uk/community-safety-essex/martyns-law-protect-duty?utm_source (date accessed: 28.03.2026);

[40] Martyn’s Law - the main provisions in the new Terrorism (Protection of Premises) Bill 2024 // Francis Taylor Building. URL: https://www.ftbchambers.co.uk/news/article-view/martyns-law-the-main-provisions-in-the-new-terrorism-protection-of-premises-bill-2024?utm_source (accessed: 28.03.2026);

[41] Clifford Chance. URL: https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2025/05/martyns-law-enacted-to-require-buildings-and-events-to-mitigate-terrorism-risk.pdf?utm_source (accessed: 28.03.2026).

[42] Vigipirate. // Premiere Ministre. URL: <http://www.sgdsn.gouv.fr/vigipirate> (accessed: 28.03.2026).

[43] Ausweitung der Videoüberwachung beschlossen. // Evangelische Kirche in Deutschland. URL: <https://datenschutz.ekd.de/2017/04/10/beschluss-des-bundesrates-zum-videoueberwachungsverbesserungsgesetz/#:~:text=Das%20Gesetz%20besch%C3%A4ftigt%20sich%20inhaltlich,von%20%C2%A7%206b%20BDSG%20erreicht> (date of access: 03/28/2026).

[44] Martyn’s Law around the world. Counter Terror Busines. // URL: <https://counterterrorbusiness.com/features/martyns-law-around-world#:~:text=Relevance%3A%20The%20U,Accessible%20Locations%20and%20crowded%20places> (accessed: 28.03.2026).

[45] Ministry of Home Affairs of India. URL: <https://www.mha.gov.in> (accessed: 28.03.2026).

[46] ‘Natgrid’, the search engine of digital authoritarianism. // Internet Freedom. URL: <https://internetfreedom.in/natgrid-the-search-engine-of-digital-authoritarianism> (accessed: 28.03.2026).

[47] Counter-terrorism Law (Initial Draft) // China Law Translate URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/ctldraft> (date of access: March 28, 2026).

[48] Martyn’s Law around the World. // PSSA Management Council - PSSA Security. URL: https://pssasecurity.org/martyns-law-around-the-world/?utm_source (date of access: March 28, 2026).

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.02.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-2-99-103

Дата принятия рукописи в печать: 09.05.2026 г.

ЯВОЧКИН Артём Владиславович,
студент, кафедра предпринимательского
и энергетического права,
Казанский федеральный университет,
РФ, г. Казань,
e-mail: pimosha@vk.com

Научный руководитель:
СТАРОСТИНА Екатерина Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Казанский федеральный университет,
РФ, г. Казань,
e-mail: EkSStarostina@kpfu.ru

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ВИДЕОИГРЫ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется понятие и признаки видеоигры как комплексного правового явления. Отсутствие легального понятия видеоигры в российском законодательстве порождает теоретические и практические сложности в квалификации соответствующих отношений, определении применимого правового режима и защите прав участников игровой индустрии. На основе анализа доктринальных подходов, судебной практики и зарубежного опыта выделяются существенные признаки видеоигры, рассматривает дискуссию о ее правовой природе (программа для ЭВМ, аудиовизуальное произведение, сложный объект, мультимедийный продукт) и обосновывает необходимость нормативного закрепления понятия видеоигры с учетом ее технологической и содержательной специфики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: видеоигра, компьютерная игра, объект интеллектуальных прав, мультимедийный продукт, программа для ЭВМ, игровая индустрия, правовое регулирование.

YAVOCHKIN Artyom Vladislavovich,
Student, Department of Business and Energy Law,
Kazan Federal University,
Russian Federation, Kazan

Scientific supervisor:
STAROSTINA Ekaterina Sergeevna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Kazan Federal University,
Russian Federation, Kazan

THE CONCEPT AND FEATURES OF A VIDEO GAME IN LEGAL SCIENCE AND PRACTICE

ANNOTATION. The article examines the concept and features of a video game as a complex legal phenomenon. The absence of a legal concept of a video game in Russian legislation creates theoretical and practical difficulties in qualifying relevant relationships, determining the applicable legal regime, and protecting the rights of participants in the gaming industry. Based on the analysis of doctrinal approaches, judicial practice and foreign experience, the essential features of a video game are highlighted, the discussion about its legal nature (computer program, audiovisual work, complex object, multimedia product) is considered, and the need for normative consolidation of the concept of a video game is substantiated, taking into account its technological and substantive specifics.

KEY WORDS: video game, computer game, object of intellectual rights, multimedia product, computer program, gaming industry, legal regulation.

Стремительное развитие игровой индустрии превратило видеоигры в один из наиболее динамично растущих сегментов цифровой экономики. По данным ВЦИОМ, 22% россиян регулярно играют в видеоигры, что составляет более 32 миллионов человек. Экономические показатели отрасли, сложность внутриигровых взаимодействий и многообразие правовых связей между разработчиками, издателями и игроками настоятельно требуют уточняющего правового регулирования.

Однако действующее российское законодательство не содержит легального определения видеоигры. Более того, в доктрине отсутствует единое понимание правовой природы: видеоигру рассматривают и как разновидность программы для ЭВМ, и как аудиовизуальное произведение, и как сложный объект интеллектуальных прав, и как мультимедийный продукт. Такая неопределенность порождает серьезные практические проблемы - от сложностей с защитой исключительных прав до неясности в вопросе о применимости к внутриигровым отношениям законодательства о защите прав потребителей.

Задача данного исследования - сформировать комплексное представление о понятии и признаках видеоигры в юридическом смысле, выявить ее сущностные характеристики.

Проблематика правовой квалификации видеоигр привлекает внимание исследователей сравнительно недавно, что обусловлено технологическим развитием игровой индустрии преимущественно в последние два десятилетия.

Фундаментальное значение для понимания игр как социального и правового феномена имеют труды Й. Хёйзинги и Р. Кайуа, заложившие основы философского и культурологического осмысления игры. В современном юридическом дискурсе важную роль играют исследования В.В. Архипова, который рассматривает компьютерные игры в контексте медиафилософии и цифрового права, выделяя четыре сущностных качества игр: результаты интеллектуальной деятельности, информация, средство коммуникации и собственно игры.

Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные правовому статусу участников игровых отношений. А.И. Савельев исследовал правовую природу виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги. Проблемы применения законодательства о защите прав потребителей к отношениям с участием игроков анализировались в контексте судебных споров с участием Mail.Ru, Valve Corporation и других игроков рынка.

Вместе с тем комплексные исследования, посвященные системному анализу понятия и признаков видеоигры как правовой категории, в отечественной науке представлены недостаточно, что обуславливает актуальность настоящей работы.

Теоретическую основу исследования составили труды российских и зарубежных ученых в области гражданского права, права интеллектуальной собственности и информационного права.

Нормативную базу образуют Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая), федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О персональных данных», проект федерального закона «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации».

Эмпирическую основу составили материалы судебной практики: постановления судов по спорам между разработчиками и игроками, дела о защите исключительных прав, налоговые споры (в частности, дело ООО «Мэйл.Ру Геймз»), а также практика Суда по интеллектуальным правам.

Анализ доктринальных источников и судебной практики позволяет выделить совокупность признаков, характеризующих видеоигру как правовое явление.

1. Технологическая сложность и двойственная природа. Видеоигра не может существовать вне цифровой среды и всегда включает программный код (обеспечивающий функционирование) и аудиовизуальное отображение (обеспечивающее взаимодействие с пользователем). Как отмечает В.В. Архипов, в российском правовом порядке программа для ЭВМ в некоторых случаях охраняется как литературное произведение, поскольку авторское право охраняет внешнюю форму — внешнее выражение программного кода. При этом визуальная составляющая игры может квалифицироваться как аудиовизуальное произведение.

2. Интерактивность. Ключевое отличие видеоигры от иных аудиовизуальных произведений (кино, анимации) заключается в возможности пользователя влиять на развитие событий в игре. Игрок не является пассивным наблюдателем — его действия (в рамках, предусмотренных разработчиком) определяют последовательность демонстрации аудиовизуальных элементов.

3. Наличие правил (игровой механики). Любое взаимодействие с игрой зависит от определенных правил, заложенных в программном коде. Правила игры имеют двойственное значение: с одной стороны, это технические параметры функционирования программы, с другой — нормативная система, регулирующая поведение игроков в виртуальном мире.

4. Целостность при множественности элементов. Видеоигра представляет собой единый объект, несмотря на то что включает разнородные элементы: программный код, графические изображения, музыкальные произведения, литературный сценарий и т.д. Как справедливо отмечает А.Р. Шомахов, «в соответствии с самой правовой сущностью видеоигры и действующего на момент исследования законодательства РФ, компьютерную игру, по общему правилу, следует относить к

сложным объектам интеллектуальной собственности в качестве мультимедийного продукта».

В доктрине сложилось несколько подходов к определению правовой природы видеоигры.

Подход 1: Видеоигра как программа для ЭВМ. Сторонники этого подхода акцентируют внимание на том, что основа любой видеоигры - программный код, без которого невозможно существование игры. Данный подход находит поддержку в судебной практике: в деле Mail.Ru против ФНС суд квалифицировал онлайн-игру именно как программу для ЭВМ. Однако узость этого подхода проявляется в невозможности обеспечить адекватную охрану аудиовизуальных и художественных элементов игры, которые могут иметь самостоятельную творческую ценность.

Подход 2: Видеоигра как аудиовизуальное произведение. Данный подход распространен в американской практике, где видеоигры часто охраняются именно в этом качестве. Как указывает С.В. Рощенко, «заслуживающим внимания является пример самостоятельного выделения судом элементов видеоигры, подлежащих судебной защите в качестве объектов авторских прав». Китайская судебная практика также пошла по пути признания видеоигр «квазикинематографическими» произведениями для борьбы с играми-клонами.

Подход 3: Видеоигра как сложный объект (мультимедийный продукт). Наиболее перспективным представляется квалификация видеоигры как сложного объекта интеллектуальных прав по модели ст. 1240 ГК РФ. Как отмечает Е.С. Гринь, мультимедийный продукт — это «результат интеллектуальной деятельности, выраженный в цифровой форме, включающий различные охраняемые результаты (программу для ЭВМ, аудиовизуальные произведения, музыкальные произведения и др.) и обеспечивающий их взаимодействие при помощи программных средств». Данный подход позволяет учитывать гетерогенную природу видеоигры и обеспечивать охрану всех ее элементов в их единстве.

Отнесение видеоигры к той или иной категории объектов влечет существенные правовые последствия.

В сфере интеллектуальных прав. Признание видеоигры программой для ЭВМ определяет особенности правовой охраны (в частности, правила о регистрации, особенности ответственности за небуквальное копирование). В деле Sony против Datel Суд ЕС подчеркнул, что охрана компьютерных программ распространяется только на выражение программы (исходный и объектный код) и не затрагивает содержание переменных, используемых при работе программы. Это создает риски для правообладателей, поскольку модификация внутриигровых параметров может не считаться нарушением авторских прав.

В сфере защиты прав потребителей. Дискуссионным остается вопрос о применении к играм

законодательства о защите прав потребителей. Судебная практика демонстрирует разнонаправленные подходы: в одних делах суды отказывают в защите, ссылаясь на ст. 1062 ГК РФ (неприменение судебной защиты к требованиям, связанным с организацией игр и пари), в других — признают игрока потребителем. Как отмечается в материалах ГАРАНТ.РУ, «в Апелляционном определении Московского городского суда от 14 июля 2015 г. по делу № 33-24464/2015 суд признал игрока потребителем в споре об ограничении доступа к платным возможностям аккаунта».

В сфере налогообложения. Квалификация отношений между разработчиком и игроком влияет на налоговые последствия. В уже упоминавшемся деле Mail.Ru суд признал, что отношения включают элементы как лицензионного договора, так и возмездного оказания услуг, что повлекло доначисление НДС.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов относительно понятия и признаков видеоигры в юридическом смысле.

Прежде всего, необходимо отметить, что видеоигра представляет собой комплексное правовое явление, которое не относится целиком ни к одной из традиционных категорий объектов гражданских прав. Ее правовая природа может быть раскрыта через четыре сущностных качества, выделяемых В.В. Архиповым и его соавторами: результат интеллектуальной деятельности, информация, средство коммуникации и собственно игра. Каждое из этих качеств актуализируется в определенных правоотношениях и требует соответствующего правового инструментария.

Считается, что наиболее адекватной правовой конструкцией для описания видеоигры является категория «мультимедийный продукт» или «сложный объект». Как справедливо отмечает А.Р. Шомахов, «в крайне редких случаях такая квалификация может быть в пользу программы для ЭВМ, однако по общему правилу видеоигра — это именно мультимедийный продукт». Такой подход позволяет:

- во-первых, признать единство видеоигры как объекта, несмотря на множественность входящих в нее элементов;
- во-вторых, обеспечить адекватную охрану всех творческих элементов игры;
- в-третьих, создать правовую определенность для участников оборота.

Заслуживает внимания и зарубежный опыт. Китайская практика демонстрирует эволюцию от квалификации видеоигр как компьютерных программ к признанию их аудиовизуальными произведениями (квазикинематографическими) и дальнейшему обсуждению возможности их отнесения к категории «иных произведений». Американская практика традиционно склоняется к охране видеоигр как аудиовизуальных произведений, что позволяет эффективно бороться с небуквальным копированием.

Важным направлением совершенствования правового регулирования является разработка и принятие специального закона о видеоиграх. В декабре 2024 года в Государственную Думу был внесен проект федерального закона «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации», который устанавливает требования к организаторам сервисов распространения видеоигр, предусматривает маркировку видеоигр и возможность проведения экспертизы игрового контента. Хотя законопроект ориентирован преимущественно на публично-правовые аспекты (безопасность контента, защита несовершеннолетних), его принятие может стать важным шагом к формированию целостного правового регулирования игровой индустрии.

В рамках данной темы существуют актуальные проблемы, например, относятся ли виртуальные предметы к имуществу в юридическом смысле? Подлежат ли они защите?

Также одной из наиболее актуальных проблем считается необходимость выработать четкие критерии, позволяющие отграничить случаи, когда игрок выступает как потребитель (приобретение игры, оплата подписки) и когда его требования связаны исключительно с внутриигровыми отношениями.

Традиционно идеи и методы не охраняются авторским правом, однако в игровой индустрии копирование игровых механик становится серьезной проблемой. Требуется поиск баланса между свободой творчества и защитой разработчиков.

Подводя итоги исследования, можно сформулировать следующие основные выводы.

Видеоигра в юридическом смысле представляет собой сложный результат интеллектуальной деятельности, выраженный в цифровой форме, включающий программу для ЭВМ и аудиовизуальное отображение, обеспечивающие интерактивное взаимодействие с пользователем на осно-

ве заданных правил. Сущностными признаками видеоигры являются технологическая сложность (двойственная природа), интерактивность, наличие правил (игровых механик) и целостность при множественности элементов.

В российском законодательстве отсутствует легальное определение видеоигры, что порождает доктринальные споры о ее правовой природе и практические сложности в правоприменении. Наиболее адекватной представляется квалификация видеоигры как сложного объекта (мультимедийного продукта) по модели ст. 1240 ГК РФ, позволяющая учесть гетерогенную природу этого феномена и обеспечить охрану всех его элементов в единстве.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: сравнительно-правовой анализ регулирования видеоигр в различных юрисдикциях; исследование правового статуса виртуального имущества и возможности признания права собственности на внутриигровые объекты; анализ влияния технологий искусственного интеллекта на создание и функционирование видеоигр; разработка критериев разграничения творческого вклада разработчиков и автоматически генерируемого контента.

Развитие игровой индустрии, рост числа игроков и усложнение внутриигровых взаимодействий настоятельно требуют формирования целостного и непротиворечивого правового регулирования, основанного на адекватном понимании правовой природы видеоигры.

Таким образом, моя позиция заключается в том, что видеоигра представляет собой самостоятельный вид сложного объекта интеллектуальных прав — мультимедийный продукт, обладающий специфическими признаками (интерактивность, алгоритмическая заданность правил, единство программной и аудиовизуальной составляющих), что требует признания за ней особого правового статуса и соответствующего толкования действующего законодательства.

Список литературы:

- [1] Архипов В.В., Васильев А.А., Андреев Н.Ю., Печатнова Ю.В. Компьютерные игры в юридических исследованиях: к вопросу о предпосылках модели регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, вып. 1. С. 5-21.
- [2] Бабенко А.А. Авторско-правовая охрана видеоигр в Китае // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 105-123.
- [3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2006. N 52. ч. 1. Ст. 5496.
- [4] Гринь Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт: монография. М.: Проспект, 2020. 128 с.
- [5] Рощенко С.В. Видеоигра как объект авторских прав в эпоху развития цифровых технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4. С. 223-229.
- [6] Савельев А.И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127-150.
- [7] Шомахов А.Р. Роль видеоигр как сложных объектов интеллектуальной собственности в развитии искусственного интеллекта // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 3. С. 101-107.
- [8] Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий:

вызовы XXI века: монография. М.: Юстицинформ, 2020. 224 с.

[9] Sony Computer Entertainment Europe Ltd v. Datel Design and Development Ltd (C-159/23). Judgment of the Court of Justice of the European Union. // EUR-Lex.europa.eu. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62023CC0159> (дата обращения: 01.02.2026).

[10] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 июня 2015 г. № Ф05-7093/2015 по делу № А40-91072. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=224509> (дата обращения: 01.02.2026).

[11] Апелляционное определение Московского городского суда от 14 июля 2015 г. по делу № 33-24464/2015. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=588343> (дата обращения: 01.02.2026).

References:

[1] Arkhipov V.V., Vasiliev A.A., Andreev N.Yu., Pechatnova Yu.V. Computer games in legal research: on the prerequisites of the regulatory model // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2023. Vol. 14, issue 1. pp. 5-21.

[2] Babenko A.A. Copyright protection of video games in China // Bulletin of the Southwestern State University. Series: History and Law. 2025. Vol. 15, No. 4. pp. 105-123.

[3] Civil Code of the Russian Federation (part four) of 18.12.2006 N 230-FZ (as amended on 01.07.2017) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. N 52. Part 1. Art. 5496.

[4] Grin' E.S. Copyright for a Multimedia Product: Monograph. Moscow: Prospect, 2020. 128 p.

[5] Roshchenko S.V. Video Game as an Object of Copyright in the Era of Digital Technology Development // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2022. No. 4. pp. 223-229.

[6] Savelyev A.I. Legal Nature of Virtual Objects Purchased for Real Money in Multiplayer Games // Bulletin of Civil Law. 2014. No. 1. pp. 127-150.

[7] Shomakhov A.R. The Role of Video Games as Complex Objects of Intellectual Property in the Development of Artificial Intelligence // Social and Political Sciences. 2024. Vol. 14. No. 3. pp. 101-107.

[8] Churilov A.Yu. Legal regulation of intellectual property and new technologies: challenges of the 21st century: monograph. Moscow: Yustitsinform, 2020. 224 p.

[9] Sony Computer Entertainment Europe Ltd v. Datel Design and Development Ltd (C-159/23). Judgment of the Court of Justice of the European Union. // EUR-Lex.europa.eu. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62023CC0159> (date of access: 01.02.2026).

[10] Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of June 18, 2015 No. F05-7093/2015 in case No. A40-91072. // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=224509> (accessed: 01.02.2026).

[11] Appellate ruling of the Moscow City Court dated July 14, 2015 in case No. 33-24464/2015. // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=588343> (accessed: 01.02.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-2-104-109

ЖОГОЛЕВ Евгений Александрович,
магистрант 2 курса
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»,
г. Смоленск,
e-mail: anna19138@yandex.ru

Научный руководитель:
СЕРГЕЕВ Петр Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Смоленского государственного университета,
факультет истории и права,
тел. 8(4812) 700-280
e-mail: mail@law-books.ru

О НАПРАВЛЕНИЯХ УНИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА О НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

АННОТАЦИЯ. В статье проводится анализ правовых норм, регламентирующих деятельность некоммерческих организаций в контексте унификации законодательства Союзного государства России и Беларуси. Исследование показывает, что в законодательстве двух стран в части определения правового положения некоммерческих организаций имеются существенные различия. Дальнейшим направлением унификации видится закрепление в законодательстве Беларуси понятия приносящей доход деятельности и исчерпывающего перечня организационно-правовых форм некоммерческих организаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Союзное государство, законодательство, унификация, некоммерческие организации, приносящая доход деятельность.

ZHOGOLEV Evgeny Aleksandrovich,
second-year master's student,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education, Smolensk State University,
Smolensk

Academic Supervisor:
SERGEEV Petr Vladimirovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Civil Law Disciplines,
Smolensk State University,
Faculty of History and Law

ON THE DIRECTIONS OF UNIFICATION OF THE LEGISLATION OF THE UNION STATE ON NON-PROFIT ORGANIZATIONS

ANNOTATION. The article analyzes the legal norms regulating the activities of non-profit organizations in the context of the unification of legislation in the Union State of Russia and Belarus. The study shows that there are significant differences in the legislation of the two countries regarding the legal status of non-profit organizations. The further direction of unification is to establish the concept of income-generating activities and an exhaustive list of legal forms of non-profit organizations in the legislation of Belarus.

KEY WORDS: Union State, legislation, unification, non-profit organizations, income-generating activities.

Двусторонняя интеграция России и Беларуси осуществляется в рамках Таможенного союза, Евразийского экономического сообщества [1, с.4]. Важнейшим интеграционным блоком является Союзное государство, динамику развития которого определяет неослабевающее внешнее давление [2, с.97].

Так, в 2021 г. в рамках Союзного государства (далее - СГ) утверждено к исполнению 28 дорожных карт [12]. По оценкам министра экономического развития РФ Максима Решетникова, в 2024 г. 62 % запланированных мероприятий выполнены [13]. О важности дальнейшей интеграции свидетельствует заявление премьер-министра РФ Михаила Мишустина от 09.02.2026 о начале работы по подготовке дорожной карты по реализации союзного договора на следующие три года [14].

Следует отметить, что одной из целей создания СГ является формирование единой правовой системы, что отражено в ст. 2 Договора «О создании Союзного государства» [15]. Ее достижение, в частности, позволяет оптимизировать интересы его участников [3, с.233]. Алгоритмы ее реализации заложены в Основных направлениях реализации положений Договора, п.6 которого предусматривает унификацию гражданского законодательства в части некоторых видов договоров между хозяйствующими субъектами двух стран и принятия НПА, регулирующих отношения по поводу союзной собственности [16].

Как известно, хозяйственная деятельность осуществляется в форме производства продукции, осуществления работ и оказанию услуг, нацелена на извлечение прибыли, в связи с чем, имеет характер предпринимательской деятельности [4, с.5]. Хозяйственная деятельность НКО «является вспомогательной, направленной на реализацию основной цели (социальной, культурной и др.), и получаемая прибыль идет на реализацию именно этой цели, а не на удовлетворение частных имущественных интересов» [5, с.57]. Иными словами, применяя к НКО общие правовые режимы для регулирования их деятельности как юридического лица, следует учитывать особую правовую природу большинства форм некоммерческого сектора, обусловленную конституционным правом на объединение [6, с.40].

На современном этапе определение правового положения НКО, как представляется, не входит в сферу приоритетного внимания законодательных органов Союзного государства. В качестве исключения можно рассматривать инициативу Парламентского собрания союза Беларуси и России от 2022 г. о разработке модельного закона о финансировании НКО в рамках СГ [17].

Вместе с тем, некоммерческий сектор традиционно рассматривается как «некий «инди-

катор» развития гражданского общества, уровень проявления гражданских инициатив» [7, с.22]. Одним из примеров является Фонд Талая (Минск, Республика Беларусь), который успешно реализует благотворительные и волонтерские программы на территории СГ [18].

Таким образом, представляется актуальным сопоставить нормы законодательства России и Беларуси (далее - РБ), регулирующие положение НКО, на предмет выявления различий, которые обуславливают унификацию. Мы рассмотрим правовое регулирование предпринимательских форм деятельности НКО двух стран.

Отметим, что в Гражданских кодексах РФ и РБ раскрывается содержание предпринимательской деятельности, которое, в целом, тождественно для законодательства обеих стран: самостоятельная деятельность; имеет рисковый характер; направлена на систематическое извлечение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров (в ГК РБ - вещей), выполнения работ или оказания услуг. В отличие от белорусского «собрата», ст.2 ГК РФ содержит прямое указание на обязательность государственной регистрации [19], что, впрочем, в Беларуси восполняется нормой о государственной регистрации юридического лица (ст. 44 ГК РБ) [20]. Важным в данной связи является тождественное понимание признака направленности на систематичность извлечения прибыли, который, по некоторым оценкам, определяет сущность предпринимательской деятельности [8, с.76].

Важно отметить схожую признаковую базу юридического лица в части наличия обособленного имущества, ответственности по обязательствам, приобретения и осуществления гражданских прав и несения гражданских обязанностей от своего имени (ст. 48 ГК РФ и ст. 44 ГК РБ) [19; 20].

Значимым является тождественное нормативное разделение юридических лиц на коммерческие и некоммерческие по признаку направленности на извлечение прибыли и возможности ее распределения между участниками (п.1 ст. 50 ГК РФ и п.1 ст. 46 ГК РБ) [19; 20].

Существенным же различием является регулирование организационно-правовых форм НКО: п.3 ст. 50 ГК РФ закрепляет исчерпывающий перечень из 16 организационно-правовых форм, в то время как п.3 ст. 46 ГК РБ указывает на 10 форм [19; 20]. При этом в РБ данный перечень не является закрытым, что предполагает создание НКО в иных формах, предусмотренных национальным законодательством (п.3 ст. 46 ГК РБ) [19; 20].

Закрепление тех или иных форм НКО в законодательстве РФ и РБ, как видится, обусловлено спецификой регулируемых общественных отношений, экономическими и иными факторами. Так, можно предположить, что в Беларуси казачьи общества и общины коренных малочислен-

ных народов широко не представлены, в связи с чем, отсутствует необходимость правового регулирования указанных организационно-правовых форм НКО с использованием российской модели (например, ст.ст.123.15, 123.16 ГК РФ, ст.6.2, 6.1 закона «О некоммерческих организациях»).

При этом, для Республики Беларусь характерной особенностью является реализация некоммерческим сектором государственно значимых задач, что обуславливает необходимость регулирования правового положения республиканских государственно-общественных объединений, закрепленного в ст.117.1 ГК РБ [20]. В российской практике сходной формой НКО можно считать государственную корпорацию, учредителем которой является Российская Федерация. При этом организация создается для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций (п.7.1 закона «О некоммерческих организациях») [21].

Отличия в подходах к некоммерческому сектору проявляются и в том, что содержание целей российских НКО определяется ст.2 закона «О некоммерческих организациях» [21], в то время как белорусский законодатель закрепляет эти цели в п.3 ст.46 ГК РБ [20].

Фундаментальным отличием, которое, как представляется, потребует правотворческих усилий, является отсутствие в ГК РБ нормы о праве НКО осуществлять приносящую доход деятельность, которая закреплена в п.4 ст. 50 ГК РФ [19]. В данной связи также следует отметить новеллу о приведении правил регулирования деятельности российского некоммерческого сектора в соответствие с нормами ст. 50, пар.6 и 7 главы 4 ГК РФ путем внесения изменений в закон РФ «О некоммерческих организациях», которые ограничивают возможности НКО в осуществлении предпринимательской деятельности [21].

В Беларуси же за НКО закреплено право на ведение предпринимательской деятельности, если она необходима для их уставных целей, ради которых они созданы, соответствует этим целям либо поскольку она необходима для выполнения государственно значимых задач, предусмотренных в их учредительных документах, соответствует этим задачам (п.3 ст.46 ГК РБ) [19]. Данная формулировка тождественна содержанию предпринимательской деятельности НКО в редакции ст. 50 ГК РФ до 2014 г. [20].

При этом ст. 21 Закона РБ «Об общественных объединениях» в качестве источника формирования денежных средств объединения обозначает доходы от ПД [19], что также формирует предпосылки для ее адаптации к нормам Союзного государства с учетом действующей редакции ст. 50 ГК РФ.

Следует оговориться, что в доктрине и правоприменительной практике РФ до настоящего

времени продолжаются дискуссии о соотношении приносящей доход и предпринимательской деятельности [9, с.30], что создает трудности имплементации норм о приносящей доход деятельности и в союзное законодательство. Наряду с этим, российский правоприменитель распространяет к приносящей доход деятельности НКО положения законодательства, применимые к лицам, осуществляющим ПД [22].

Вместе с тем, в российской доктрине отмечается, что ПД предполагает систематическое извлечение прибыли (доход, уменьшенный на величину произведенных расходов) - НКО не могут извлекать прибыль, а могут получать только доход [23]. В данной связи, помимо предпринимательской деятельности, для которой применительно к некоммерческим организациям характерно отсутствие направленности на систематическое извлечение прибыли [10, с.168], НКО предоставлено право на получение дохода от других видов экономической деятельности, а также в форме имущественных поступлений. Вышеизложенное может послужить основой для закрепления правового режима приносящей доход деятельности НКО и в союзном законодательстве.

Как мы уже отмечали, в законодательстве РФ и РБ имеется схожее понимание юридического лица в части разделения на коммерческие и некоммерческие организации, что создает основу для унификации частноправовых норм об НКО.

Значимым различием является отсутствие в белорусском законодательстве нормы о праве НКО на ведение приносящей доход деятельности, которая экономически сходна с предпринимательской, но пределы реализации которой ограничены рамками основной деятельности. Целесообразность данной новеллы для законодательства Беларуси обусловлена тем, что направленность на извлечение прибыли не является основной (уставной) целью для некоммерческой организации. При этом осуществление приносящей доход деятельности, которая в отличие от предпринимательской деятельности носит вспомогательный характер, нацелена на обеспечение финансовой стабильности НКО для эффективного достижения уставных целей.

Также целесообразно рассмотреть вопрос о закреплении в ГК РБ закрытого перечня организационно-правовых форм, который позволяет «исчерпывающим образом регулировать статус всех этих организаций как юридических лиц – участников гражданского (имущественного оборота)» и оставляет возможность определять содержание их деятельности с позиций специальных законов [11, с.7]. Данный подход позволит исключить факты необоснованного создания НКО, которые не имеют самостоятельных формообразующих признаков.

Список литературы:

- [1] Антонов В.А., Корнеев А.Н. Опыт инновационного сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь в условиях становления Союзного государства // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. №4 (23).
- [2] Борисова О.А., Кравченко К.В. Дорожная карта в контексте развития Союзного государства Беларуси и России (2022–2023 годы) // Геоэкономика энергетики. 2024. № 1 (25). С. 96–110.
- [3] Барабаш В.В., Попова С.Ю. Историко-правовые основания информационной политики Союзного государства Россия — Белоруссия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 3–1, с. 231–236.
- [4] Предпринимательское (хозяйственное) право: учебник / под общ. ред. В.В. Лаптева. М.: Волтерс Клувер, 2006. 560 с.
- [5] Свит Ю.П., Щербакова М.А. Правовой режим хозяйственной деятельности некоммерческих организаций // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. №12. С.53-60.
- [6] Никитина Е.Е., Оболенкова Е.В. Реформа законодательства о некоммерческих организациях: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 38-49.
- [7] Ромодина А.М., Черепанова Л.Б. Взаимодействие НКО и государства в сфере оказания социальных услуг в РФ // Управление в современных системах. 2022. №4. С. 22-33.
- [8] Савенко Н.Е. К вопросу о понятии и признаках предпринимательской деятельности в современных условиях // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2022. № 1. Т. 22. С. 73–83.
- [9] Рудых С.Н., Сенотрусова Е.М. К вопросу об осуществлении некоммерческими организациями предпринимательской деятельности // Искусство правоведения. 2022. № 1(1). С. 29-34.
- [10] Ермолова А.П. Соотношение понятий предпринимательской и приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 166-175.
- [11] Суханов Е. А. О Концепции развития законодательства о юридических лицах // Журнал российского права. 2010. № 1. с. 5-12.
- [12] Минск и Москва договорились, как будут реализовывать «дорожные карты» // Информационное агентство «Sputnik Беларусь»: [сайт]. URL: <https://sputnik.by/20211110/minsk-i-moskva-dogovorilis-kak-budut-realizovyvat-dorozhnye-karty-1057818729.html> (дата обращения: 11.02.2026).
- [13] Беларусь и Россия приступили к подготовке нового пакета интеграционных программ // Информационный портал РегистрМедиа: [сайт]. URL: <https://profmedia.by/newse/eb/268836/> (дата обращения: 11.02.2026).
- [14] Россия и Белоруссия начали подготовку дорожной карты по союзному договору // Парламентское собрание Союза Беларуси и России: [сайт]. URL: <https://belrus.ru/info/rossiya-i-belorussiya-nachali-podgotovku-dorozhnoy-karty-po-soyuznomu-dogovoru/> (дата обращения: 10.02.2026).
- [15] Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» // СПС «Консультант Плюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/5a974962cd4e30c0c0b4e029f34ea4a007713d67/ (дата обращения: 11.02.2026).
- [16] Утверждены Декретом Высшего государственного совета СГ от 4 ноября 2021 г. № 6 «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021 – 2023 годы» // Официальный сайт постоянного комитета Союзного государства: [сайт]. URL: <https://postkomsg.rf/docs/item/237509/> (дата обращения: 11.02.2026).
- [17] Минск и Москва могут разработать модельный закон о финансировании НКО // Информационный портал «РИА Новости»: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20221026/zakon-1826967837.html?ysclid=mli5adpmz1443658136> (дата обращения: 11.02.2026).
- [18] Благотворительный Фонд Алексея Талая: [сайт]. URL: <https://wetogether.by/o-fonde/> (дата обращения: 11.02.2026).
- [19] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (часть первая) (ред. от 25.11.2025) // СПС «Консультант Плюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8d8cd335130f04a7036c1eb50fff606c93fc643a/?ysclid=mli6oa7g31285491974 (дата обращения: 11.02.2026).
- [20] Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE»: [сайт]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9800218> (дата обращения: 11.02.2026).
- [21] Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О некоммерческих организациях» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/87a16eb8a9431fff64d0d78eb84f86accc003448/ (дата обращения: 11.02.2026).
- [21] Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О некоммерческих организациях» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/87a16eb8a9431fff64d0d78eb84f86accc003448/ (дата обращения: 11.02.2026).
- [20] Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З // Информационно-по-

исковая система «ЭТАЛОН-ONLINE»: [сайт]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9800218> (дата обращения: 11.02.2026).

[19] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (часть первая) (ред. от 25.11.2025) // СПС «Консультант Плюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8d8cd335130f04a7036c1eb50fff606c93fc643a/?ysclid=mli6oa7g31285491974 (дата обращения: 11.02.2026).

[21] Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «О некоммерческих организациях» (в редакции федерального закона от 20.02.2026 N 30-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 11.03.2026).

[22] См.: п.21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Верховный Суд Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/8435/> (дата обращения: 11.02.2026).

[23] Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. 2019. Часть первая (постатейный) // СПС «Гарант» [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/77476412/> (дата обращения: 16.02.2026).

References:

[1] Antonov V.A., Korneev A.N. Experience of innovative cooperation between the Russian Federation and the Republic of Belarus in the context of the formation of the Union State // Internet journal «Science Studies». 2014. No. 4 (23).

[2] Borisova O.A., Kravchenko K.V. Roadmap in the context of the development of the Union State of Belarus and Russia (2022-2023) // Geoeconomics of Energy. 2024. No. 1 (25). Pp. 96-110.

[3] Barabash V.V., Popova S.Yu. Historical and legal foundations of the information policy of the Union State of Russia - Belarus // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2015. No. 3-1, pp. 231-236.

[4] Entrepreneurial (business) law: textbook / general. Ed. V.V. Laptev. Moscow: Wolters Kluwer, 2006. 560 p.

[5] Svit Yu.P., Shcherbakova M.A. Legal regime of economic activity of non-profit organizations // Bulletin of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2022. No. 12. pp. 53-60.

[6] Nikitina E.E., Obolonkova E.V. Reform of legislation on non-profit organizations: problems and prospects // Journal of Russian Law. 2018. No. 2. pp. 38-49.

[7] Romodina A.M., Cherepanova L.B. Interaction between NPOs and the state in the provision of social services in the Russian Federation // Management in modern systems. 2022. No. 4. pp. 22-33.

[8] Savenko N.E. On the Concept and Characteristics of Entrepreneurial Activity in Modern Conditions // Bulletin of SUSU. Law Series. 2022. No. 1. Vol. 22. pp. 73-83.

[9] Rudykh S.N., Senotrusova E.M. On the Implementation of Entrepreneurial Activity by Non-Commercial Organizations // The Art of Jurisprudence. 2022. No. 1(1). pp. 29-34.

[10] Ermolova A.P. The Correlation of the Concepts of Entrepreneurial and Income-Generating Activities of Non-Commercial Organizations // Issues of Russian Justice. 2023. No. 24. pp. 166-175.

[11] Sukhanov E.A. On the Concept of Development of Legislation on Legal Entities // Journal of Russian Law. 2010. No. 1. pp. 5-12.

[12] Minsk and Moscow agreed on how to implement the roadmaps // Sputnik Belarus News Agency: [website]. URL: <https://sputnik.by/20211110/minsk-i-moskva-dogovorilis-kak-budut-realizovyvat-dorozhnye-karty-1057818729.html> (accessed on 11 February 2026).

[13] Belarus and Russia began preparing a new package of integration programs // RegisterMedia Information Portal: [website]. URL: <https://profmedia.by/newse/eb/268836/> (accessed on 11 February 2026).

[14] Russia and Belarus began preparing a roadmap for the union treaty // Parliamentary Assembly of the Union of Belarus and Russia: [website]. URL: <https://belrus.ru/info/rossiya-i-belorussiya-nachali-podgotovku-dorozhnoy-karty-po-soyuznomu-dogovoru/> (accessed: 10.02.2026).

[15] Treaty between the Russian Federation and the Republic of Belarus of 08.12.1999 «On the Creation of the Union State» // SPS «Consultant Plus»: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/5a974962cd4e30c0b4e029f34ea4a007713d67/ (accessed: 11.02.2026).

[16] Approved by Decree of the Supreme State Council of the Union State dated November 4, 2021, No. 6 «On the Main Directions for the Implementation of the Provisions of the Treaty on the Establishment of the Union State for 2021-2023» // Official website of the Standing Committee of the Union State: [site]. URL: <https://посткомср.рф/docs/item/237509/> (date of access: 11.02.2026).

[17] Minsk and Moscow may develop a model law on financing NPOs // RIA Novosti information portal: [site]. URL: <https://ria.ru/20221026/zakon-1826967837.html?ysclid=mli5adpmz1443658136> (date of access: 11.02.2026).

[18] Alexey Talai Charitable Foundation: [site]. URL: <https://wetogether.by/o-fonde/> (accessed:

11.02.2026).

[19] Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 No. 51-FZ (Part One) (as amended on 25.11.2025) // SPS «Consultant Plus»: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8d8cd335130f04a7036c1eb50fff606c93fc643a/?ysclid=mli6oa7g31285491974 (accessed: 11.02.2026).

[20] Civil Code of the Republic of Belarus of December 7, 1998 No. 218-Z // Information Retrieval System «ETALON-ONLINE»: [website]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9800218> (accessed: February 11, 2026).

[21] Federal Law of January 12, 1996 No. 7-FZ (as amended on December 28, 2025) «On Non-Commercial Organizations» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/87a16eb8a9431fff64d0d78eb84f86accc003448/ (accessed: 11.02.2026).

[21] Federal Law of 12.01.1996 No. 7-FZ (as amended on 28.12.2025) «On Non-Commercial Organizations» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/87a16eb8a9431fff64d0d78eb84f86accc003448/ (accessed: 11.02.2026).

[20] Civil Code of the Republic of Belarus of December 7, 1998, No. 218-Z // Information Retrieval System «ETALON-ONLINE»: [website]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9800218> (accessed: February 11, 2026).

[19] Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, No. 51-FZ (Part One) (as amended on November 25, 2025) // SPS «Consultant Plus»: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8d8cd335130f04a7036c1eb50fff606c93fc643a/?ysclid=mli6oa7g31285491974 (accessed on 11.02.2026).

[21] Federal Law of 12.01.1996 N 7-FZ (as amended on 20.02.2026) «On Non-Commercial Organizations» (as amended by Federal Law of 20.02.2026 N 30-FZ) // SPS «Consultant Plus»: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (accessed on 11.03.2026).

[22] See: paragraph 21 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 «On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation» // Supreme Court of the Russian Federation: [website]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8435/> (accessed: 11.02.2026).

[23] Grishaev S.P., Bogacheva T.V., Svit Yu.P. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. 2019. Part One (article-by-article) // SPS «Garant» [website]. URL: <https://base.garant.ru/77476412/> (accessed: 16.02.2026).

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научно-правовой журнал

**№ 2
(апрель-июнь)
2026 г.**

научно-издательская группа
ЮРКОМПАНИ